

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ: ИСТИНА И ЕЕ ИМИТАЦИЯ

Нижний Новгород
2019

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство образования, науки и молодежной политики Нижегородской области
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ:
ИСТИНА И ЕЕ ИМИТАЦИЯ

Сборник статей
по материалам XIV Международной научной конференции
28 ноября 2018 г.

Нижегород
ННГАСУ
2019

ББК 151.1 + 87.3
М64
УДК 140.8

Материалы публикуются в авторской редакции

Мировоззренческая парадигма в философии: истина и ее имитация: [Электронный ресурс]: сборник статей по материалам XIV Международной научной конференции. /Нижегор. гос. архитектур. - строит. ун-т; редкол. М. М. Прохоров А. Ф. Кудряшев А. Н. Фатенков В. С. Лапшина – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2019. – 224 с. 1 электрон. опт. диск (CD–R) ISBN 978-5-528-00335-1

Целью анализа на конференции выступает не столько истина, сколько ее имитация, получившая в современном обществе широкое распространение. Анализируются основания, причины, формы и прочие факторы феномена имитации. Выявляются иные явления и соответствующие им термины, родственные имитации: симулякр и симулирование, фальсификация, подделка, манипуляция и т.д. Не менее важны последствия имитации в сфере познавательной, научной и практической деятельности. Данный пласт исследования гарантирует актуальность и приверженность участников конференции к научному и философско-мировоззренческому подходу.

Редакционная коллегия:

М. М. Прохоров (отв. редактор),
А. Ф. Кудряшев (зам. отв. ред.), А. Н. Фатенков (зам. отв. ред.), В. С. Лапшина

Рецензент – д. филос. наук, профессор М. М. Прохоров

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Прохоров М.М.</i> Истина, имитация и природа философского знания	6
<i>Каримов А.Р.</i> Эпистемический энвайронментализм	21
<i>Кудряшев А.Ф., Елхова О.И.</i> Перевернутая истина / <i>анишси кашлндрөөдэц</i>	24
<i>Фатенков А.Н.</i> Истина и экспансия реляционизма	37

Раздел II

Круглый стол:

ДОКЛАДЫ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

43

<i>Антаков С.М.</i> Метафизический подход к проблеме истины	43
<i>Антаков С.М.</i> «Объемлющее» К. Ясперса как начало онтогносеологии: трансцендентально-логические корни субъект-объектного дуализма	48
<i>Афанасьева В.В., Пилипенко Е. А.</i> Симуляция как отсутствие истины	50
<i>Баженов Д.А.</i> Что такое диалектика? Тезисы к вопросу	53
<i>Беляров В.В.</i> Манипуляции с сознанием: имитируя сопротивление	56
<i>Булычев И.И., Кирюшин А.Н.</i> Социально-философские и нравственно-политические тренды игровой деятельности	60
<i>Владимиров А.А.</i> Мировоззренческие метаморфозы истины	63
<i>Войтов А.Г.</i> Заблуждения и научное жульничество	65
<i>Волкова Т.И.</i> «Ложь во спасение» в медицине как имитация блага	68
<i>Воробьева С.В.</i> Образ истины в дискурсивной аналитике и ее имитация в повседневности	71
<i>Воробьева С.В., Куприянец А.В.</i> Когнитивные аспекты истины в аргументации	74
<i>Димитрова С.В., Туркулец А.В.</i> Абсолютная истина как способ актуализации бытия	77
<i>Доненко И.Л.</i> Божественный след фрактальных построений и математических множеств	81
<i>Дуплинская Ю.М.</i> Симулякр в неожиданном ракурсе: копия парадоксального образца	83
<i>Ерахтин А.В.</i> Обман как фактор социальной стабильности	86
<i>Ермолович Д.М.</i> Эволюция критериальности истины растолкованная через множество определений интеллекта	90
<i>Зеленко С.В.</i> Интертекстуальные симулякры в медиатекстах: редакторско-концептуальный анализ	94
<i>Зеленко С.В.</i> Имитация факта в дискурсе сми и факт-чэкинг медиатекста	96
<i>Зеленов Л.А.</i> Верификация истины в поле философского мировоззрения	99
<i>Зеленов Л.А., Владимиров В.А.</i> Общая теория мировоззрения (навстречу философской школе)	101
<i>Зеленцова М.Г.</i> Истина в контексте ценностей	103

<i>Кожевников Н.Н., Данилова В.С.</i> Система координат мира на основе предельных динамических равновесий как основной критерий истины	106
<i>Левко А.И.</i> Имитация истины как основная предпосылка наукообразия философии, и ее подлинная социально-культурная сущность	109
<i>Лойко А.И.</i> Истина и ментальность	113
<i>Лойко Л.Е.</i> Логические критерии достоверности обыденных суждений	116
<i>Лукьянов Г.И.</i> Симулякр как форма конструирования реальности	118
<i>Ляпанов А.В., Грушина Т.А.</i> К вопросу о соотношении истины и политической пропаганды (исторический анализ)	121
<i>Ляпанов А.В.</i> К вопросу о тенденциозности и фальсификации в истории	124
<i>Ляпанов А.В., Шешенина А.А.</i> К вопросу о фальсификации в исторической науке	126
<i>Магомедов М.К.</i> О некоторых негносеологических имитациях истины	129
<i>Мисюров Д.А.</i> Диалектика истины и лжи: моделирование с помощью диалектических диалогических схем и диалектических формул на основе двоичного счисления	133
<i>Митрофанов А.А.</i> Мифологическое восприятие мира виртуальной реальности	136
<i>Новиков В.Т.</i> Диалектика истины и пользы в хронополитике	138
<i>Огнев А.Н.</i> Проблема истины в свете онтогносеологической концепции	141
<i>Осьминин В.Т.</i> Абсолютная Истина и ее определение	144
<i>Петров В.П.</i> Истина как стремление к достоверности	146
<i>Пономаренко Н.В.</i> Мистериальная мистификация бессмертия в традиции древних греков	149
<i>Рыбаков Н.С.</i> Истина и смысл	152
<i>Сазонов В.Н.</i> Трансфинитная природа истины и её интерпретация в метафизике духа	155
<i>Серостанова О.Б.</i> Симуляция обмена как иллюзия отношений	158
<i>Спасский И.Д.</i> Логосное, энергийное и субстанциональное измерение онтологических процессов в контексте практики духовной трансформации	161
<i>Стоян А.А.</i> Симуляция как базовый элемент создания современной постидеологической реальности	164
<i>Тимощук А.С.</i> Нарратив как социальная мифология	166
<i>Тимощук Е.А.</i> Феноменология в общественном познании	169
<i>Харитонов А.М.</i> О некоторых последствиях географической имитации истины в научной среде на примере норманизма и антинорманизма	171
<i>Чернова Я.С.</i> Нарративная идентичность как понимание самости в концепции П. Рикера	174
<i>Чеснокова Л. В.</i> Ложь как коммуникационная стратегия в публичном пространстве	177
<i>Шрейбер В.К.</i> Что такое создатель истины?	180

Раздел III

Первые опыты философствования:

ВЫСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ И АСПИРАНТОВ

<i>Волченко В.В.</i> Риск и симулякр социокультурного пространства	185
<i>Глебов О.А.</i> Онтогносеологическое основание возможности имитации истины	188
<i>Горбунова М.В.</i> Международная правовая система в обществе риска: становление или симуляция?	190
<i>Даутова А.</i> Мировоззренческие взгляды С. Хокинга	193
<i>Ивашкевич П.С.</i> Самообман vs общение через интернет	197
<i>Кожуховская А.А.</i> Проблема фальсификации свойств лекарственных препаратов медицинскими представителями фармацевтических компаний	200
<i>Морозов К.Е.</i> Симулякр как средство политической борьбы	202
<i>Ровбо М.В.</i> Трактровка истины как иллюзии в философии Ф. Ницше	206
<i>Романычева Л.А.</i> Имитация и/или истина: критерии функционирования	209
<i>Садов К.С.</i> Нейрополитика: когнитивные основы имитации истины в целях управления политическим поведением	211
<i>Черняк Д.М.</i> Диалог о природе реальности как диалектика относительных истин	213
АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ	217

Раздел I

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ**ПРОХОРОВ М.М.**

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ИСТИНА, ИМИТАЦИЯ И ПРИРОДА ФИЛОСОФИИ

Начну с известного. Знание как субъективный образ объективного мира принято рассматривать в динамике отношения истины и лжи/заблуждения: мы движемся дорогой наращивания истины и преодоления лжи и заблуждения, оставаясь в пределах взаимоотношения абсолютной и относительной истины, не выпадая за эти границы в область соотношения мышления, *познающего* реальный мир, и имитации, *симулирования* мышления. Автор выявляет природу философии, учитывая положения отечественных и западных мыслителей, интерпретируя их в контексте противоположности истины и имитации.

Стремление к имитации, моделированию реальности обнаруживается на границах обыденного и научного знания. В философии к имитации прибегал Зенон, в мире которого Черепаха, вопреки отрицающей ее «фактуальности», оказывается впереди Ахиллеса. Такой «мир» стал прологом к мирам субъективистов, софистов, скептиков, к религиозному миру Средневековья, ныне к миру симулякров постмодернистов, к «игровым мирам», отвязанным от действительности «мирам возможного», всевозможным новым «моделям реальности», прорывам к трансцендентному и т.п. Уже в античности Платон указал на симулякр как на «копию копии...», которая не имеет оригинала, принципиальной отнесенности к прообразу в объективной реальности, характеризовал симулякр как крайнюю форму субъективизма. Постмодернисты пишут о симулякре как об онтологической проекции, фиксирующей способ осуществления событийности, реализуемый в акте семиозиса, который не имеет иной формы бытия, помимо перцептивно-символической¹. А.А. Зиновьев привязывает феномен имитации к «тенденции к упадку» или даже к «нисходящей ветви социальной эволюции». Именно они порождают имитации, которые в свою очередь пролонгируют их существование, тогда как истина порождается процессами восходящего развития и обслуживает их. Восходящая и нисходящая ветви бытийной эволюции, будучи *противопоставлены* друг другу, оказываются связанными между собой «законом зеркальности» (*перевернутости* – М.П.)². При симулировании мышления и творчества социальные законы продолжают свое действие, но оказываются *зеркальными* к законам «традиционного» развития с доминированием восхождения над нисхождением.

¹ Можейко М.А. Симулякр // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2011. С. 727.

² Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. С. 439.

При симулировании «действуют те же общие социальные законы, что и на восходящей ветви, но действуют» они «как зеркальное отражение их действия на восходящей ветви, то есть одновременно похоже, но и наоборот». В результате люди стремятся мыслить и творить «так, как положено действовать для успеха, но их усилия, которые могли бы принести успех в восходящей ветви эволюции, теперь, в ситуации эволюционного упадка, дают результаты противоположные. Получается лишь имитация подъема, успеха»³. А.А. Зиновьев рассматривает постсоветскую Россию зоной иллюстрации своих теоретических положений.

Имитация несет в себе опасность вывести познающего субъекта за границы действительности и ее познания в вымышленный мир, создаваемый человеческим сознанием. Как противодействие ей возникает потребность в отграничении мышления, познающего действительное бытие, и имитации мышления, устремляющегося за пределы объективной реальности, что привело к постановке и решению основного вопроса философии (ОВФ)⁴. Как известно, ОВФ имеет две стороны – онтологическую и гносеологическую, взаимно предполагающие друг друга в составе «онтогносеологии»⁵. Давно было замечено, что структура основного вопроса философии «образует содержательно-логический каркас философии как особой формы знания»⁶. Она образует «динамическую круговую структуру, которая прерывается и вновь восстанавливается в том или ином звене, в зависимости от цели и задач исследования»⁷. В ней резюмируется «все содержание философского знания»⁸.

В ее сути мыслители пытались разобраться на протяжении всей истории философии, фиксируя различие истины и ее имитации. Так, Б. Рассел, анализируя учение Дж. Беркли, утверждает, что «основания, с точки зрения которых защищается идеализм, обычно берутся из теории познания». И он ставит фундаментальный, онтологический вопрос «о различении в нашем восприятии вещей акта и предмета», «так как вся наша способность познавать другие вещи связана с ним»⁹. Беркли, согласно Б. Расселу, допускает такую ошибку смешения онтологии и гносеологии, в силу которой термин «идея» приобретает двусмысленное значение. Чтобы преодолеть двусмысленность, нужно «строго расчленив два совершенно различных вопроса, возникающих при рассмотрении чувственных данных и физических предметов». «С одной стороны, существует вещь, о которой мы знаем что-то», «с другой – имеет место реальное сознание, ментальный акт постижения вещи. Несомненно, что

³ Там же. С. 441.

⁴ Комарова В.Я. Учение Зенона Элейского: попытка реконструкции системы аргументов. СПб.: Изд-во ЛГУ, 1988. С. 84.

⁵ Прохоров М.М. От онтологии и гносеологии к онтогносеологии // Мировоззренческая парадигма в философии: Основоположения онтогносеологии: монография / Под ред. проф. М.М. Прохорова. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2018. С. 16-34.

⁶ Киссель М.А. Судьба старой дилеммы (рационализм и эмпиризм в буржуазной философии XX века). М.: Мысль, 1974. С. 3.

⁷ Дубровский Д.И. Относительное и абсолютное // Релятивизм как болезнь современной философии. М.: Канон, 2015. С. 48.

⁸ Киссель М.А. Ук. соч. С. 4.

⁹ Рассел Б. Проблемы философии. М.: Республика, 2000. С. 180-187.

ментальный акт духовен, но есть ли основание предполагать, что и сама воспринимаемая вещь духовна?». Б. Рассел утверждает, что Беркли должен был доказать «в самой общей форме, что познание вскрывает идеальность (mental) вещей», что «все, что может быть непосредственно познано, должно быть в сознании». Но такого доказательства он не дал: «Для доказательства этого положения частные аргументы (Беркли – *М.П.*), касающиеся зависимости чувственных данных от нас, бесполезны». Но ничего более Беркли не доказал, вступив на путь смещения «воспринимаемого явления с актом восприятия», назвав то и другое «идеей», перенося выражение «идеи находятся в сознании на идеи в ином (онтологическом – *М.П.*) смысле, а именно в смысле вещей, воспринимаемых в актах восприятия»¹⁰. Можно утверждать, что аргументация Беркли несостоятельна в силу его попытки непосредственного «наложения» («на/склеивания») положений онтологии и гносеологии друг на друга в духе дофилософского, мифологического мировоззрения.

Сам Б. Рассел прошел через сложный процесс «распчкования» философии и мистики. Вначале он соединял науку и мистику. В статье «Мистицизм и логика» (1914) он пишет, что «Метафизика, или стремление постичь мыслью мир в целом, всегда развивались в единстве и конфликте двух противоположных человеческих импульсов: один из них побуждал к мистицизму, другой – к науке. Некоторые люди достигли величия, следуя первому импульсу, некоторые – следуя только второму... Но величайшие люди, те, кого мы называем философами, ощущали нужду *одновременно* (выделено мной – *М.П.*) и в науке, и в мистицизме: в попытке гармонического соединения того и другого состояла цель их жизни». В это время Б. Рассел утверждал, что такого «соединения» удалось достичь Гераклиту и Платону. «Именно превращение изнуряющей неопределенности этой альтернативы превращает философию в более высокое занятие, чем наука, или религия»¹¹.

Чтобы разобраться в этом процессе, напомним, что в отличие от конкретных наук философию часто (вслед за Аристотелем, Гегелем и марксизмом) определяли как *науку* о всеобщем. Ныне философию относят к семейству мировоззрения (родовой признак философии), характеризуя ее как мировоззрение *теоретическое* (видовой признак философии) в отличие от нетеоретического: мифологического, религиозного, художественного, обыденного и др. Характеристика философии как теории всеобщего определилась исторически и логически в результате «отпочкования» от нее конкретных, частных наук. Последние приобрели самостоятельность по мере выделения той или иной «части» мироздания, исследуемой на эмпирическом и теоретическом уровнях, благодаря открытию соответствующих законов. «Объективность (обращенность к миру) и всеобщность (универсальность), – писал В.А. Штофф, – вот те критерии, которые отличают онтологию (философское учение о бытии – *М.П.*), с одной стороны, от гносеологии, а с

¹⁰ Там же. С. 181-184.

¹¹ Рассел Б. Почему я не христианин. Избранные атеистические произведения. М.: Политиздат, 1987. С. 37.

другой – не дают ей раствориться в тех частных науках, которые также изучают мир в его исторически преходящих и локальных состояниях»¹². Следовательно, философия непосредственно к семейству частных наук не может быть отнесена, ни онтологически, ни гносеологически. Современные «стандартные» науки имеют эмпирический и теоретический уровни исследования, тогда как в философии эмпирического уровня нет, его аналогом выступает совокупный опыт человечества.

В противоречии со сказанным позитивистски ориентированный Б. Рассел ищет сближения философии с наукой. Он признает, что со времен Пифагора в философии существовала противоположность между людьми, чьи мысли в основном стимулировались математикой, и теми, на которых больше влияли эмпирические науки. Платон, Фома Аквинский, Б. Спиноза и И. Кант называются Б. Расселом в числе «партии, которую можно назвать математической; Демокрит, Аристотель и эмпирики нового времени, начиная с Дж. Локка и до наших дней, относятся к противоположной партии»¹³. Его собственный «аналитический эмпиризм... включает в себя математику и развивает мощную логическую технику. Поэтому он способен достигнуть определенных ответов на некоторые вопросы, имеющие характер науки, а не философии»¹⁴. На *позитивной* стадии человек довольствуется выделением, благодаря эмпирическому уровню, постоянных связей явлений, на основе которых формулируются законы. Б. Рассел встает на путь интерпретации природы философии в духе доразвития самой философии до стандарта науки, когда пишет, что *Ничейная Земля философии «между теологией и наукой» «подвергается атакам с обеих сторон».*

«Философия в течение всей своей истории состояла из двух частей, не гармонизировавших между собой. С одной стороны, теория о природе мира, с другой стороны – этические и политические учения о том, как лучше жить. Неспособность достаточно четко разделять эти две стороны была источником большой путаницы в мыслях»¹⁵. Здесь налицо признание соотношения истины и имитации. Философскими Б. Рассел называет «концепции жизни (человека, homo sapiens – *М.П.*) и мира (world)», которые «являются продуктом двух факторов: один из них представляет собой унаследованные религиозные и этические концепции, другой – такого рода исследования, которые могут быть названы «научными», употребляя это слово в самом широком смысле. Отдельные философы сильно различаются между собой в зависимости от пропорции, в какой эти два фактора входили в их систему, но наличие обоих является в определенной степени тем, что характеризует философию»¹⁶.

Фактически Б. Рассел упирается здесь в двойственность, даже в противоположность идеального: «идеальное – это гносеологические образы» (выводящие к противостоянию истины и имитации, как «неистины» – *М.П.*) и

¹² Виктор Александрович Штофф и современная философия науки. СПб., 2007. С. 21.

¹³ Рассел Б. История западной философии. Ростов-на-Дону, 1998. С. 918.

¹⁴ Там же. С. 924.

¹⁵ Рассел Б. Ук. соч. С. 6, 925.

¹⁶ Рассел Б. Ук. соч. С. 6.

«высшие ценности бытия человека (добро, правда, справедливость, красота и т.п.), которые подлежат реализации в деятельности человека»¹⁷. Идеальное во втором смысле ограничено сферой «общественного», оно присуще общественному сознанию и было зафиксировано идеализмом, который не дал его научно-материалистического объяснения¹⁸, что было сделано в рамках материалистического понимания производства как человеческого творчества.

Ныне в этой сфере все чаще констатируются нерешенные проблемы, которые отграничивают гносеологическую функцию, выводя в сфере «постнеклассической науки» за ее пределы. Трактую ее как «прикладную», А.Л. Никифоров пишет: 1) «как только была осознана прикладная ценность научного знания, оно все больше стало подпадать под власть крупного капитала», 2) «научное знание становится товаром, ученый – наемным рабочим, производящим этот товар», 3) «происходит вытеснение внутринаучных ценностей», 4) «резкое сокращение доли фундаментальных исследований в общем объеме научной деятельности. 5) Кто платит, тот и заказывает музыку. Ныне платят капитал и государство, финансисты и политики, и именно они направляют науку в область прикладных исследований... В прикладных исследованиях внутринаучные ценности и цели действительно заменяются...» прикладными¹⁹. Разумеется, теми, кто заказывает эту «музыку», что приводит к обесцениванию фундаментальной науки, дающей истинное знание действительности, заслуживающее доверие с точки зрения и онтологии, и гносеологии. Тем самым выявляются непознавательные основания, социальные корни имитации.

Рассуждая аналогичным образом, Б. Рассел уподобляет философию науке, идеальному в первом смысле и противопоставляет ее религиозному мировоззрению, где доминирует идеальность во втором смысле. Согласно позитивизму, они должны быть разнесены во времени, чтобы понять их логически и исторически. Начиная с О. Конта позитивисты признавали вредным для развития науки союз с умозрительной «метафизикой», какой именуется традиционная философия, которая, согласно предложенному им закону трех стадий, следует за первой, теологической, где явления объясняются на основе религиозных представлений. Она предшествует третьей, позитивной, научной или высшей стадии познания, идеальности в первом смысле слова. На третьей стадии происходит отказ от объяснения природы «абстрактными» причинами – некими метафизическими сущностями, *гипостазированными абстракциями*, заменяющими сверхъестественные «факторы» религии, но родственные последним. Рациональный смысл этих положений Б. Рассела состоит в противопоставлении научного мышления с присущим ему движением знания в разных его формах, источником которого выступает противоречие истины, лжи и заблуждения, позволяющее наращивать истинность в науке, с

¹⁷ Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. 4 изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 260.

¹⁸ Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии, 1979, № 7. С. 150.

¹⁹ Никифоров А.Л. Что такое «постнеклассическая наука»? // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVI, № 2, с. 63-64.

одной стороны, и выходом за эти пределы в сферу симулирования, с другой, где категории истины, лжи и заблуждения вообще утрачивают свое значение. Традиционная философия критикуется им за попытку «органичного соединения» этих несовместимых трендов как «метафизика», которую должно преодолеть, ориентируясь на идеалы естествознания, «стандарта» науки, с идеальностью в первом смысле слова.

Итак, Б. Рассел обуславливает природу философии исторической *промежуточностью* ее «между» наукой и религией, которым свойственны противоположные типы *идеальности и гипостазирования*. «Словарь иностранных слов» сообщает, что «гипостазировать [греч. hypostasis сущность, субстанция] – приписывать отвлеченным понятиям самостоятельное существование, рассматривать общие свойства, отношения и качества (напр. мышление, волю) как самостоятельно существующие объекты; характерно для идеалистической философии»²⁰, а «Новейший философский словарь» добавляет, что гипостазирование есть рассмотрение абстрактных объектов, не обладающих временными и пространственными онтологическими статусами, в качестве непосредственных объектов человеческого мышления. Вневременность и внепространственность гипостазированных объектов отличает их от эмпирических объектов внешнего мира, обладающих пространственно-временными характеристиками²¹. С. Кара-Мурза полагает, что такое гипостазирование есть «порча сознания» или «сбой в мышлении», «способность» изобретать абстрактные, туманные термины, а затем создавать в воображении образ некоего явления и уже его считать реальностью и даже порой чем-то жизненно важным». Эти «псевдообразы» не опираются на хорошо разработанные понятия, воспроизводящие реальность, зато обозначаются словом, которое приобретает некую магическую силу. Эта «склонность» особенно проявила себя в эпоху перестройки²², то есть зоной иллюстрации этих теоретических положений С. Кара-Мурза, как и А.А. Зиновьев, признает постсоветскую Россию.

По мнению Б. Рассела такое гипостазирование абстракций наследуется философией от религии, тогда как со стороны науки приходит гипостазирование в значении возведения в ранг самостоятельно существующего объекта (субстанции) того, что в действительности является только свойством либо отношением чего-либо. Для чего? Для того, чтобы сделать его предметом специального исследования. Его и должна освоить «научная» философия. «По сравнению с философиями, которые создают системы, логический эмпиризм имеет то преимущество, что он в состоянии биться над каждой из своих проблем в отдельности (выделено мной – М.П.), вместо того, чтобы изобретать одним махом общую теорию всей вселенной. Его методы в этом отношении сходны с методами науки. Я не сомневаюсь, что,

²⁰ Словарь иностранных слов. Изд. седьмое. М.: Русский язык, 1980. С. 134.

²¹ Новейший философский словарь. / Сост. Грицанов А.А. Минск: Изд-во В.М. Скаун, 1998. С. 170.

²² Кара-Мурза С. Потерянный разум. М.: Алгоритм, 2005. С. 35-70.

насколько философское познание возможно, его надо будет искать именно такими методами. Я не сомневаюсь также, что с помощью этих методов многие очень старые проблемы могут быть полностью разрешены»²³; «все, что может быть познано, может быть познано с помощью науки, но вещи, которые законно являются делом чувства, лежат вне ее сферы»²⁴.

Рациональный смысл этих утверждений соответствует сути мышления как источника познавательной деятельности, в рамках которого происходит построение теорий, объясняющих наблюдаемые явления, открывающих законы той области действительности, которая выступает предметом изучения той или иной теории с помощью основных видов абстрагирования – обобщающего, различающего, отождествляющего, изолирующего абстрагирования и идеализации, – о которых говорит логика²⁵. Тем самым Б. Рассел указывает на векторность в эволюции человеческого познания, от традиционной философии к «стандарту» науки (например, «Г. Лейбниц верил в реальность бесконечно-малых величин, но, хотя эта вера соответствовала его метафизике, в математике она не имела твердой основы»²⁶), отсекая гипостазирование, связанное с основным вопросом философии, в пользу научного абстрагирования, которое для самостоятельного исследования того, что является лишь свойством или отношением чего-либо, возводит их в ранг самостоятельно существующего объекта/субстанции или так называемого абстрактного объекта (например, математическая точка, идеальный газ и т.п.). «Различие между духом и материей пришло в философию из религии, – заявляет Б. Рассел, – хотя долгое время казалось, что оно достаточно обосновано. Я думаю, что дух и материя – это просто удобные способы группирования событий. Я должен допустить, что одни единичные события принадлежат только к материальной группе, другие – к обеим группам и поэтому являются одновременно духовными и материальными. Такая картина значительно проясняет нашу картину структуры мира»²⁷.

О том, что религиозному мировоззрению предшествовало мифологическое, откуда и берет свое начало различие между духом и материей, Б. Рассел вообще не упоминает, следуя позитивистскому «закону трех стадий» и «снижая» мировоззренческую нагруженность философского знания, чтобы усилить за ее счет конкретно научную составляющую гипостазирования, порой оставаясь чутким и к мировоззренческому гипостазированию. Так, обращаясь к соотношению объективного и субъективного в философском познании Б. Рассел пишет о страхе греков перед *hybris* (судьбой) и их верой в необходимость, или судьбу, о средних веках пишет, что здесь покорность людей зашла еще дальше в виде смирения перед Богом, о Возрождении, которое, напротив, восстановило и довело человеческую субъективность до

²³ Рассел Б. История западной философии. С.924.

²⁴ Рассел Б. Ук. соч. С. 925.

²⁵ Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика. – М., Владос-Пресс, 2001. С. 16-18.

²⁶ Рассел Б. Ук. соч. С. 919.

²⁷ Рассел Б. Ук. соч. С.923.

степени анархии, пишет, что современная техника оживила сознание коллективной силы человеческого общества настолько, что человек начал считать себя почти богом. И указывает на опасность «космической непочтительности» со стороны человека по отношению к объективности, на несоответствие между тем, что человек делает, и тем, что он думает о том, что он делает. Это видно из следующей характеристики им «истины»: «Понятие «истины» как чего-то, зависящего от фактов, в значительной степени не поддающихся человеческому контролю, было одним из способов, с помощью которых философия до сих пор внедряла необходимый элемент скромности. Если это ограничение гордости снято (т.е. объективность отброшена – *М.П.*), то делается дальнейший шаг по пути к определенному виду сумасшествия – к отравлению властью (субъективности – *М.П.*), которое вторглось в философию с И. Фихте и к которому тяготеют современные люди». «Я убежден, что это отравление является самой сильной опасностью нашего времени и что всякая философия, даже ненамеренно поддерживающая его, увеличивает опасность громадных социальных катастроф»²⁸. В изложении Б. Рассела «Учение Джемса – это попытка возвести надстройку веры на фундаменте скептицизма, и, как все подобные попытки, она ведет к ошибкам. В данном случае ошибки проистекают из попытки игнорировать все факты вне человека (это звучит материалистически – *М.П.*). Берклианский идеализм в сочетании со скептицизмом привели к тому, что бога подменили верой в бога и считают, что это ничуть не хуже. Но это только одна из форм субъективного сумасшествия, характерного для большей части современной философии»²⁹.

Нужно исправить подход Б. Рассела. Уместно напомнить, что исторически первой стадией «воззрений о мире» было устное народное творчество с мифологическим мировоззрением, где объективное и субъективное не противопоставляли друг другу, а брали их «синкретично»³⁰. Религия сделала первый шаг к преодолению синкретичности. Она не только расчленила их, но и ввела представление о двух мирах, естественном и сверхъестественном, сделав новый шаг к имитации. Естественный мир попал в полную зависимость от сверхъестественного, истина попала в зависимость от имитации. В то же время религия не вполне преодолела синкретичность, сохранив ее в понимании божественных обитателей сверхъестественного мира, наделенного одновременно чертами объективности, независимости от всего человеческого и в то же время субъективными, человекообразными чертами³¹. Не случайно, древность породила ироничные замечания, что если бы быки и львы имели руки, то они нарисовали бы богов, наделив их своими чертами, как

²⁸ Рассел Б. История западной философии. С.918.

²⁹ Рассел Б. Ук. соч. С. 908.

³⁰ Прохоров М.М. Онтогносеология: актуальные аспекты взаимоотношения онтологии и гносеологии // Мировоззренческая парадигма в философии: Онтогносеология: Сборник статей по материалам XIII Международной научной конференции (Н. Новгород, ННГАСУ, 14 марта 2017 г.). – Нижний Новгород: Изд-во ННГАСУ, 2017. С. 6-14.

³¹ Прохоров М.М. Мировоззренческая самоидентификация человека. Монография. Н. Новгород, 1998. Гл. 1.

это делает каждый народ, наделяя своими признаками своих богов. Антропоморфность богов Ксенофан характеризовал как нелепость, настаивая на демифологизации природных явлений, в которых «светится» сам человек и недостает объективности. Этим была обусловлена необходимость появления философии, ибо мировые религии поднялись к более абстрактным представлениям, освобождая бога от национально-этнических черт, но не от черт человека вообще. Не случайно, что философия поставила вопрос, действительно ли мир создан антропоморфным Богом, Творцом, Субъектом или же он существует как объективная реальность, не зависящая ни от какого субъекта. Ф. Энгельс не случайно констатировал, что вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, высший вопрос всей философии, имеет свои корни – не в меньшей степени, чем всякая религия – в ограниченных представлениях людей периода «дикости и невежества», т.е. в мифологии, но «со всей резкостью» он мог быть поставлен и «приобрести все свое значение» только после Средневековья.

Чтобы преодолеть ограниченность позитивистского подхода Б. Рассела обратимся к концепции осевого времени К. Ясперса. Согласно К. Ясперсу, вместе с появлением философии формируются наиболее важные понятия мировоззрения, в которых люди осознают мир, себя и свое место в мире, что позволяет связать ее с «поворотным периодом» в истории человечества, одновременно исключая указание «на то, что произошло божественное вмешательство. Ни в коей мере. Ибо это было бы не только *saltomortale* из сферы познания в сферу видимости (*имитации* – М.П.) познания, но и непозволительной навязчивостью по отношению к божеству». Вопрос о божестве он оставляет «открытым», говорит о сохраняющейся здесь «тайне»³². Учитывая различия в вере разных народов, он ищет то, что свойственно не только его «верующей части», но всему человечеству. Он заявляет, что основой, на которой может произойти объединение всех людей, не может быть *откровение*, что ею может быть только *опыт*. «Откровение – это образ исторически частной веры, опыт же доступен человеку как таковому. Все мы, люди, можем сообща знать о действительности этого универсального преобразования человечества в осевое время», которое «охватило всех людей»³³. Ось мировой истории может быть обнаружена только *эмпирически*, в качестве *факта*, который значим для всего человечества.

Здесь заметен дух методологии Ф. Бэкона, для которого «исходной клеточкой» выступало онтогносеологическое «раздвоение единого» на бытие и знание бытия как результат «анализа», который становится анализом тогда, когда он «добирается» до *онтогносеологического* «раздвоения единого». Поэтому Ф. Бэкон выступает против *подмешивания* человеческого, субъективного в познаваемую реальность, которое называет призраком рода. Истинную связь вещей он видит в определении ее *естественной* причинностью, хотя все еще

³² Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. 2-ле изд. М.: Изд-во «Республика», 1994. С. 48.

³³ Ясперс К. Ук. соч. С. 49.

разделяет концепцию двойной или двойственной истины Средневековья при рассмотрении науки в виде пирамиды. Ф. Бэкон пишет, что «ближе всего к основанию» ее расположена физика, к вершине – метафизика, тогда как самая верхняя часть пирамиды, конус указывает на тайну творения, «которое от начала до конца есть дело рук Бога». Тем не менее, за «единственное основание» Ф. Бэкон признает «историю и опыт»³⁴. Итак, объективная реальность дается человеку в его эмпирических ощущениях и восприятиях, которые есть то, что находится *между* нею и человеком.

Следуя «здравому смыслу», не сомневаясь в существовании внешнего мира истории, которой и принадлежит (или не принадлежит) ось времени, К. Ясперс стремится обнаружить в ней «нечто общее в своей глубине», выявить «истоки человеческого бытия», в силу которых «происходит однотипное развитие»³⁵ человеческого рода. Он предлагает искать ось времени там, где возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть, где «с поразительной плодотворностью шло такое формирование человеческого бытия, которое, *независимо от определенного религиозного содержания* (выделено мной – М.П.), могло стать настолько убедительным, – если не своей эмпирической неопровержимостью, то, во всяком случае, некоей эмпирической основой для Запада, для Азии, для всех людей вообще, – что тем самым для всех народов были бы найдены общие рамки понимания их исторической значимости»³⁶. К. Ясперс относит появление оси во времени около 500 лет до н.э., говоря о духовном процессе *очеловечивания*, который шел между 800 и 200 гг. до н.э., когда произошел «резкий поворот» в истории, когда появился современный человек, человек «такого типа, какой существует и по сей день»³⁷, вырабатывая важнейшие понятия мировоззрения, в которых люди до сих пор осознают мир, себя и свое место в мире. По К. Ясперсу, «одухотворение» состоит в «закладке» основных категорий и концепций, которые хотя и ставятся ныне под вопрос представителями постмодернизма, все же сохранились и по сей день. Тогда «во всех направлениях совершался переход к универсальности»³⁸. Синкретичность мифа отступала, были найдены «общие рамки» понимания бытия и человека, появился человек современного типа, какой сохранился и по сей день, шел процесс формирования философии как теоретического мировоззрения в качестве лидирующей формой духовной культуры.

Укажем и на ограниченность концепции К. Ясперса. Во-первых, мифологическое мировоззрение характерно всем формам устного народного творчества, тогда как у К. Ясперса мы наблюдаем сведение мифологического мировоззрения к мифу, одной из форм устного народного творчества. Во-вторых, К. Ясперс полагал, что формирование базисных, «осевых категорий» происходило в философском и в религиозном мировоззрении. Существенные уточнения находим в концепции Хосе Ортега-и-Гассета, указавшего на «распорчование»

³⁴ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1971. С. 239.

³⁵ Ясперс К. Ук. соч. С. 38-39.

³⁶ Ясперс К. Ук. соч. С. 32.

³⁷ Ясперс К. Ук. соч. С. 32.

³⁸ Ясперс К. Ук. соч. С. 32-34.

философии и религии в духе противопоставления истины и имитации. Будучи экзистенциалистом, Ортега в работе «Вокруг Галилея» писал о философе как человеке, который уверен в своей способности и возможностях познать окружающий мир, себя и свое место в мире. Раскрывая же суть религиозной веры, Ортега указывает на то, что она является свойством «отчаявшегося человека», разуверившегося в своих способностях. Такой человек, «осознавая ничтожность или неполноту своей жизни самой по себе, начинает испытывать потребность опереться на иную – прочную – экзистенцию и реальность. Эта иная жизнь раскрывается диалектически как четкая противоположность нашей жизни, той, которая у нас есть и которую мы ведем. Иная реальность воспринимается через атрибуты, прямо противоположные природной человеческой реальности: у нее нет начала и конца, она вневременна и вечна, она есть условие самой себя, она всеильна т.п. Одним словом, эта реальность есть Бог»³⁹. В результате появляются представления о Высшем Разуме, *господствующем* Субъекте (S), Сверхъестественном, Потустороннем, Трансцендентном Боге, и о человеке (s), *подчиненном* существу, *ничто-жном* «самом по себе», с надеждой взирающим на Бога как на Спасителя. В десятой лекции Ортега представляет религиозное средневековое «кинематографически». Оно начиналось с утверждения полного превосходства веры над разумом (хотя вера была лишь стремлением «хоть как-то сориентироваться в жизни»⁴⁰), а завершалось освобождением разума от веры, истины от имитации. Ортега, рассматривая знание как субъективный образ объективного мира с учетом динамики соотношения истины и заблуждения/лжи, признает, что мы движемся дорогой наращивания истины и преодоления лжи и заблуждения, а не выпадаем за эти границы в область имитации, *симулятивного* мышления, принимая во внимание, что знание объективно, а религиозная вера в бога субъективна, ибо верующий в бога человек поступает так, как если бы бог существовал, вне зависимости от того, существует бог или нет.

Итак, Б. Рассел, К. Ясперс и Х. Ортега-и-Гассет стремились выйти за границы утверждения, будто борьба различных форм мировоззрения связана только с борьбой истины и лжи/заблуждения, они признавали возможность выхода за эти пределы в плоскость противостояния мышления, действительно остающегося в рамках указанной гносеологической противоположности познающего бытие мышления, и процесса его имитации, симулирования. Согласно своему «стандарту» наука движется в границах противоположности истины, лжи и заблуждения, она стремится выявлять истину, которая становится все более полной и точной, и заблуждением, которое хотя и содержит те или иные зерна истины, все же является ее противоположностью, не переставая от этого быть субъективным образом объективного мира, что обязывает нас относить к форме знания не только истины, но ложь и

³⁹ Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: «Весь мир», 1997. С. 358.

⁴⁰ Ортега-и-Гассет Х. Ук. соч. С. 339.

человеческие заблуждения. В случае с религией мы оказываемся в иной ситуации, позволяющей говорить вообще о выходе за границы самой противоположности истины, лжи и заблуждения, за границы знания как субъективного образа объективного мира: «Вместо объявления религиозного знания (не *только* истинным, но даже – М.П.) ложным, не соответствующим действительности учением о *реальности*, его провозглашают одним из многих, равно имеющих право на существование способов *субъективного восприятия реальности*, в отношении которых не применимы категории истинности-ложности как в отношении художественного творчества. Вместо заблуждающихся богословы становятся интересными людьми с интересными мнениями. Эти мнения, однако, не соотносимы с реальным бытием и в этом смысле (подразумевается, но не высказывается вслух) ничего не говорят о реальности, но только о своих авторах», признает М.А. Шахов⁴¹. Признает, разумеется, с сожалением, будучи ярым защитником религии.

Ученые нередко указывают на симулятивный характер религиозных псевдообъяснений. Согласно А.В. Болдачеву, ученый, который признает в качестве «научной» гипотезу божественного творения, *автоматически* выводит себя за пределы противоположности истины и заблуждения в биологии, ибо «содержательная часть креационизма исчерпывается цитированием ряда мест из Библии и неутомимым использованием универсальной формулы «такова воля Творца», с помощью которой разрешаются все проблемы»⁴². И это свойственно для любой науки. Например, невозможно представить, что физик, предложивший какой-либо новый закон, на вопрос о его доказательстве ответит «такова воля Творца», а в подтверждение своей правоты станет рьяно убеждать всех в ошибочности формулы своего конкурента и цитировать Библию.

Конечно, в ходе научного спора ученый может отрицать ту или иную *конкретную* научную теорию, но это не есть отрицание научности, «однозначности и проверяемости», ибо предел научного познания всегда *относителен* и может быть отодвинут, но это не может принимать форму выхода за пределы научности, не может служить основанием для выхода в сферу имитации, симулирования. Это будет «всего лишь» отрицанием *достаточности* достигнутого предела познания, учитывающим диалектику истины, лжи и заблуждения, диалектику абсолютной и относительной истины. После же упоминания воли творца ход познания вообще прекращается: «использование его (термина «Бог» – М.П.) в логических (по определению ограниченных) высказываниях лишает последние какой-либо возможности быть истинными или ложными, быть доказанными или опровергнутыми. А утверждение понятия «Бог» в качестве основы познавательного процесса принципиально исключает возможность каких-либо логических построений –

⁴¹ Шахов М.А. Реализм как общая основа религиозного и научного знания // Вопросы философии. 2008. № 10. С. 73.

⁴² Болдачев А.В. Новации. Суждения в русле эволюционной парадигмы. СПбГУ, 2007. С. 244-245.

все продуцируемые высказывания о Море получаются сразу и автоматически и исчерпываются одним тезисом: «так захотел Творец». Значит, место человеческого мышления, познающего действительность как бытие и сущее, занимает симулятивное мышление, в основании которого лежит гипостазирование понятия бога, и потому «в сфере научной рациональности оперирование понятием «Бог» крайне неэффективно»⁴³.

Впрочем, религия – не единственная форма «порчи» мышления, встающая на путь выхода за пределы действия категорий истины, лжи и заблуждения как форм знания, субъективных образов объективной реальности, в которых реализуется бесконечный процесс познания действительности человеком, переход от незнания к знанию, от неполного и неточного знания к знанию все более полному и точному. Знания о действительности вырабатываются не только усилиями многих поколений профессиональных ученых, но и философов. Ученые познают «сущее», философы – «бытие». М. Хайдеггер в книге «Что зовется мышлением» пишет: «Когда мы говорим «бытие», то это означает «бытие сущего». Когда мы говорим «сущее», то это означает: сущее относительно бытия. Мы говорим всегда из двусложности. Последняя уже пред-дана... Двусложность раскрыла уже область, внутри которой отношение сущего к бытию становится представимым»⁴⁴.

К имитирующей «порче сознания» мы относим предложения некоторых отечественных философов поставить и решить проблему *происхождения* бытия, словно материя не есть субстанциальное «первоначало». Например, Н.М. Солодухо требует постановки вопроса «откуда взялось само это начало», полагая, что «бытие само по себе», «также не познано, не является доказанным и обоснованным», «ускользает от понимания», как если бы онтология существовала в изоляции от гносеологии, и в то же время сам настаивает на таком изолировании онтологии от гносеологии, утверждая тут же, что само бытие (в качестве которого якобы можно «выбрать» и материю, и идею, и Бога – М.П.) возникает из «небытия». Статус субстанции он придает «абсолютному небытию», возникающему как продукт гипостазирования того факта, что каждое сущее, локально ограниченный в пространстве и времени «предмет (как таковой) является из своего небытия и в конечном счете уходит в небытие»⁴⁵. Но разве можно это обстоятельство экстраполировать на категорию материи, которая должна быть «углублена» до категории субстанции? Именно из такого гипостазирования, отрицающего понимание материи как субстанции, у Н.М. Солодухо появляется «небытие» как «обобщенный образ предмета метафизики», в качестве которого выступает «непостижимое трансцендентное

⁴³ Болдачев А.В. Ук. соч. С. 8.

⁴⁴ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2007. С. 278.

⁴⁵ Солодухо Н.М. Философия небытия в очень кратком изложении // Философия. Язык. Познание: Сборник материалов, посвященных 10-летию кафедры теоретических основ коммуникации и юбилею доктора философских наук, профессора Э.В. Тайсиной / под ред. Н.М. Мухарямова, М.Н. Закамулиной, О.Б. Януш. – Казань, КГЭУ, 2011. С. 47.

небытие», как и надуманный вопрос «о происхождении материи» *из* небытия⁴⁶. Повторю, что сущее, предмет или вещь есть «любой обладающий устойчивой целостностью и качеством фрагмент непосредственного бытия, реализующийся в соотношении с собой и другими частями внешнего мира»⁴⁷, чего нельзя сказать о субстанции. То, что никакое *сущее* (*нечто, чтойность*) не тождественны *бытию*, подметили уже античные мыслители, утверждая, что они возникают из бытия и «возвращаются» в него, заканчивая своё существование. Эта мысль важна и сегодня. Как верно пишет В.Н. Сагатовский «Нельзя игнорировать значение различения физического понимания материи как вещества, поля и т.п. и ее философского понимания как объективной реальности и роли такого понимания в защите существования объективной истины»⁴⁸. Следует согласиться с М. Хайдеггером, что бытие и сущее должны мыслиться в корреляции друг с другом, над которой надстраивается корреляция философии и науки, раскрываемая исторически и логически как «союз», взаимодействие философии, ориентированной на бытие, и частных наук, ориентированных на сущее. А.Т. Свергузов характеризует логику М.Н. Солодухо как логику «замкнутого в себе мышления, которая не согласуется с принципами научной философии. Хотя философия не имеет собственного эмпирического уровня познания, но ее нельзя отрывать от действительности. Мир существует – это эмпирический факт для философского познания», а «метафизическое признание возникновения бытия из абсолютного небытия ведет к иррационализму и идеализму»⁴⁹. Только путем отказа от мышления, *познающего* бытие, замены его на *симулирование*, выходящее за пределы познающего бытие мышления, можно утверждать, что признание абсолютного небытия субстанцией столь же обосновано, как и признание субстанциальности материи. Напомню, что термин симулякр был введен Ж. Батаем для отказа от концепции референции, отказа от борьбы за сохранение бытия и его отражения. Он указывает на копию, оригинал которой никогда не существовал. Поэтому альтернативу симулякрам и симулированию следует видеть в истинном мышлении, ориентированном на поиск истины и на непрерывное наращивание истинностного знания – объективного и предметного. Чтобы породить бытие, абсолютное небытие Н.М. Солодухо должно уже содержать *причину* бытия, то есть *не быть* небытием, иначе без мистики не обойтись: «признание какого-нибудь содержания (не только диалектического) у абсолютного небытия противоречит идее его существования»⁵⁰. Поэтому утверждение Н.М. Солодухо, что основной вопрос философии нужно «дополнить» некоей

⁴⁶ Солодухо Н.М. Отношение онтологии и метафизики в курсе философии // Учебник философии: материалы 1-ой, 2-ой и 3-ей всероссийских научно-методических конференций (Казань, 2006, 2007, 2008) Казань: КГТЛУ, 2008. С. 302-303.

⁴⁷ Кучевский В.Б. Анализ категории «материя». М.: Наука, 1983. С. 42.

⁴⁸ Сагатовский В.Н. Конец онтологии? // Вестник Российского философского общества. 2010. № 4(56). С. 92.

⁴⁹ Свергузов А.Т. Небытие как онтологическая категория диалектического материализма. Казань: КНИТУ, 2016. С. 16, 27.

⁵⁰ Свергузов А.Т. Ук. соч. С. 61.

«исходной философской проблемой» (выходя за пределы «онтогносеологической структуры» – *М.П.*), чисто онтологической проблемой соотношения «бытия и небытия» (чтобы ответить на вопрос о происхождении бытия, материи из небытия) является продуктом имитации, симулятивного подхода автора⁵¹.

Но нельзя согласиться и с А.Т. Свергузовым, который предлагает понимать субстанцию исключительно как «единство физических форм движения», исключая «социальную форму движения материи», чтобы не искать «общее между камнем и мышлением», а лишь «отвечать на вопрос о происхождении материи»⁵². Ссылаясь на физику, основным онтологическим вопросом он признает «происхождение» материи, которое осталось «забытым», «элиминированным», поскольку не раскрыто «содержание самой субстанции», в силу ее отождествления с материей⁵³. Как известно, «единство мира» (всеобщее – *М.П.*), согласно философии, состоит не в «физичности», а в его «материальности». При этом нельзя забывать, что «первым и самым важным из прирожденных свойств материи является движение», которое «высваивает» как природные формы движения материи, так и социальную. Как субстанция, причина самой себя материя предстает подлинно абсолютной, ни от чего не зависимой реальностью, тогда как всякая конкретная вещь, сущее не имеют в себе необходимых и достаточных оснований для своего существования, выступая преходящим, порождаемым в ходе движения материи образованием, сущим. Конкретно существующее нельзя отождествлять с материей. Абсолютная неуничтожимость материи «держится» на постоянном уничтожении сущего, отдельных конечных «чтойностей», на их относительности. Любая конкретная вещь, процесс, явление есть, и «есть» и «не есть» одновременно в одном и том же отношении, выводя к категориям «бытия» и «небытия» как наиболее фундаментальным категориям не материи, как утверждает А.Т. Свергузов, а движения, выражая противоречивость движения, «устойчивость» и «изменчивость» как единство противоположных характеристик движения. В силу движения не только существует, живет все сущее, все существующее, все живущее, но и погибает, уходит из «бытия» в «небытие». Поэтому постановка вопроса о «происхождении» материи «из небытия», представляется симулятром, отрицающим ее субстанциальность.

Именно взятые вместе, коррелятивно, бытие и сущее представляют действительность, которая не может быть понята с односторонних позиций, ни с позиций науки, ни с позиций философии. Козьма Прутков точно подметил, что специалист подобен флюсу. Всякая специальная наука односторонняя, ибо раскрывает свои объекты только в аспекте специфических черт и законов, единичного, особенного и общего (если иметь в виду и общенаучный подход). Но всякий предмет помимо единичных, особенных и даже общих свойств и законов обладает всеобщими признаками, то есть свойствами, характерными

⁵¹ Солодухо Н.М. Философия небытия. Казань: КГТУ, 2002. С. 7-10.

⁵² Свергузов А.Т. Ук. соч. С. 63-64.

⁵³ Свергузов А.Т. Ук. соч. С. 91.

для всех вообще предметов действительности, на него распространяется действие всеобщих законов и категорий, выражающих в своих соотношениях универсальные и закономерные отношения. Они раскрываются философией как мировоззренческой теорией всеобщего. Философия не дает исчерпывающего знания именно потому, что имеет своим предметом всеобщее. Действительность может быть познана только философией и наукой, взятыми «вместе», «коррелятивно». На это и обратил внимание М. Хайдеггер, говоря о «двусложности» человеческого мышления.

«Двусложность» имеет важное значение и для философии, и для науки. Для науки их «союз» исключает гипостазирование, рассмотрение тех или иных явлений действительности с изъятием их из мира, в качестве какой-то вещи-в-себе. При таком отчуждении от мира вещи на самом деле предстали бы в качестве непостижимых вещей-в-себе И. Канта. Чтобы преодолеть это представление о «непознаваемости», нужно брать их в контексте бытия, ибо только в ходе изменения и развития самого бытия присущее всей материи свойство отражения эволюционирует, достигая на уровне человека способности познавать действительность, бытие и сущее. Для философии значение «двусложности» заключается в том, что она выступает универсально-теоретическим уровнем познания, по отношению к которому вся наука оказывается в роли эмпирии, отсекая «право» философии на чрезмерные спекуляции как незаконные, уводящие в сферу гипостазирования. В.И. Свидерский выразил это разграничение и взаимосвязь бытия и сущего, философии и науки в *принципе относительности* конкретных форм движения материи⁵⁴, подчеркивая, что этот принцип позволяет преодолевать не только механицизм, физикализм, но и иные подобные «измы», создающие не образы бытия в целом, но их симулякры, «подделки», что нужно брать окружающий мир как движущееся бытие, а все «нечто» – как исторические, бесконечно разнообразные его состояния, результаты *движения* бытия. Именно благодаря такой методологической установке преодолевался механицизм – продукт незаконной экстраполяции механики Ньютона за границы ее применимости, превращавший механицизм в симулякр, представляющий собой не философское мировоззрение, но лишь его *имитацию*.

КАРИМОВ АРТУР РАВИЛЕВИЧ

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань,
Российская Федерация

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ЭНВАЙРОНМЕНТАЛИЗМ

Дж. Локк пишет следующее: «Индифферентное отношение к тому, усваиваем ли мы истину или ложь, открывает широкую дорогу к заблуждению. В этом повинны именно те, кто не подходят беспристрастно к вопросу о том,

⁵⁴ Свидерский В.И. Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965. С. 12-30.

какое мнение истинно; они без всякой проверки полагают, что мнение, которого они держатся, есть истина и ввиду этого считают, что должны ревностно стоять за него. Эти люди, как это ясно выражается в их горячности и страстности, неравнодушны к собственным мнениям, но они, мне думается, очень равнодушны к тому, правильны ли их мнения или ложны» [1, с. 211]. То, о чем говорит здесь Локк, можно назвать интеллектуальным благодушием, когда человека либо вообще не заботит истина, либо не заботит в той степени, чтобы делать его превосходным познающим субъектом. Для познания требуются усилия, а субъект просто интеллектуально ленив. Субъект может достигнуть определенного интеллектуального порога, который позволяет ему функционировать на приемлемом уровне, например, сохранять должность или получать пятерки по учебе, и фиксирует свое интеллектуальное статус-кво до тех пор, пока ему не грозит увольнение или более низкая оценка. В таких случаях субъект прилагает ровно столько интеллектуальных усилий, сколько требуется для соответствия внешним критериям.

Особенно эта проблема касается того знания, который человек получает в ходе коммуникации. Людям свойственно поддаваться на то, что Хайдеггер называет словом «толки» в §35 известной работы «Бытие и время». Толки – это некоторая система оценок, доминирующая в некотором сообществе, или являющаяся наиболее вирусным «мемом». Современный вариант хайдеггеровского понятия «толки» – это новостная лента социальных сетей или мессенджеров. Каждый раз, когда ты открываешь социальную сеть или мессенджер на тебя вываливается некая свалка мнений, оценок, суждений. Наиболее популярные мнения (с наибольшим количеством просмотров и «лайков») попадают в «топ» новостной ленты мессенджера или соцсети. Специальные «агрегаторы» (т.е. букв. собиратели), например, Интернет-ресурс «Trrrending.today» [2] заботливо собирают для вас все эти сообщения, чтобы желающие могли ознакомиться, какой обновкой похвасталась в соцсети «Инстаграмм» О. Бузова, другие популярные персонажи шоу «Дом-2» и т.д.

Проблема заключается в том, что наши когнитивные способности являются ограниченными. Мы не можем перепроверить всю ту информацию, которую получаем через внешнюю коммуникацию с другими. Представляется, что у нас нет способа независимо проверить все то знание, которое мы получаем от других людей. При этом большая часть нашего знания – это знание, полученное от других. Сформулируем тезис о тотальности коммуникативного знания – значительная часть наших познаний получена от других, а не путем самостоятельного познавательного усилия. Конечно, познавательное усилие субъекта необходимо и для того, чтобы получать знание в ходе коммуникации. Например, чтение учебника по матанализу требует значительного напряжения умственных способностей. Но первичным источником познания является в данном случае автор учебника по матанализу. Почему учебнику по матанализу доверять можно, а мессенджеру Инстаграмм – нет? Может ли здесь быть общее правило? По нашему мнению, все определяют условия и контекст.

Для объяснения зависимости познания от условий можно обратиться к концепции локальной и глобальной надежности Д. Хендерсона и Т. Хогана. Любое устройство функционирует в определенных обстоятельствах. Например, обычному автомобилю требуется ровная дорога. Можно сконструировать автомобиль, который будет ездить в условиях бездорожья, но в езде по ровной дороге он может уступать обычному автомобилю. Значит, такой механизм будет приспособлен для определенных условий и может надежно проявлять себя именно в таких условиях. Это есть понятие локальной надежности: «Система или процесс являются локально надежными, когда относительно определенной пространственно-временной локальной среды, в которой эта система находится, она имеет сильную тенденцию добиваться успеха в выполнении требуемых задач» [3, с. 199]. Можно создать автомобиль, который будет эффективно ездить как по ровным дорогам, так и по бездорожью, т.е. использоваться в различной среде, хотя нельзя создать автомобиль, который может эксплуатироваться в любой локальной среде.

Сказанное применимо к нашим когнитивным способностям. Наши когнитивные способности и интеллектуальные добродетели «функционируют» при определенных условиях. Мы можем сознательно адаптироваться к новой познавательной ситуации. Гигерензер вводит понятие «экологическая рациональность» для обозначения избирательного познавательного отношения в различной локальной среде [4]. Быть экологически рациональным – значит использовать эвристику, релевантную для той локальной среды, в которой находится субъект.

Простой пример – это просмотр рекламы на телевидении. Разница между экологически рациональным и экологически нерациональным субъектом при просмотре рекламы будет заключаться в том, что в первом случае субъект нечувствителен к контексту и, поддавшись на рекламную манипуляцию, поспешит приобретать рекламируемый товар. Во втором случае субъект будет чувствителен к контексту, а именно к тому, что коммерческая реклама является оплаченной и заказанной кем-то, а значит, априори не может быть объективным источником информации. Поэтому в данном случае субъект воздержится от того, чтобы проявить открытость ума, а скорее проявит максимальную интеллектуальную осторожность. Если даже ему покажется, что рекламный продукт имеет некоторые достоинства, он не поленится зайти в Интернет, сравнить различные отзывы и т.д. Конечно, в данном случае, успех не будет гарантированным, поскольку отзывов в сети «Интернет» может быть недостаточно для того, чтобы экологически рациональный субъект сформировал правильное мнение. Но, по крайней мере, можно сказать, что он сделал все от него зависящее в данном эпистемическом контексте, чтобы добиться истины.

В этой связи интересным является понятие «эпистемическая окружающая среда», которое вводит Ш. Райан [5]. Например, современный ученый находится в гораздо более выгодном положении, чем Ньютон или Декарт, поскольку он обладает гораздо большим доступом к информации и знаниям, а также гораздо более изощренными техническими возможностями для познания.

Современные электронные базы данных предоставляют мгновенный онлайн-доступ к результатам исследований сотен тысяч других ученых. В этом смысле, так же как мы говорим об окружающей физической среде, можно говорить об окружающей эпистемической среде. Под эпистемической окружающей средой Ш. Райан понимает то социальное и культурное окружение, которое может способствовать или препятствовать успешному познавательному процессу. Например, если я попадаю в эпистемически враждебную среду, будет экологически рациональным ингибировать уровень доверия к окружающим. Такое чувствительное отношение к познавательной ситуации, в которой я нахожусь, повышает локальную надежность наших интеллектуальных добродетелей.

Соответственно, так же как существует движение по защите окружающей среды – (гео-)энвайронментализм, Райан предлагает по аналогии эпистемический энвайронментализм. Говоря проще, эпистемический энвайронментализм – это идея движения по защите и охране эпистемической окружающей среды от «загрязнения». Поскольку мы зависим в своих убеждениях от внешней эпистемической среды как в повседневной жизни, так и в науке, то необходимо способствовать очищению эпистемической среды. Это может включать в себя различные меры: от системы применения санкций к нечестным информантам вплоть до создания реестра «эпистемических загрязнителей» наподобие аналогичного реестра предприятий – загрязнителей окружающей среды.

Список использованной литературы:

1. Локк Дж. О пользовании разумом. // Избранные философские произведения в 2 т. Т 2. М., 1960.
2. [Электронный ресурс] Trrrrending <https://trrrrending.today/> Дата обращения: 14.11.18. Доступ свободный.
3. Henderson D., Horgan T. Virtue and the fitting culturing of the human critter// Naturalizing Epistemic Virtue Cambridge University Press. Kindle Edition. 2014.
4. Gigerenzer G. Gut Feelings: The Intelligence of the Unconscious. New York: Viking, 2007.
5. Ryan, S. Nature and value of knowledge: epistemic environmentalism. Dissertation, University of Edinburgh. 2013.

КУДРЯШЕВ А.Ф., ЕЛХОВА О.И.

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация

ПЕРЕВЕРНУТАЯ ИСТИНА / ПЕРЕВЕРНУТАЯ ИСТИНА

Данной работой мы хотим привлечь внимание к особенностям, которыми обладает выделенная нами разновидность истины и которую предлагается называть перевернутой истиной. По каким-то непонятным нам причинам эту разновидность истины специально исследованию философы еще не

подвергали, хотя она весьма часто встречается в различных областях деятельности, причем несет в себе заряд парадоксальности, мастерски обыгрываемой в ряде широко известных сочинений из разряда мировой классики. Вместе с тем, она может служить и средством имитации своего двойника – исходной, «неперевернутой» истины – с софистической целью «доказать недоказуемое».

Собственно говоря, речь идет не об истине и неистине, как таковых, а об истинных и неистинных высказываниях. Тем не менее, будем считать, что мы договорились относительно того, какую именно концепцию истины полагаем справедливой, и значит, мы знаем, что такое истина и что такое ложь. Для любителей большей конкретности пусть, например, ото лжи истина отличается посредством критериев верификации и фальсификации. Слово «перевернутый» мы берем здесь в значении – извращённый, но не как выходящий за рамки общепринятой морали, а как *не подчиняющийся* логике здравого смысла, принятым в науке привычным представлениям, идеалам и нормам рассудочной деятельности и т.п. Хотя истина считается категорией гносеологии, мы будем искать и ее опору на онтологический фундамент. В каком именно отношении определяется такая опора, будет ясно из приводимых ниже соображений. «Перевернутая истина» – это тоже истина, т.е. истинное высказывание, но противоположное «неперевернутой», или нормальной, истине, и потому она истина не там и не тогда, где и когда истиной является ее отрицание.

О высказываниях типа «перевернутой истины» известно давно, но только почему-то как определенный тип высказываний они мало кого интересовали. Вот что мы можем найти, например, у Л. Витгенштейна: «Каждое высказывание является, по сути, истинно-ложным. Чтобы понять это, мы должны знать, в каком случае оно истинно, а в каком ложно. Таким образом, высказывание имеет два *полюса* в соответствии с его истинностью и ложностью. И это называется *значением* высказывания» [цит. по: 3, 24]. Тут прямо прочитывается мысль, что в любом высказывании потенциально содержатся два противоположных значения, каждое из которых может быть актуализировано в определенном отношении. Если эти два противоположных значения пытаться совмещать, то создается возможность получить результат в виде парадокса. Например, подобные совмещения характеризуют и художественное, и эпистолярное творчество Марины Цветаевой. Известный исследователь ее обширного наследия Майя Ляпон, наряду с его обобщенной оценкой, выделяет в нем следующие парадоксальные сочетания. Марина Цветаева «...безапелляционно отрицает то, что только что утверждалось...»: «любила многих, никого не любила»; «эта книга... – Это не книга»; «...Вы меня не знаете... – и знаете...»; «Ты веселишься... Не ты веселишься»; «Нас нигде не будет, мы будем ВЕЗДЕ» [5, 231].

Очевидность противоречий самой себе не только словно выпячивается из текстов поэта, но и намеренно создается их автором в перевозданном, и потому примитивном виде. «Такое «да-нет» у Цветаевой нерасчленимо: это почти синхронная вербализация двух полярных смыслов, схваченная на лету амбивалентная истина. В подобных случаях мы наблюдаем не что иное, как

смысловой исход парадокса, парадокс-примитив, – металоги́зм в чистом виде» [5, 231].

«Амбивалентная истина» – так называют смысловое соединение типа «да-нет» Майя Япон. Мы знаем и другое его название: антиномия. Однако в случае с перевернутой истиной речь идет о нечто другом. Для начала сопоставим «перевернутую истину» с тем, что называется антиномией и двойственной истиной. В антиномии, имеющей вид $A \& \bar{A}$, обе ее стороны одинаково равноправны и обе полагаются одновременно истинными. Более того, в антиномии должно выполняться «следование из»: из правой части следует ее отрицание в виде левой части, и, наоборот, – из левой части следует правая часть антиномии. Здесь нет «перевернутой истины», в которой «неперевернутая» и «перевернутая истина» соединены не конъюнктивно, а дизъюнктивно (в одном и том же отношении истинно или то, или другое). Правда, как известно, «следованием» соответствующие рассуждения, обычно приводимые в качестве выводов, можно назвать с большой натяжкой. Дело даже не в неубедительности самой процедуры «доказательств», как это получилось у Канта с его доказательствами антиномий чистого разума, а в подозрительности принципа этих «доказательств», использующих «метод от противного».

Аналогично, то, что в богословии называется двойственной (или двойной) истиной, так же не дает пример «перевернутой истины». В случае двойственной истины различают божественные откровения и истины науки, причем первые относятся к области потустороннего мира, а вторые – к области посюстороннего мира. Поэтому между ними не может быть конфликта. «Перевернутая истина», напротив, вступает в конфликт со своим двойником, истиной общепринятого типа. Пример двойственной истины: мир одновременно и вечный, и тварный (данной проблеме уделили значительное внимание Ибн Сина и другие арабские мыслители, не находившие в таком сочетании понятий никакого формального противоречия).

Добавим еще, что «перевернутая истина», хотя и непосредственно связана с понятием «отрицательная истина», все же другое понятие. «Отрицательная истина», по существу, подразумевает экзистенциальное суждение и противопоставлена «положительной истине»: в то время как вторая утверждает существование определенного объекта, первая отрицает его существование. В «перевернутой истине» экзистенциальный момент в его отрицательном смысле, безусловно, присутствует, но только косвенным образом. Превалирует же в ней «положительная» сторона, не сводимая не только к этому отрицательному моменту, но и к экзистенциальному элементу вообще и утверждающая ее истинность (она же истина!) за пределами области, где ее не может быть.

Стоит обратить внимание на онтологическое расширение сферы рассмотрения: к действительному миру с его истинностными отношениями «А есть В» «перевернутая истина» добавляет мир «А есть не В», противоположный по смыслу, к которому, в принципе, можно добавить мир, соответствующий

«А есть В и не В», как это сделал Н.А. Васильев в своей воображаемой логике с законом исключенного четвертого и назвавший третью форму суждения «индифферентным суждением», почему этот третий мир можно называть «индифферентным» (два первых суждения названы им, соответственно, «простое утверждение» и «простое отрицание»). Любопытно отметить формальное сходство утвердительного, отрицательного и индифферентного суждений с тремя основоположениями «Наукоучения» И.Г. Фихте (точнее, речь идет о его первом «Наукоучении»): «Я есть Я», «Я есть не-Я», «Я есть Я и не-Я». Фихтевское «Наукоучение» приспособлено для раскрытия содержания деятельностного отношения субъекта («Я») к окружающему его миру («не-Я»). Вместе «Я» и «не-Я» составляют у Фихте единый мир субъективной деятельности, тогда как в нашем случае выделение утвердительного и отрицательного («перевернутого») миров происходит по формальному признаку прямого отрицания.

Распространенными примерами, иллюстрирующими «перевернутую истину», могут служить образы различных литературных «оборотней», населяющих многочисленные сказочные миры, включая, если брать российскую литературу, фантазмагии молодого Н.В. Гоголя, а до него романтические баллады В.А. Жуковского, тогда как несколько позже – вполне реалистическую трилогию А.В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина». Тема «оборачивания» («переворачивания»), как мы знаем, имеет методологическое продолжение в виде мощного эвристического средства – оборачивания метода, о чем в свое время хорошо высказался К. Маркс, имевший в виду, прежде всего, методы математики.

Кратко предварим последующие рассуждения их общим планом.

Рассматривается задача 1. Найти для явно ложного суждения (например, $2*2=5$) интерпретацию, делающую его истинным. Такая интерпретация будет приспособленной для каждого конкретного случая, и потому назовем ее *ad hoc*-интерпретацией. Здесь перевернутая истина обозначает скорее исключение из правил и не вписывается в теоретический стандарт рассуждений, в которых истинность исходного суждения выглядит законом, подразумевающим подчинение модальности долженствования («так должно быть»). По существу, речь идет о мире действительного бытия, к которому принадлежим и мы все, но в котором имеются необъяснимые явления, нарушающие привычное течение событий.

Задача 2. Ставится задача определения самой возможности мира и его онтологии, где нормой и правилом являются те «ненормальные» для действительного мира явления, которые соответствуют введенному нами понятию «перевернутой истины», а то, что обычно и правильно для действительного мира, здесь выглядит неуместным. Онтология же понимается в традиционном смысле, а именно как учение о бытии, т.е. определенная система знаний, не содержащая внутренних противоречий, по крайней мере, в их явной форме. Отличие учения от теории можно видеть в том, что в теории формулируются ее законы, а в учении даются формулировки правил, которые, в отличие от законов, знают исключения. Подобные миры, если они в каком-то

смысле существуют, следует относить к воображаемым и возможным мирам. Однако их существование как возможных выглядит совершенно неочевидным, поскольку степень абстрактности здесь так высока, что они способны превращаться в невозможные миры.

Обсуждаем конкретные примеры. В них мы пытаемся найти ответ на вопрос о степени недостоверности описываемого в примерах мира, для чего ищем в нем элементы, делающие его невозможным.

- 1. *Гулливер* (Дж. Свифт). В книге (1726) о путешествиях Гулливера четыре части, две из которых известны более всего и рассказывают о пребывании Гулливера в Лилипутии и стране великанов. Недостоверность происходящего проистекает не только из-за размеров обитателей этих стран (12-тикратный уменьшенный масштаб лилипутов и 12-тикратный увеличенный масштаб великанов), но уже изначально из-за отсутствия на географической карте Земли таких «стран». Интереснее две другие части «Путешествий», где есть летающий населенный остров Лапута, страна Глаббдобдриб с жителями, вызывающими для бесед тени умерших, страна Лаггнегг с бессмертными старцами, обреченными на болезни.

- 2. *Алиса в стране чудес* (1864), *Алиса в Зазеркалье* (1871) Л. Кэрролла. Здесь собрано невероятное количество парадоксальных ситуаций, объясняемых «сонной» направленностью сказок. Среди этих ситуаций, например, автономно существующая улыбка (лучше переводить – оскал, поскольку в оригинале употреблено слово grin) Чеширского Кота. А во сне может быть все, что угодно, т.е. и то, что в жизни никогда не может встретиться.

- 3. *Тот самый Мюнхгаузен*. Целый арсенал невероятных событий собран под именем Мюнхгаузена (Р.Э. Распе, 1785; Г.А. Бюргер, 1786). Два равноправных автора историй про Мюнхгаузена стоят рядом не случайно: Бюргер вернул на родную немецкую почву, причем в значительно более расширенном виде, анекдоты, которые первым литературно обработал французский писатель. Однако для наших иллюстраций «перевернутой истины», пожалуй, больше подходит история про Мюнхгаузена, рассказанная Г.И. Гориним (1974) и положенная в основу сценария для популярного у зрителей двухсерийного телефильма М.А. Захарова «Тот самый Мюнхгаузен» (1979).

- 4. *Королевство кривых зеркал* (В.Г. Губарев, 1951). Виновниками страданий людей в Зазеркалье являются правители, заставляющие подданных смотреть в кривые зеркала. Моральный вывод сказки – жить во лжи нельзя, однако в жизни целого общества невозможно пребывать всегда и везде в одной только истине, которую правда не может заменить. Любопытно, что героиня сказки Оля после внедрения в Зазеркалье жизни по правде там не остается, а возвращается в изначально более сложный мир, который занимает срединное положение между двумя мирами («жизни во лжи» и «жизни по правде»).

- 5. «*Чайник Рассела*» (1952): В своем знаменитом парадоксе Б. Рассел выдвигает тезис, в котором утверждается об обращении между Землей и Марсом по эллиптической орбите вокруг Солнца фарфорового заварочного чайника.

Мыслитель при этом предусмотрительно добавляет: поскольку чайник так мал, что он не фиксируется даже сверхмощными новейшими телескопами, то никто не сможет опровергнуть его тезис. «Чайник Рассела» является яркой иллюстрацией «перевернутой истины» как не подчиняющейся логике здравого смысла и принятым в науке традиционным представлениям.

- 6. *Утопии*, а также *антиутопии* нами осмысливаются как фантастические миры, принципиально содержащие «перевернутые истины», что делает их невозможными с точки зрения превращения в действительность. Можно напомнить, что слово «утопия» имеет двойственное толкование: это и «место, которого нет», и одновременно «страна блаженства». Вместе с тем, как всем нам известно, некоторые утопические проекты со временем способны воплощаться в действительность, которая даже может превосходить ожидания. Но в любом подобном случае, идеальный и более общий компонент утопического проекта принимает конкретную форму, трансформируясь в свою реалистическую модель, причем менее общего характера. Кроме того, размещение утопии во временной контекст противоречит ее вневременному смыслу. В результате, мы имеем дело уже не с самой утопией, как таковой, а с ее заместителем, очень похожим на нее аналогом, допускающим не только мысленные, но и социальные, физические и другие материальные эксперименты.

- 7. *Трикстеры* (от англ. *trickster* – обманщик, ловкач). Согласно К.Г. Юнгу, трикстер – это коллективное бессознательное, наделенное чертами, выделяющими своего носителя из окружения за счет нарушения им общепринятых норм поведения. Трикстеры исповедуют как раз «перевернутую истину», потому-то они в окружающем мире выглядят инородцами, исключениями из правил. Мир трикстеров разнообразен: их много и в реальной земной жизни, и в жизни персонажей литературных и иных художественных произведений (юродивые, князь Мышкин, да и сам Федор Михайлович, автор «Идиота», обладал чертами, идентифицируемыми как признаки трикстера).

- 8. *Розыгрыши в жанре «фикшн»*. Блестящие примеры розыгрышей в жанре «фикшн», смыкающиеся с так называемым троллингом, дают выполненные Орсоном Уэллсом радиопостановка 30 октября 1938 года «Война миров» и С.А. Курехиным телепередача «Ленин – Гриб», показанная по Ленинградскому телевидению 17 мая 1991 года. В первой инсценировалась высадка воинственно настроенных марсиан на территорию США, во второй утверждалась абсурдная мысль о двойственной природе Ленина, бывшего, якобы, и грибом, и радиоволной одновременно. Пожалуй, еще большее желаемое С.А. Курехиным впечатление достигается, если эту телепередачу не смотреть, а слушать, как это было в случае с радиопостановкой О. Уэллса. Совсем недавно по Интернету пронеслась волна «новостей», что Земля на самом деле плоская. Все это – замечательные примеры «перевернутых истин». Иллюзии достоверности во всех приведенных примерах было минимальное количество, но люди попались на крючок иллюзионистов в массовом масштабе. Как подобный эффект технически достигается? Например, сочетанием несочетаемого, выполненным с акцентировкой, соответствующей намерениям

автора, типа: «Париж. Площадь Ильича. Пересечение улицы Елисейские поля и шоссе Энтузиастов» и т.д. Поначалу выглядящая как простое ерничанье, подобная абсурдная заставка в своем развитии может превратиться в розыгрыш и мистификацию, сравнимые с названными выше.

- 9. «Равенство» $2*2=5$ можно иллюстрировать многими мысленными экспериментами. Например, гипотетическим львом, главой прайда, который прикорнул на часок в окружении четырех львиц, а когда проснулся, их было уже пятеро. Откуда взялась пятая львица? Вариантов возможного объяснения не так уж мало, но важно иное – такие случаи в нормальной жизни предстают как исключения из правил. Подобным арифметическим примерам «перевернутых истин» нет числа, поэтому мы ограничимся одним-единственным.

- 10. *Традиционная хронология И.Ю. Скалигера и Новая хронология А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского.* Понятие «перевернутой истины» можно применить к противостоянию традиционной и Новой хронологии. Традиционная историческая хронология обозначается как «скалигеровская» по имени одного из ее создателей – историографа И.Ю. Скалигера (1540-1609), гуманиста сразу двух исторических периодов: позднего Возрождения и раннего Нового времени. То, что сейчас называется Новой хронологией, создано путем анализа исторических источников с использованием методов математической статистики и современных компьютерных технологий.

В основе Новой хронологии лежат идеи русского революционера-народника Н.А. Морозова. В период сверхдлительного (много более двух десятилетий) пребывания в одиночках Шлиссельбурга и Петропавловки имевший возможность пользоваться научной литературой Н.А. Морозов подметил сходство хронологических рядов из разных исторических эпох. Впоследствии он стал крупным советским ученым и был одним из старейших участников Великой Отечественной войны, буквально «с винтовкой в руках» принимавшим участие в боях с немцами. В свое время теория Н.А. Морозова, пересматривавшая традиционную хронологию, заинтересовала советского математика М.М. Постникова, который познакомил с ней ряд преподавателей мехмата МГУ им. М.В. Ломоносова, среди которых был А.Т. Фоменко (курс лекций по этой теории М.М. Постников прочел на мехмате как раз по его просьбе). Теперь А.Т. Фоменко – не только академик нескольких академий, в том числе РАН, и автор многочисленных научных работ, получивших мировое признание. Он, а также его соавтор Г.В. Носовский, осуществляя математическое расследование прошлого, убедили себя в ложности существующей хронологии исторических событий, требующей, как они считают, коренного пересмотра. Новая хронология является альтернативной сложившимся в исторической науке представлениям, что является своего рода реконструкцией истории, ее новой интерпретацией.

А.Т. Фоменко предлагает свою точку зрения на исторический процесс, базируясь на тезисе об ошибочности существующей хронологической концепции истории. По структуре «Новая хронология» состоит из двух частей.

Первая часть представлена математическими методами исследования исторического материала (методом распознавания и датирования династий правителей, принципом малых династических искажений; методом правильного хронологического упорядочивания и датировки древних географических карт). Вторая часть содержит авторскую «реконструкцию» мировой истории. Основная гипотеза Новой хронологии, как считают ее авторы, «подтверждена тысячами фактов», которые опровергают существующую историю. Со своей стороны отметим, что именно вторая часть, содержащая доказательную базу теории из тщательно подобранных фактов, подвергается серьезной критике со стороны ученых разных специальностей.

Моделирование исторической реальности новыми хронологами производится через отрицание исторических фактов, признаваемых в официальной истории. Основополагающий тезис Новой хронологии заключается в том, что наука не располагает достоверными данными, что происходило раньше X века н.э., а значительная часть имеющихся в науке исторических свидетельств являются «гениальными подделками» эпохи Возрождения. Исходя из этого, история Античности – это, по сути, история Средневековья. Так, например, важнейшим событием XI века является рождение Иисуса Христа в Крыму.

Со своей стороны отметим, что Новая хронология вызвала волну обсуждения широкими кругами общественности. Ее критики отмечают, что при подборе фактов использовались только те, которые хорошо согласовались с концепцией и могли быть интерпретированы. А те факты, которые не поддавались никакой интерпретации, игнорировались. Отмечалось, что авторы Новой хронологии по-особенному смотрели на мир, словно через цветовой фильтр, вычлняя в цветовом многообразии только то, что окрашено в один цвет, то есть действовали по принципу: «если факты противоречат моей теории, тем хуже для фактов».

Оппоненты совершенно справедливо полагают, что «Новая хронология» отбрасывает научные теории, описывающие весьма широкий круг явлений и построенные на богатом фактическом материале, лишь для того, чтобы объяснить некоторые отдельно взятые факты, а именно противоречия в летописных датировках и астрономические явления. Для существования «Новой хронологии», пусть даже просто только в качестве научной гипотезы, ее авторам придется обеспечить ей достаточный доказательный базис, которого пока нет, устранить логические противоречия в суждениях, которые в ней присутствуют. Не может не вызвать настороженности, что все исторические факты, которые не укладываются в «Новую хронологию», А.Т. Фоменко с легкостью маркирует как «поддельные». Однако критики теории замечают, что подобная крупномасштабная скоординированная подделка исторических источников сразу во многих странах попросту невозможна.

Для нас в контексте общих задач статьи важна взаимная критика представителей «скалигеровской» и «фоменковской» концепций истории, что дает основание каждой из сторон позиционировать себя как хранителя истины и обвинять своего оппонента в ее «переворачивании».

- 11. *Постмодерн и виртуальные миры.* В эпоху постмодерна наблюдается значительная трансформация истины, которую также можно трактовать как «перевернутую». В философии постмодернизма осуществляется радикальная трансформация традиционных представлений об истине. Истина уже не трактуется как результат постижения сущности исследуемого объекта, а рассматривается какодно из проявлений интерпретационного выражения субъекта. Как справедливо отмечает в своих трудах М. Фуко: «истина – это «не вознаграждение для свободных умов, не дитя долгих одиночеств, не привилегия тех, кто достиг освобождения», и уж тем более не то, что «можно открыть или заставить принять». По определению самого М. Фуко, она есть «что-то вроде принудительного действия» субъекта в отношении собственной дискурсивности. В конечном итоге, истина трактуется как «совокупность правил», которыми субъект руководствуется в своей когнитивной практике в соответствии с нормативными требованиями, характерными для определенного типа дискурса [см.: 7].

Однако это совсем не означает, что феномен истины выпадает из сферы философского интереса постмодерна, М. Фуко по этому поводу высказывается: «те, кто говорят, будто для меня истины не существует, упрощают суть дела». Имманентно креативную структуру дискурса фиксирует такое понятие как «забота об истине», именно «забота об истине» становится предметом постмодернистского философского анализа.

«Забота об истине» процессуальна в принципе. М. Фуко подчеркивает, что она не предполагает результата как такового и в качестве обоснования своей идеи цитирует Гегеля: «... голый результат есть труп, оставивший позади себя тенденцию». Истина в классическом ее понимании в свете концепции «заботы об истине» предстает как законченный мертвый продукт, обрывающий собою процесс познания. Понятие «забота об истине» появляется в контексте проблемы возможности конституирования знания. Здесь можно проследить поворот гносеологии постмодернизма от понятия «истина» к понятию «игры истины», познавательного процесс как таковой в данной проекции предстает как процессуальность игры истины. Таким образом, для гносеологии постмодернизма предметом анализа становятся игра истины, которая приобретает свой категориальный статус в русле переориентации постмодернизма с идеи жесткой структуры на ризоморфную организацию предметности, репрезентирующую собой процессуальность становления. Стоит отметить, что для науки подобная ситуация отнюдь не является позитивной, поскольку признание многозначности истины приводит к отказу от объективности, в то время как феномен научного знания есть результат различного рода процедур обоснования, обоснование представлений означает их перевод в разряд знания, придание ему статуса научности, возвышение его над субъективностью. Создание нового в данном случае не является ни прогрессом, ни регрессом. В лучших традициях эпохи постмодерн наблюдается преимущественно такой тип автора, который полностью отдает себе отчет о неподлинности своей продукции, но, несмотря на это, продолжает

продуцирование.

Виртуальную среду можно рассматривать как специфическую форму дискурса мира постмодерн, в принципах ее организации находят свое воплощение такие мировоззренческие установки постмодерна как децентрация, интертекстуальность, плюрализм, фрагментарность. Гиперреальность, которая конституируется из подобных установок, оказывается ни истинной, ни ложной, она – «по другую сторону» от них и от других рациональных различий. Идея гиперреальности в постмодернизме является одной из фундаментальных. Гиперреальность имеет специфическую онтологию, в ее пространстве всё оказывается продуктом манипуляций [см.: 4]. Атрибутивной характеристикой гиперреальности является то, что она вынуждает поверить пользователя, что именно такой должна быть подлинная реальность, то есть «перевернутая истина» выдается как подлинная.

Так, Ж. Бодрийяр констатирует победу гиперреальности над реальностью как таковой, фиксируя эту ситуацию метафорой «злой демон образов», и утверждает, что образ «навязывает реальности свою имманентную эфемерную логику, находящуюся по ту сторону добра и зла, истины и лжи, логику уничтожения собственного референта, логику поглощения значения». Образ-симулякр «выступает проводником не знания и не благих намерений, а наоборот, размывания, уничтожения значения чего-либо», в силу этого утрачивается живое ощущение жизни, реальность поглощается образами [см.: 1].

Стоит отметить, что огромное количество продуцируемых виртуальных объектов не имеют реального референта, к которому они направлены, они самореференты, при всем при этом, как совершенно верно замечает Ж. Бодрийяр, в процессе их симуляции наблюдается нескончаемая ссылка на пустые знаки: одни пустые знаки ссылаются на другие – и так до бесконечности. А в итоге как чистые симулякры, несоотносимые ни с какой реальностью, образуют мир более реальный, чем сама реальность, который можно охарактеризовать как организованное особое пространство отчужденных пустых знаков [см.: 2]. Это множество симулякров являет собой «перевернутую истину».

Осуществляется подмена реальных действий индивидов жонглированием виртуальными образами. Плодятся одна за другой всевозможные конструкции, которые не меняют имеющееся положение дел, но завораживают пользователя иллюзорными эффектами. Возведенные виртуальные конструкции получают актуализацию бытия в киберпространстве, сами становятся при этом референтами, образцами для нового производства виртуального. Отметим, что симуляционная деятельность, распространяющаяся в настоящее время уже в глобальных масштабах, знаменует собой призрачность социальных структур и нестабильность бытия постмодерна [см.: 7].

12. *Фейк. «Премия за лучшие фейковые новости» Д. Трампа.* Понятие «фейк» пришло в русскоязычную речь из английского языка («fake») и означает подделку, фальшивку, фальсификацию, обман, подлог. Фальсификация была известна человечеству давно и применялась в различных сферах: искусство,

наука, политика.

Так, подделка произведений искусства была известна с давних времен, а развитие коллекционирования сделало фальсификацию в сфере искусства выгодным промыслом. Хорошо выполненная подделка работ старинных мастеров всегда считалась достижением для ее создателя, и нередко сфабрикованная копия была лучше оригинала.

В науке способов фальсификации множество, но наиболее популярная среди них – подделка данных и результатов исследования. Обвинения в сознательной фальсификации научных экспериментов – один из самых страшных видов обвинений ученого в профессиональной недобросовестности. Уже само наличие обвинений в обмане, пусть не вполне доказанных, может быть чревато трагическими последствиями. Нашумевший случай такого обвинения получил обозначение «Дело жабы-повитухи» и связан с именем австрийского биолога Пауля Каммерера, который, якобы, имитировал «брачные мозоли» у исследуемых жаб, впрыскивая им под кожу чернила (есть несколько вариантов объяснения, откуда в препарате лапы появились чернила, в том числе, в качестве непосредственного исполнителя запретных действий подозревают не самого Каммерера, а его лаборанта). После скандального разоблачения ученый не выдержал навалившегося на него давления научной общественности и в 1926 году застрелился. Хотя до сих пор никто не смог повторить опыты П. Каммерера, все же в правдивости его разоблачений сохраняются определенные сомнения [см.: 6]. К сожалению, тот факт, что «идеолог теории эволюции в советской науке» Т.Д. Лысенко в середине XX века, спустя десятилетия после смерти П. Каммерера, продолжал ссылаться на его результаты как на подлинные, доказывая идеи Ламарка о возможности наследования приобретенных уклонений, из-за, мягко выражаясь, не самой безупречной репутации Т.Д. Лысенко не способствует восстановлению истины, а, наоборот, воспринимается многими только как лишнее свидетельство в пользу обвинительной гипотезы и нечестности австрийца.

Фальсификация в политике имела место еще со времен древних цивилизаций. Наблюдается искажение, подтасовка исторических фактов в интересах определенных индивидов, социальных групп, социальных институтов и элит, осуществляемая целенаправленно и осознанно. К сожалению, в настоящее время фальсификация исторического прошлого приобретает большой размах и особую изощренность.

Фальсификация первоначально представлялась как правдивое, аутентичное, оригинальное явление и считалась общественностью таковой вплоть до момента разоблачения подделки. Факт разоблачения обмана влек за собой, как правило, скандал и взрыв в общественном сознании. Однако, со своей стороны, отметим, что стремительное развитие информационного общества изменило парадигму достоверности и сделало доказательство любого факта проблематичным. Данная ситуация обусловлена практической необозримостью ресурсов Интернета и невиданными до этого возможностями цифрового монтажа, а также широким доступом к сетевым ресурсам

многомиллионной аудитории. Современные информационные технологии дают неисчерпаемые возможности для фальсификаций, граница между реальным фактом и его подделкой стирается.

В современной науке проблема фальсификации волнует многих ученых. Так, Мартин Долл в 2012 году публикует свою монографию «Фальсификация и подделка», где излагает теорию, в которой фальсификация представляется как феномен дискурса [см.: 8]. В отличие от фальсификации, понятие «фейк» в настоящее время употребляется преимущественно в контексте новостной информации в среде медиа. Фейк-новости являются чистой воды информационной мистификацией с целью получения выгоды намеренным распространением ложных сведений в СМИ, в том числе на телевидении и в Интернете. Такие фейк-новости, наполняющие пространство массмедиа, варьируются по степени достоверности сообщений от частично достоверной информации до недостоверной вообще. По своей формальной композиции такие новостные события неотличимы от подлинных: осуществляется описание некоторого события, которое «произошло» в объективном мире, далее идет его интерпретация, сообщаются его детали и предыстория. Повсеместное распространение Интернета, широкие возможности коммуникации пользователей в сети обеспечивают временное бытие фейк-новостей в киберпространстве. Внешне правдоподобный характер сенсационных сообщений вызывает доверие у пользователей, обеспечивает их интерес и дискурс реагирования. Такое успешное бытийствование «перевернутой истины» фейк-новостей в общественном сознании обуславливается невозможностью их проверки на предмет подлинности. В случае полностью недостоверной информации такое сообщение в фейк-новостях является результатом креативной деятельности ее создателя, который сознательно продуцирует вымышленную реальность, не имеющую референтов в реальном мире. Общедоступность информационных каналов обеспечивает неограниченную аудиторию, быстрое и лавинообразное распространение фейк-новости, делающее ее источником информационного взрыва в сети. Фейк-новости начинают массово тиражироваться в социальных сетях, при этом в подавляющем большинстве случаев, конечно же, такие сенсационные новости транслируются как подлинные и соответствующие реальному положению вещей.

Знаменательным является тот факт, что нынешний президент США Д. Трамп учредил даже «Премия за лучшие фейковые новости» (Fake News Awards), описывающие его деятельность в качестве президента, подчеркивая, что такая премия будет присуждаться ежегодно тем, кто будет «самым коррумпированным и предвзятым из крупных медиа». Так, например, среди лауреатов данной премии в 2017 году оказалось издание «Time» за сенсационную новость «Бюст в овальном кабинете». Издание сообщало, что Трамп якобы заменил бюст лидера борьбы за права темнокожих Мартина Лютера Кинга на скульптурное изображение Уинстона Черчилля в овальном кабинете Белого дома. Материал обличал Дональда Трампа в расистских наклонностях. 45-президент раскритиковал издание за недостоверную

информацию и высказался: «Я бы никогда этого не сделал, потому что я испытываю огромное уважение к доктору Мартину Лютеру Кингу». В том же году Дональд Трамп охарактеризовал журналистов, которые распространяют «фейковые новости», как «врагов американского народа» [см.: 9].

Выводы. Изложенные выше размышления довольно неожиданно для нас имеют весьма интересное приложение. С нашей точки зрения, более аргументированной становится концепция «абсолютной истинности» математики В.Я. Перминова, которую он давно и настойчиво отстаивает, причем практически в гордом одиночестве, в полемике с многочисленными сторонниками релятивизма истины. Концепцию Василия Яковлевича, как нам представляется, можно интерпретировать не в духе жесткой однозначности, т.е. закона, что, к примеру, $2*2=4$ и только 4, а в том духе, что во всех возможных мирах $2*2=4$ является приоритетным равенством, тогда как его нарушения – это исключения из правил.

Главное в наших умозаключениях, к чему мы склоняемся, выглядит следующим образом. Для неистинного в действительном мире суждения, в принципе, можно найти (сконструировать) такую онтологическую *ad hoc*-схему, в которой данное суждение «переворачивается» и становится истинным. Однако целостного образа мира, «нашпигованного» обилием парадоксов и исключением из правил типа «перевернутых» истин, как мы полагаем, в принципе создать, тем более найти, невозможно: такой мир рассыплется на несвязанные фрагменты и никакой системностью обладать не будет. При всем при том рассуждения, приведенные выше, велись нами в предположении, что мы знаем, что есть истина и можем ее отличать от того, что истиной не является. А это, по нашему разумению весьма существенное допущение. Фактически определить истину, как мы полагаем, можно только в некотором диапазоне истинностной оценки, за счет чего истинными следует признавать близкие варианты, составляющие целый пучок приемлемых в качестве истины ответов. Поэтому все то, что истину отрицает, тоже должно трактоваться неоднозначно, что делает размытой границу между миром утвердительных суждений и «перевернутым» миром суждений, прямо отрицающих первые.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Злой демон образов [Электронный ресурс] // URL: <http://allofcinema.com/apokalipsis-segodnya-apocalypse-now-1979/2/> (дата обращения: 23.01.2019).
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. – 224 с.
3. Вейнгартнер П. Фундаментальные проблемы теорий истины / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 352 с.
4. Елхова О.И. Онтологическое содержание виртуальной реальности: дисс. ... д-ра. филос. наук. Уфа, 2011. – 330 с.
5. Ляпон М.В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки славянских культур, 2010. – 528 с., ил.
6. Мищенко Е. Дело о жабьих лапках: воскрешение научной репутации

Пауля Каммерера. Разрешена одна из самых скандальных биологических загадок XX века [Электронный ресурс] // URL:<https://indicator.ru/article/2016/11/01/delo-o-zhabih-lapkah-voskreshenie-nauchnoj-reputacii-paulya-kammerera/>(дата обращения: 28.01.2019).

7. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности [Электронный ресурс] // URL: http://1576.ua/uploads/files/6350/Istoria_sexualnosti_Tom_1_Volya_k_istine.pdf (дата обращения: 23.01.2019).

8. Doll M. Fälschung und Fake: Zur diskurskritischen Dimension des Täuschens. Berlin:Kulturverlag Kadmos. 2012. – 480 S.

9. См.: Trump called the news media an «enemy of the American People» [Electronic resource] // URL:https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/02/18/trump-called-the-news-media-an-enemy-of-the-american-people-heres-a-history-of-the-term/?noredirect=on&utm_term=.16494d225560 (last accessed: 23.01.2019).

ФАТЕНКОВ А.Н.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ИСТИНА И ЭКСПАНСИЯ РЕЛЯЦИОНИЗМА

При всём многообразии интерпретаций в мировом культурном наследии выделяются два главных подхода к толкованию истины: субстанциональный и реляционный. (Автор ранее уже обращался, тогда менее критично касательно реляционизма, к данной теме: [7].) В рамках *субстанционального* подхода содержательно истина вплотную приближается к понятию бытия, наиболее достоверной и ценной реальности, и к понятию субстанции, реальности самопричинной, а в более сильной версии – реальности, имеющей основание в самой себе. Подобный взгляд в той или иной степени характерен для разных типов мировоззрения: а) теистического, б) пантеистического, в) гилозоистического. В их оптике подлинная реальность – либо Бог а) самодостаточный, б) растворяющий в себе Природу и растворённый в ней, либо в) сама одушевлённая Природа, не нуждающаяся в божественном вспоможении, – и есть Истина. Причём абсолютная, с большой буквы. Не по плечу подобная роль материи – содержательно обеднённой заместительнице полноценного природно-космического бытия, лишь акцидентально включающей в себя сферу идеального. Хотя потребность в полновесной истине, открывающейся людям в их уникальном опыте, материалисты несомненно испытывают. Зеркальной – в плане истинностной недостачи – оказывается ситуация с объективно-идеалистически подаваемым мировым разумом, лишённым материальной фактуры. И даже гегелевская абсолютная идея, в снятом виде вбирающая в себя природный мир, может быть заподозрена в потере значимого конкретно-истинного материала (того, что остался в

«косной» природе).

Обыденными и сверхобыденными (в частности, метафизическими) усилиями мы воспринимаем определённый срез природы и культуры, которые ожидаемо – в согласии с нашими интуициями и убеждениями – представляются либо умалённо-объективированно (материализмом и идеализмом), либо жизненно-конкретно (*реализмом экзистенциально-гилозоистического толка*). Последняя точка зрения сопрягает подлинность человеческого бытия с подлинностью природно-культурного мира. Гилозоизм – философия близости человека и природы. Экзистенциализм, часто упрекаемый за склонность к индивидуализму, на деле обращается к нам с иным: если нет близости, нет ничего, разве что только абсурд. В экзистенциально-гилозоистической смысловой конфигурации сугубо объективная истина – не истина вовсе. Субъектная, экзистенциальная компонента играет тут решающую роль, превращая объективно и интересубъективно сомнительное в человечески достоверное: как в случае с формулированием очередного открытого закона природы, так и при совершении / оценке конкретного поступка, соотносимого с определённым моральным требованием. Риск, конечно, велик. Ведь «есть умы столь лживые, – согласимся с П.Я. Чаадаевым, – что даже истина, высказанная ими, становится ложью» [10, с. 174]. За примерами далеко ходить не надо. Достаточно указать на эфирных долгожителей, с незапамятных времён вещающих с телеэкрана о высоком: некогда – в контексте достоинств «развитого» или «перестроенного» социализма, сегодня – в контексте преимуществ «рыночной» экономики, «правового» государства и «традиционных» ценностей. Вот кто бы только им поверил?!

Субстанциальная истина генетически, онтологически и аксиологически первичнее субъект-объектного разделения сущего. Однако ни происхождением, ни бытийно, ни ценностно она не опережает экзистирующее существо (до которого способен дорасти субъект). В стилистике М. Хайдеггера, «истинность как выявление оказывается способом бытия самого Dasein, его экзистенции» [9, с. 284]. Единственно поэтому и возможны удивительные прозрения гениев, их восхождения к Абсолюту, даже когда для этого нет объективных причин. Взятая фрагментарно, буднично, беззаботно, истина является относительной, но не порывает полностью с совершенным прототипом и при соответствующем экзистенциальном настрое способна возвыситься до него.

В рамках другого – *реляционного* – подхода истина рассматривается как отношение. Чаще всего она видится соответствием смысло-образа, сложившегося в индивидуальном или коллективном сознании, «действительности» (нечто, называемое этим именем, всегда нуждалось и нуждается в уточнении). Либо, нередко, взаимосогласованностью фрагментов идеально-знаниевой сферы сущего (смысло-образов, идей в индивидуальном и коллективном разуме). Либо, наконец, отношением схождения, равенства между элементами семиотического пространства: а) объектом-знаком и объектом-референтом, б) материальным знаком и его идеальным смыслом. П. Рикёр упоминает, кроме того, ещё несколько истинностных ракурсов:

«соответствие нас самих себе самим» и согласованность с чем-то нашего истинного, нравственного поведения: «вести себя “сообразно с...”, “так, как...”» [5, с. 186].

Берущаяся и понимаемая исключительно реляционно, истина не способна подняться до уровня абсолютной. Ибо Абсолют, несмотря на внутреннюю структурированность, всё же с очевидностью един-единственен. Иначе он не был бы самим собой. Единственность какого бы то ни было отношения (между чем-то и чем-то) никогда не сможет похвастаться той же степенью достоверности. Примечательна ремарка М. Кундеры касательно эпистолярной строки одной из его героинь: то, что Беттина Brentano «называет *wahre Liebe* (истинной любовью), это не любовь-отношение, а *любовь-чувство*; огонь, зажжённый небесной рукой в душе человека...» [1, с. 214]. Утверждение о том, что абсолютная истина «складывается из суммы относительных истин» [2, с. 137], – банальный механистический предрассудок, нелепость. Ведь даже самый правоверный материалист наверняка не удовлетворится жилищем, которое оказывается всего лишь суммой сложенных кирпичей, а предпочтёт более прочную крышу над головой.

Реляционное понимание истины само по себе не истинно и не ложно. Оно онтологически зыбко. Подлинность отношений между чем-то и чем-то детерминирована подлинностью объемлющей их реальности. И если та фиктивна, «если характер бытия лжив – что, вообще говоря, возможно <в монологе Ф. Ницше легко уловим картезианский мотив. – А.Ф.> – чем была бы тогда истина, вся наша истина? Бессовестной фальсификацией фальшивого? Высшей потенцией лживости?» [3, с. 305].

В западной философии, несмотря на точечное негодование и неприятие, первенство удерживает реляционная концепция истины. И в версии теории корреспонденции, и в версии теории когеренции она восходит к Аристотелю, чья дефиниция интересующей нас категории получила название классической. С Платоном, кстати, ситуация много сложнее. В его логике, помимо вязи истинностных отношений – между телами-вещами и человеческим сознанием, между идеями в уме человека, между (это главная реляция) человеческим сознанием и занебесьем – существует, прежде всего, в этом самом занебесье эйдос истины, т.е. истина субстанциальной размерности. Европейскими интеллектуалами в последующем предпринимались попытки синтезировать реляционный подход с субстанциональным, онтологизировать понятие истины, дистанцируясь некоторым образом от жёсткого платоновского эссенциализма и не уходя заведомо в откровенную религиозность. Самая изящная, пожалуй, попытка принадлежит Хайдеггеру, трактовавшему истину, бытие и экзистенцию однопорядковыми инстанциями. Поначалу немецкий философ воспроизводит формулу, близкую к архетипически реляционной: «...Истина не налична среди вещей, однако она и не “случается” в некотором субъекте, но лежит, и это следует понимать почти дословно, “между” вещами и *Dasein*» [9, с. 282]. Затем линейная истина-посредник исподволь обволакивается метафизической телесностью: «...истина как выявление происходит в *Dasein* как определение его интенциональных отношений, и в равной мере она

представляет собой определение сущего, наличного, в отношении его бытия как выявленного» [9, с. 287]. Однако пленённость реляционной конфигурацией ощутима и здесь, особенно с учётом того, что, по Хайдеггеру, бытие не есть сущее, вследствие чего указанные метафизические инстанции нуждаются в дополнительном схождении. Отсюда – выпуклость реляционного толкования истины: ведь последняя, при всех оговорках немецкого мыслителя, «лежит между» субъектом и объектом и представлена в структуре сочленённо-разъятого суждения копулой «есть».

В отечественной интеллектуальной традиции, по сравнению с западной, ранг субстанциальной истины заметно выше. Репрезентативен тут тезис П.А. Флоренского: истина, «согласно русскому о ней разумению, закрепила в себе <и продолжает удерживать. – А.Ф.> понятие абсолютной реальности: Истина – “сущее”, подлинно-существующее...» [8, с. 15]. И дело не только в ссылке на авторитет (тем более, когда человек светской культуры комплиментарно ссылается на религиозного мыслителя) и не только в личной убеждённости (хотя без неё – вообще никуда), а и в известной знаковой черте родного языка, неотделимой от специфики отечественного умозрения. Так, составному немецкому «Esistkalt» соответствует наше односложное «Холодно». Для европейца наличие холодности, как и чего-то иного существующего, обязательно должно быть *дополнительно*, точнее – *предварительно*, удостоверено инстанцией бытия, грамматически символизированной связкой «есть». Причина ясна: западная – картезианская – ментальность допускает и даже инициирует сомнения в реальности окружающего мира. Герой Ж.-П. Сартра в намерении избавиться от душевной тошноты напрягает память: «Я... говорил: “Море – зелёное, а белая точка вверху – *это чайка*”, но я не чувствовал, что всё это существует, что чайка – это “существующая чайка”. Как правило, существование прячется от глаз» [6, с. 136]. Для русских философов – всё равно, материалисты они или идеалисты – характерна убеждённость в том, что мир, погружающий в себя человека, существует и сам по себе, а не только в сенсорном, интеллектуальном или практическом опыте людей. Однако именовать этот мир «объективным» – бессубъектной системой объектов – торопятся не все. В *реальности* же его, неиллюзорности никаких сомнений, даже методологического плана, у отечественных мыслителей, как правило, не возникает. Посему нет необходимости прибегать к вспоможению какого-то не-сущего бытия и – в проекции грамматики – к неустранимому присутствию в предложении связки «есть». Завораживающая притягательность русского языка во многом обусловлена обилием в нём метафизически-таинственных назывных предложений. Вспомним есенинский пейзаж родной стороны: «Несказанное, синее, нежное...». Или блоковскую графику революционного Петрограда: «Чёрный вечер. / Белый снег. / Ветер, ветер!...».

Субстанциальная истина и сильнее, и скромнее, как ни странно на первый взгляд, истины реляционной. Случающаяся *близость* сильнее и скромнее существования индивидов в формате отношений. Близость не афиширует себя, отношения не обходятся без пересудов. Реляционно-корреспондентные

притязания на объективный результат предполагают нахождение наблюдателя в исключительно привилегированной – нулевой – точке системы координат. По сути, наблюдатель ставит себя над всем прочим сущим, ставит себя на место Бога. А потом начинаются стенания: дескать, трудно быть Богом... Остаться человеком, впрочем, ещё труднее. Обожеествляющий себя не справляется с людским уделом. Это экзистенциальный слабак, метафизический завистник.

В рамках субстанционального понимания истины субъект познания – не столько наблюдающий, сколько соперживающий – находится не над, а внутри познаваемой реальности, он окутан ею. Субстанциальная истина отличается от реляционной, а близость от системы отношений так же, как цельное полотно отличается от разрозненных нитей. Для близости и истины (с претензией на абсолютную) нет никакого «между» – ведь к тому в пару пристёгиваются обычно «приблизительность» и «непонимание». Близость и истина, напротив, их не терпят – не удовлетворяясь и их противоположностями. Мало понять – куда важнее и ответственнее принять или не принять. Мало быть точным и непогрешимым – хочется быть счастливым. По расчёту может быть брак, но не близость.

С корреспондентной истиной требование точности играет злую шутку. Репрезентировав нечто без всякой погрешности, мы получим отображение, неотличимое от отображаемого. Получим, стало быть, постмодернистский триумф симулякров, против которого – на словах, с пафосными декларациями – выступают сами сторонники теории корреспонденции. Сползание в тотальную симуляцию – не единственная опасность, их подстерегающая. Другая угроза, предваряющая «симулятивную», исходит из догматизации всё той же исчерпывающей объективной репрезентации, но при оговорке (пусть крайне невразумительной), что означаемое и означающее как-то всё-таки различимы. Стоит заметить в связи с качеством оговорки, что старорежимная формула – «истинное знание объективно по содержанию и субъективно по форме» – ужасающе недиалектична в плане сродства формы и содержания. Экзистенциальный реалист оценит и «предсимулятивное» состояние корреспондентных потуг как удручающе деструктивное: думать больше не надо, догматы безучастно выучиваются наизусть.

Оценки прагматического реалиста оказываются здесь разноречивыми, что, в общем, неудивительно. Х. Патнэм, держась позиции «приблизительной истины», и опасается ситуации с единственно правильным объективным описанием познаваемого, увязывая её с позицией эмпирически непроверяемого метафизического реализма, и вместе с тем не исключает, что со временем, «если в фундаментальной физике когда-нибудь перестанут происходить научные революции», появится научная концепция, по отношению к которой все предшествующие предстанут приближением к ней как «окончательной» (или к её проекту), «подобно тому как сегодня мы считаем осмысленным утверждение, что физика Ньютона приблизительно истинна с точки зрения общей теории относительности» [4, с. 182]. Упрекая одного из коллег в чрезмерном умалении объективности, он уверяет, что при всём многообразии описательных приёмов и средств «некоторые из наших высказываний

(предложений) гарантированно являются истинными», скажем, «истинность (или ложность) предложения “За завтраком я ел хлебную кашу” на самом деле зависит исключительно от того, каким был (или не был) мой утренний рацион» [4, с. 178–179]. Пример показателен со всех сторон, в том числе и с критической. Гарантированно истинно то, что испытываешь сам или вместе с близким человеком. Объективность тут не нужна, да она и не достижима. Разделив трапезу со многими, всё равно получишь не объективный, а интересубъективный вердикт. Да и получишь ли: то ли использовано молоко, тот ли сорт хлеба, так ли он размят, добавлены или не добавлены специи – каша ли это вообще?

Гарантированно истинное в момент испытания есть абсолютно истинное (миг есть человечески-земной аналог вечности – или, быть может, вечность – его умозрительный дубликат). Я могу сколько угодно заученно твердить, что Волга впадает в Каспийское море, но пока сам не проверю данный факт (а с точкой наблюдения-проверки могут возникнуть проблемы), это суждение останется для меня лишь относительно истинным: так говорят, так принято считать... Экзистенциально важным оказывается здесь иной вопрос: а признаю ли я впадение Волги в Каспий абсолютно истинным, если об этом доверительно сообщит мне близкий человек? Августин писал, что истина принадлежит всем, кто её любит. Но у него Истина есть Бог – и трудности догматически снимаются. Я люблю не Бога, а близкого человека – и безотносительно ко всем разговорам об истине. Когда женщина с излучающими счастье глазами говорит мне о географии, я поверю и в то, что Земля – плоский диск, покоящийся на трёх китах: глаза эти убедительнее и консенсуса научного сообщества, и результатов общественной практики. У земной любви и истины нет автоматического взаимозачёта – только спорадические пересечения. Случаются эти пересечения благодаря тому, что абсолютная истина и настоящая любовь ни приблизительны, ни точны – они вне отношений сравнения с нормами и образцами... они уникальны.

Список использованной литературы:

1. Кундера М. Бессмертие: Роман / Пер. Н. Шульгиной. СПб.: Азбука-классика, 2004. 384 с.
2. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм: Критические заметки об одной реакционной философии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. [XXIV], 525 с.
3. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. Е. Герцык и др. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.
4. Патнэм Х. Вопрос о реализме // Джохадзе И.Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. С. 166–193.
5. Рикёр П. История и истина / Пер. И.С. Вдовиной, А.И. Мачульской. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
6. Сартр Ж.-П. Тошнота / Пер. Ю.Я. Яхниной // Сартр Ж.-П. Тошнота:

Избр. произведения. М.: Республика, 1994. С. 23–182.

7. Фатенков А.Н. Об истине в её метафизических и культурных измерениях // Обсерватория культуры. 2008. № 2. С. 4–8.

8. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины // Флоренский П.А. Соч.: В 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. 840 с.

9. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / Пер. А.Г. Чернякова. СПб.: Высшая религиозно школа, 2001. 445 с.

10. Чаадаев П.Я. Отрывки и афоризмы // Чаадаев П.Я. Соч. М.: Правда, 1989. С. 155–216.

Раздел II

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

АНТАКОВ С.М.

Нижегородский государственный университет, г. Нижний Новгород,
Российская Федерация

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ИСТИНЫ

Проблема истина заключается в множественности её концепций, оспаривавших или оспаривающих друг друга, из которых наиболее известны корреспондентная (классическая), когерентная и прагматическая. Кроме того, в литературе обсуждаются дефляционные и онтологические концепции истины. Решение проблемы истины состояло бы в субординации и координации упомянутых концепций, т.е. в их иерархическом упорядочении. Затяжной и, кажется, бесплодный спор об истине после этого приобрёл бы новое измерение в критике правомерности предложенного упорядочения, что вывело бы его на новый, более высокий и плодотворный, уровень.

Предпосылкой признания указанного типа решения проблемы служит принадлежность *метафизической* установке, сущность которой — полагание внеэмпирической (трансцендентной, идеальной) реальности. Учения Парменида, платонизм (идеализм) и кантианский дуализм служат примерами метафизической установки. Она позволяет признать онтологические концепции истины в их субординации с прочими — гносеологическими. Отрицание же её означает приверженность противоположной, «позитивной», или *позитивистской* (собственно научной в кантианском понимании науки), установке, которая делает невозможным решение проблемы истины, но возможным бесконечное продолжение споров об истине. Именно последнее соответствует интересам *институционализированной* философии.

Когерентная теория истины, приписываемая Канту и утверждающая, что истинно только *непротиворечивое* знание, является очень узкой, поскольку относится не ко всякому, но теоретическому, или логически формализованному

знанию, — знанию, изложенному аксиоматико-дедуктивным («геометрическим») методом. Только для совершенно формальных теорий противоречие разрушительно, поскольку позволяет доказать любое (стало быть, и любое ложное) правильное предложение, которое можно записать на языке теории. Примером могут служить системы теоретической арифметики и аксиоматической теории множеств.

Узость когерентной концепции истины демонстрируется высокой прагматической ценностью (эвристичностью и др.) «наивной» (неформальной) теории множеств Г. Кантора, чему не помешали выявленные в ней противоречия (антиномии). В итоге должно быть ясно, что эта концепция не может конкурировать с другими, более широкими.

Ещё меньшее значение имеют дефляционные концепции истины (по существу, *устранения* истины), продвигаемые представителями англосаксонской (аналитической) философии, которые оттачивают технику манипулирования символами и терминами за счёт фактической утраты смысла манипуляций. Эти концепции с метафизической точки зрения вполне лишены положительной ценности, поскольку направлены на элиминацию истины из языка науки, её обесценивание (дефляцию). В силу своей мизерности они не заслуживают здесь более детального рассмотрения.

Корреспондентная концепция истины играет фундаментальную роль для объяснения сознания и деятельности в эмпирическом мире, хотя занимает подчинённое место в иерархии, о которой идёт речь. Именно в этой рубрике может быть проведён анализ *симулякров* (термин, использованный Платоном, а затем постмодернистами). Я различаю два вида истины-корреспонденции — логический (Аристотелев) и математический (Платонов). Впервые логическое (философское) понятие *истины* (истинного знания, «ἔριυφῆμz») появилось у Парменида и было у него антитезой *мнения* («дъобй»). Далее оно уточнялось, превращаясь в классическую (корреспондентную) теорию истины. Однако принято ссылаться на Аристотеля как автора, давшего первое явное определение: истину высказывает тот, кто говорит о существующем, что оно существует, и о несуществующем, что оно не существует; и обратно.

Сразу возникает вопрос, которым Аристотель не задаётся: откуда выносящему суждение об истине эксперту (в частности, Аристотелю) известно, что нечто, о чём испытуемый говорит, что оно существует (не существует), на самом деле, объективно, существует (не существует)? Чтобы выполнить роль эксперта, человек должен иметь независимое знание о том, что существует и что не существует. Первый ответ: эксперт чувственно воспринимает вещь, следовательно, знает, что она существует. И если экзаменуемый говорит про ту же вещь, что она существует, то он тем самым высказывает истину. Уже здесь возникает проблема иллюзии, обмана зрения, но она игнорируется эмпиризмом, выдвигающим принцип Беркли *esse est percipi*. Вторая проблема — как оценить суждение о предмете, который в данный момент никто не воспринимает?

А. Тарский в своей «семантической теории истины» в 1930-е годы [9] воспроизводит восходящее к Аристотелю классическое определение:

(предложение) “снег бел” истинно, если и только если снег бел. Последнее предложение служит примером, однако истина, согласно Тарскому, выражается дизъюнкцией всех возможных предложений, подобных данному примеру. Тарский тоже обходит молчанием вопрос о том, как удостовериться в том, что снег бел. Важность последнего замечания обнаруживается при формализации прагматической истины [1; 2].

Идея математического определения истины неявно содержится в притче о Пещере Платона и его «астрономическом задании» [8]. Истина — соответствие образа (знания) прообразу (предмету знания). Отличие этого определения от логических проявляется лишь тогда, когда математика формализует понятие соответствия как отображения или функции. «Образ», «прообраз» и «отображение» — три строго определяемых *математических* термина, используемых для постановки задач математики и математического естествознания — задач как теоретических, так и практических, инженерных. Истина в таком её (математическом) понимании неотделима от научного метода — метода математического моделирования.

Но таким, математическим, образом понимаемая *научная* истина уже не является чисто классической, потому что принимает в себя важный прагматический субъективный момент: неединственность образа-модели данного прообраза (объекта) и необходимость выбора модели. Последние оказываются лучшими и худшими, годными и негодными. Выбор соотнобразуется с теоретическими и практическими целями субъекта, поэтому является ценностным. Таким образом, классическая концепция истины не чужда прагматической истине (или содержит в себе её элемент).

П.А. Флоренский является одним из защитников *онтологической* концепции истины («естины»), вполне выраженной в его труде «Столп и утверждение истины» (1914). Представление о ней даёт следующая цитата из «Автореферата» (1925—1926) Флоренского. «Строение познающего разума выше логики и потому содержит основное противоречие двух конститутивно присущих ему тенденций; приблизительно одно и то же, называть ли его бытие и смысл, остановкою и движением, конечностью и бесконечностью, законом тождества (разумая законы тождества, противоречия и исключённого третьего) и закон[ом] достаточного основания. Так как без совместного наличия обеих тенденций не может разум действовать, то всякое действие разума существенно антиномично, и все построения его держатся лишь силою противоборствующих и взаимоисключающих начал. Непреложная истина — это та, в которой предельно сильное утверждение соединено с предельно же сильным его отрицанием, т.е. — предельное противоречие: оно непреложно, ибо уже включило в себя крайнее его отрицание. И поэтому все то, что можно было бы возразить против непреложной истины, будет слабее этого, в ней содержащегося отрицания. Предмет, соответствующий этой последней антиномии, и есть, очевидно, истинная реальность и реальная истина. Этот предмет, источник бытия и смысла, воспринимается опытом» [4].

Вторая часть цитированного фрагмента находится в полном согласии с приводимой ниже мыслью физика Н. Бора, что не случайно, поскольку решение

возникших в квантовой механике физических парадоксов, предложенное им, является образом кантианского решения антиномий чистого разума. С другой стороны, кантианский дуализм и соответствующий язык позволяет уточнить концепцию Флоренского.

Имея в виду свою концепцию дополнительности, Бор неоднократно говорил [3] о том, что истины бывают поверхностными, а бывают и глубокими. Предложения, противоречащие поверхностным истинам, очевидно ложны, а предложения, формально противоречащие глубоким истинам, сами оказываются глубокими истинами. Я вижу пример «глубоких» истин Бора в тезисах и антитезисах (динамических) антиномий чистого разума, равно истинных по Канту, но, при поверхностном взгляде, противоречащих друг другу. Закон противоречия и исключённого третьего в одной из его формулировок не распространяется на такие истины. Формально-логические законы сами оказываются «поверхностными», ограниченными. Кант ограничил сферу формальной логики научным знанием, за пределами которого — в области метафизического знания — возможны противоречия-антиномии.

Согласие (субординация) онтологической концепции истины с гносеологическими концепциями (включая истину-когеренцию) устанавливается принципом, который я называю *принципом неполноты*. Лучшее его выражение можно найти в сочинениях С.Л. Франка, однако удовлетворимся иным и кратким его выражением. В словарной статье «Истина» основатель прагматизма Ч.С. Пирс выражает этот принцип следующим образом. «В нашей повседневной жизни, — пишет он (но ведь не только в повседневной), — все наши высказывания вообще суть грубые приближения к тому, что мы хотим сказать», т.е. к нашим аутентичным мыслям, или истинам. Математическим примером этого у Пирса служит число π как идея или истина, которую люди принципиально не могут выразить вполне никакими рациональными «приближениями». Восприятие, — продолжает Пирс, — есть реальность, не существующая в форме предложений, так что предложение, непосредственно относящееся к ней, есть абстракция, «оно существенно отличается от реальности», даже если «принято в качестве истинного относительно этой реальности». И оно истинно лишь в том, что «претендует на рассмотрение лишь одного аспекта перцепции» [7, p. 719].

То, что принцип неполноты играет существенную роль в прагматическом понимании истины, показывает следующая характеристика истины. «Истина есть согласие (concordance) некоего абстрактного высказывания с идеальным пределом, к которому исследование стремится, никогда не достигая его, для того, чтобы выработать научное верование (scientific belief). Таким согласием абстрактное предложение может обладать благодаря признанию его неточности и односторонности, причём такое признание является существенной составной частью истины» [7, p. 718].

Поскольку Пирс говорит о соответствии (concordance) высказывания некоему идеальному предмету, моделируемому иррациональным числом, может показаться, что его определение не выходит за рамки корреспондентной

теории истины. Однако один из примеров (пример с продажей крашеной лошади), данных Пирсом в той же словарной статье для иллюстрации его мысли, указывает на то, что его понимание идеального объекта — истины — близко к данной выше концепции антиномической истины Флоренского.

Г. Фреге, которого считают одним из отцов-основателей математической логики, видел в истине и лжи особые идеальные (логические) объекты, платонические универсалии [5; 6], т.е. придерживался как будто онтологической концепции истины. Однако истина и ложь Фреге статичны, так что предполагать противоречивость истины для него было бы абсурдом. Это указывает на то, что онтологизм концепции истины Фреге поверхностен, он не является эвристическим и плодотворным, т.е. подлинным.

Логические и математические концепции истины могут быть многочисленны. Это выражения онтологической и *металогической* истины, несовершенные в силу принципа неполноты. Поэтому бессмысленно спорить о том, какая концепция должна претендовать на статус окончательной и единственно верной. Онтологическая концепция истины в версии Флоренского может быть ядром универсального прагматизма (обоснованного и последнего этического учения), более или менее грубым приближением к которому служит исторический прагматизм Пирса и других авторов.

Список использованной литературы:

1. Антаков С.М. Логические презумпции в основаниях классической логики // Десятые Смирновские чтения: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 15–17 июня 2017 г. М.: Современные тетради, 2017. С. 61-63.
2. Антаков С.М. // Логическая реконструкция определения истины у Пирса // История и философия науки в эпоху перемен: сб. науч. статей. В 6 т. Т. 5. [Электронный ресурс]. – М.: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2018. С. 94-96. Режим доступа: <http://rshps.ru/books/congress2018t5.pdf>
3. Бор Н. Дискуссия с Эйнштейном по проблемам теории познания в атомной физике // Бор Н. Избранные научные труды. Т. 2. М.: Наука, 1971. С. 432.
4. Флоренский П.А. [Автореферат] // Флоренский П.А. Сочинения в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 40.
5. Фреге Г. Функция и понятие // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сб. трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 215-229.
6. Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов. Пер. с нем. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230-246.
7. Peirce, C.S. Truth and Falsity and Error. In J.M. Baldwin (Ed.), *Dictionary of Philosophy and Psychology, Vol. II*. London: Macmillan and Co.
8. Plato. Res publica. VII, 514a–517d.
9. Tarsky A. Der Wahrheitsbegriff in den formalisierten Sprachen. – *Studia Philosophica*, Bd. 1. Lemberg, 1935.

АНТАКОВ С.М.

Нижегородский государственный университет, г. Нижний Новгород,
Российская Федерация

**«ОБЪЕМЛЮЩЕЕ» К. ЯСПЕРСА КАК НАЧАЛО
ОНТОГНОСЕОЛОГИИ: ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИЕ
КОРНИ СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОГО ДУАЛИЗМА**

М.М. Прохоров представляет «онтогносеологию» как «пространство взаимоотношения онтологии и гносеологии» и тесно связывает её с «основным вопросом философии» и субъект-объектным дуализмом, имеющим место как в онтологии, так и в гносеологии [5]. Тем самым онтогносеологическая проблематика оказывается рецепцией классической научной и философской традиции, начало и конец которой можно маркировать именами Парменида и Канта. Новые аспекты темы открываются благодаря таким неклассическим продолжателям и преобразователям кантианства, как философы-экзистенциалисты и, в частности, К. Ясперс.

Обращаясь к изначальному философскому вопросу «что есть?» и неудовлетворительности, неполноте предложенных в истории философии ответов на него, Ясперс приводит читателя к «тайне основополагающего состояния нашего мыслящего существования» – к разделению на субъект и объект. Эта тайна должна означать, по Ясперсу, «то, что бытие в целом не может быть ни объектом, ни субъектом, но должно быть *«Объемлющим» (Umgreifende)*, которое проявляется в этом разделении» [6, с. 30-31].

Субъект-объектный дуализм [1] можно представить как теоретическое следствие невозможности полного самоопредмечивания субъекта, из которой исходит Ясперс и к которой приводит его интуиция Объемлющего – явного образа кантианской вещи в себе: «Согласно Канту, мир – это не объект, а идея, всё, что мы знаем, имеет место в мире, но никогда не является самим миром» [7, с. 906].

Таким образом, началом онтогносеологии должен быть, как и у Ясперса, принцип, полагающий вещь в себе, но не как трансцендентную «вещь», противостоящую субъекту, который есть также трансцендентальный субъект, а как трансцендентно-трансцендентальное единство субъекта и объекта. Это единство Ясперс и называет Объемлющим. Оно двойственно (едино и противоречиво), то есть имеет двойственные неразделимые вполне аспекты – субъективный и объективный. Ясперс поднимается над догматическими спорами «дуализм VS монизм», ибо ни монизм, ни дуализм невозможны (в чистом и окончательном виде) при таком онто(гносео)логическом полагании начала как Объемлющего.

В самом деле, Объемлющее – онтологическое понятие, но это и онтологическое «знание». Поэтому «знание» тоже двойственно и имеет

двойственные аспекты, называемые естественным и историческим «знаниями». Определим их, следуя В. Дильтею, как знание об объекте («природе») и «знание» субъекта о себе самом. Разумеется, здесь должна проходить граница и между знанием и верой, только граница эта неопределённа, как неопределённо Объемлющее. Итак, вместо трансцендентной вещи в себе мы, по примеру Ясперса, берём за начало трансцендентно-трансцендентальную вещь в себе (которая не является вещью, а есть непредмет [2], в котором нет определённой границы между трансцендентным и трансцендентальным непредметами), а вместо знания феноменального мира – единство этого знания и веры, или самосознания.

В истории как самопознания, самоотнесённости духа (субъекта) в силу этой самоотнесённости возникают антиномии. Все они (особенно удобен в целях анализа «Лжец») служат моделью ядра гуманитарного «знания». С точки зрения научного (объективирующего) знания, антиномия лжеца не имеет решения, вопрос некорректен, так как имеет ложную предпосылку о предметной познаваемости субъекта. Но в гуманитарном «знании» (лучше сказать «практике», области *действий* «практического разума») это не имеет значения. Имеет значение то, что нам выгодно сделать с «лжецом», если мы имеем власть над ним, – осудить его как лгуна или оправдать. Его предложение «Я лгу» даёт нам основания как для первого, так и для второго. Имеет значение, какую *презумпцию* мы выберем. Антиномия здесь служит моделью экзистенциального выбора, собственно метафизической моделью.

По существу, Кант в «Критике практического разума» теоретически воспроизводит предмет мнения (Бога), опредмечивая непредмет (вещь в себе). Это только рациональное опредмечивание, без чувственного опредмечивания (без материализации идеи разума), то есть только половина опредмечивания, незавершённое (несовершенное) опредмечивание, не подтверждаемое чувствами. Это только рациональное неполное опредмечивание, остающееся вне науки. Наука лишь там, по Канту, где разум и чувства согласуются, где, иными словами, мышление тождественно бытию.

Там, где мышление превышает бытие, находятся пределы метафизики (теории, не обоснованной опытом), то есть ненауки. Способ рационального опредмечивания может меняться, так что метафизика может создавать разные воплощения идей. Икона, например, является одной из возможных реализаций идеи Бога. Именно так, если следовать теории антропосоциогенеза Канта – Фрейда – Бородая [4], возникает культура. Культура – *дополнение* природы (естественной реальности) артефактами (и первым артефактом, согласно теории Ю.М. Бородая, был тотемический столб). Поскольку материализация идеи указывает на эту умозрительную идею, все предметы культуры являются знаками. Так, вместе с культурой, появляется разделение означаемого (которое может быть и чувственно воспринимаемым, и умозрительным) и означающего.

Вопреки явно сказанному Парменидом, но в соответствии с его речевой практикой, о небытии (непредмете) можно рассуждать, его можно называть, его можно мыслить, но видеть и осязать его принципиально невозможно, если, конечно, не сотворить его, оформив его идею в материале. За

формотворчеством следует творчество предметов – путём оформления подходящей материи. В математике этим занимаются уже приложения математики [3].

Список использованной литературы:

1. *Антаков С.М.* Апория трансцендентальных оснований субъект-объектного дуализма теоретического знания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». № 4 (20). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2010. С. 143-149.

2. *Антаков С.М.* Метафизическое значение категорий предмета и непередмета в логике, поясняемое примерами решения антиномии Рассела в теории типов и аксиоматической системе NBG // Логико-философские штудии. Том 13, № 2. 2016. С. 143–144.

3. *Антаков С.М.* Что такое математика? // Российский Гуманитарный журнал. 2015. Том 4. № 5. С. 358-367. Полная версия (с восстановленными редакторскими сокращениями): <http://antakov.ru/2016/01/29/what-is-mathematics/>

4. *Бородай Ю.М.* Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996.

5. *Прохоров М.М.* Основной вопрос философии и онтогносеология // Философия и общество. 2016. № 4 (81). С. 92-110.

6. *Ясперс К.* Введение в философию. Мн.: ПроPILEI, 2000.

7. *Ясперс К.* Общая психопатология. М.: Практика, 1997.

АФАНАСЬЕВА В.В., ПИЛИПЕНКО Е.А.

*Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия*

СИМУЛЯЦИЯ КАК ОТСУТСТВИЕ ИСТИНЫ

Представления о виртуальном как особом виде бытия снимают классическую дихотомию «вещь» - «идея» и приводят к постнеклассической онтологии. Зримее всего виртуальность проявляется в том, что сегодня получило название «симуляция».

Симулякры появляются вместе со способностью человека абстрактно мыслить, это образы несуществующего, идеалы, фантомы, иллюзии, идолы, химеры. Симулякры во всей своей совокупности образуют иную реальность, новый онтологический уровень бытия, недоовоплощенного, «частично существующего» [1, с. 35]. Это «несуществующие, но воспринимаемые таковыми и существующие, но не воспринимаемые таковыми» объекты, и они постоянно множатся. И сегодня социум вполне уже можно назвать обществом массовой симуляции.

В разные времена создание симулякров имело разные основания и разные цели. Первоначально симулякры создавались как преображенное отражение

действительности, в виде знаков и символов. Затем – как извращение действительности, в виде мифологических объектов. Позже – как замещение полностью отсутствующего в действительности, в виде колдовских, магических, мистических сущностей, маскирующих несуществование соответствующих реалий. И еще позднее – как не имеющие никакой связи с действительностью образы, специально созданные рекламой и удовлетворяющие потребности производства и потребления.

Первичные симулякры были сложными символами ценностей, благ, достоинств, уродств или грехов. И люди творили их, стремясь к истине, – для того, чтобы расставить все по своим местам, обозначить границы собственных возможностей. Создаваемые мифологические или идеологические объекты были бесконечными пределами человеческих качеств и представляли собой сложные, а иногда и уникальные объекты. Нынешние симулякры – это простейшие образы, которые создаются производством, диктуются законами потребления и упрощают реальность. Теперь это промышленные брэнды и марки, идола рекламы, продукты политтехнологий, поставленные на поток. И если раньше творение симулякров было связано со стремлением к истине, то сегодня они делаются во имя лжи.

Современные симулякры, благодаря высоким технологиям, зримо, растиражированы и активно пытаются актуализироваться, обрести плоть. Они играют огромную роль в жизни человека, особенно политические и идеологические симулякры. Это идола вождей, политиков, государственных деятелей, идеалы несуществующих свобод и прав, отсутствующие в реальности ценности,

Процесс рождения симулякров затрагивает все сферы человеческой жизни. Важнейшими из симулякров во все времена являлись Красота, Секс, Власть, Успех. Так, например, реальная «биологическая красота» является свидетельством образцового здоровья и демонстрацией способности рожать полноценных и сильных детей. Она должна соответствовать биологической природе человека и сохраняться во все времена неизменной. Однако красота мнимая, симулякры красоты, меняются от века к веку, неизменно преображаясь, иногда превращаясь в свою полярность, так что прежняя красота со временем начинает восприниматься как некрасивое или даже безобразное. Современные же симулякры красоты ничего общего не имеют со здоровьем, равно как и с духовностью, они вводят представления о новой, противоестественной и совершенно недохотворенной телесности, отнимая у человека огромные силы и средства разрушая умы и души и неся не здоровье, а болезни и даже смерти, обращая человека от подлинного к неподлинному, от истинного к ложному.

Определенный тип социально-экономических отношений требует и соответствующих политических симулякров, и в трудные времена появляются образы Спасителя Отечества, Отца Народов, Незаменимого и Непогрешимого Политического лидера; в периоды успехов – симулякры Мудрого и Доброго Правителя, Хозяина. Политические технологии в двадцатом веке последовательно создавали также симулякры Законопослушного Гражданина,

радеющего исключительно о счастье государства, Образцового Рабочего, не помышляющего ни о чем, кроме ударного труда, Сверхчеловека, которому дозволено все, Замечательного Служащего, озабоченного только интересами корпорации, по-царски Живущего Обывателя. И фантом Врага, оправдывающий все политические крайности. С созданием довлеющих симулякров напрямую связаны тоталитарные режимы, которые без них просто не могли бы существовать. Подобные симулякры иногда определяют судьбы целых поколений, превращая реальность в гротеск и разрушая человеческие жизни. Удачно зарекомендовавший себя симулякр используется многократно, в результате мнимые качества политического лидера долгое время остаются прежними, а меняется лишь фамилия.

В результате массового, высокотехнологичного творения симулякров возникает ирреальность, превосходящая реальность по степени человеческого восприятия и вытесняющая последнюю, это сверхреальность, гиперреальность, назойливая и агрессивная благодаря СМИ и рекламе. Это социальное пространство лжи, в котором истина теряется; в котором воображаемое становится более ощутимым, чем существующее, а ложное – более правдивым, чем истина. Как и всякой виртуальности, симулятивной гиперреальности свойственно собственное время, и она значительно превосходит реальность по скорости происходящих в ней процессов, все убыстряется, мелькает кадрами, развертками и плакатами, стремительно несетя вперед, вовлекая человека в навязанную ему гонку за несуществующим, сокращая человеческую жизнь и измеряя ее временной сеткой телепередач.

В гиперреальности уютно и удобно, поскольку она лишена реальных человеческих проблем, неприятностей и несчастий. Там, внутри нее, множество прекрасных впечатлений, яркие краски, положительные эмоции, а снаружи – одиночество, страхи, волнения, болезни, загрязненная природа, обыкновенная жизнь. Гиперреальность так хороша, так совершенна, потому что теперь ее создают не только человеческое воображение, но и огромное число умелых технических устройств. Человек может попасть в нее случайно и остаться в ней навсегда. В гиперреальности нормальные человеческие переживания заменяются искусственными, а количество устремлений социума сводится к минимуму, поскольку все начинают желать одного и того же, понятного и простого. Такие основы человеческого существования, как индивидуальность и самодостаточность, изгоняются из нее, потому что находятся с ней в абсолютном противоречии. И люди не задумываются о том, что гиперреальность представляет собой опаснейшую ловушку, в которую человечество загнало себя само и где сознательно проводит опыты над собственной психикой и собственной душой. Это ловушка неподлинного бытия и неистинных отношений.

Чтобы не лишиться этого выдуманного, упрощенного мира, стремясь соответствовать гиперреальности, человек старается избавиться от собственной неповторимости, стремится стать примитивнее, чем он есть. И становится, а человечество старательно впадает в детство, потому что именно ребенку более

всего свойственно жить в выдуманном пространстве, заменять реальные отношения вещей несуществующими. Взрослому и умному место не в гиперреальности, а в действительности, он не боится многочисленных реальных связей и не стремится упрощать все до простейших схем, умный и сильный наслаждается сложностью мира, а не его простотой, и может хотя бы иногда позволить себе одиночество. Он стремится к истине, а не ко лжи.

Помимо актуализации существует и другой, самый значительный показатель действенности симулякров – это их способность управлять реальной жизнью, жизнью миллиардов людей. Во власти тех или иных симулякров: политических, потребительских, поведенческих оказываются практически все. Отныне жизнь, которую выбирает большинство – это жизнь, чуждая человеческой природе, не соотношенная с реальным миром – иллюзия, подделка, ложь, неистинное бытие. Подверженная массовой симуляции действительность давно уже демонстрирует нравственный коллапс, поскольку ложь – это зло, по определению. Можно ли предотвратить развитие симулятивных процессов? Разумеется, нет. Симуляция имманентна человеку, а сегодня еще и обусловлена экономическими законами, бороться с которыми бессмысленно. Но каждому можно постараться избавиться от включенности в массовую симуляцию, и в этой борьбе не объединиться, а размежеваться, обратиться к себе, стремясь минимизировать навязанную симуляцию в собственной жизни.

Список использованной литературы:

1. Афанасьева В.В., Анисимов Н.С. Постнеклассическая онтология //Вопросы философии. 2015. № 8. С. 28 –42.

БАЖЕНОВ Д. А.

ННГУ им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ЧТО ТАКОЕ ДИАЛЕКТИКА? ТЕЗИСЫ К ВОПРОСУ

Цель тезисов состоит в определении содержания такой семантической философской единицы как "диалектика". К этому подтолкнуло множество причин. В философских средах, в которые я попадал, будь-то лекции, семинары, защиты диссертаций или наконец, конференции (например, Международный форум «МАРКС-XXI» в МГУ) участники часто оперируют словом "диалектика". Конечно, нельзя сказать, что они пытаются дать ответ таким способом, который они не понимают или не осознают и свой пробел в дискурсе замещают данным словом. Скорее, здесь лежит что-то интуитивное, что нужен комплексный подход, учитывающий процессуальность и изменчивость, иногда возникает и мышление о противоречии либо переходах в противоположность. Но, если попросить выложить с позитивистской и аналитической точностью, присутствующей у представителей науки, что же

они имеют в виду под словом "диалектика", то возникает ступор или определенная "языковая игра". Попробуем наметить способ определения того, что стоит за словом "диалектика".

Определяющий вопрос: "Стоит говорить о диалектике или диалектиках? Диалектика одна или ее форм множество, диалектик много?". Если мы ответим, что диалектик много, их версий множество, то конкретная диалектика - это конкретная особенная разновидность диалектики определенного мыслителя. Тогда поставленный вопрос в названии статьи может быть снят. Имеем дело с онтологическим и гносеологическим плюрализмом, у каждого значимого философа - своя диалектика, будь то Гераклит, Платон, Аристотель, Плотин, Гегель, Маркс, Ильин, Флоренский, Бенъямин, Лукач, Кожев, Адорно и так далее. Наглядно метод представлен в известном советском классическом сборнике "Критика немарксистских концепций диалектики XX века" под авторством специалистов МГУ. При таком подходе по сути под словом "диалектика" единичный синтез общей онтологии и общей гносеологии с примесью специфического предметного содержания единичного автора. Словосочетанием диалектика Флоренского или диалектика Адорно подразумевается конкретная система философских взглядов, в первую очередь на Бытие как целое. Под диалектикой (как бы она не называлась, "негативная", "апофатическая", "всеединства" и т. д.) имеем перед собой конкретную авторскую философскую концепцию, которая по-авторски отвечает на основные вопросы философии и по-авторски интерпретирует историю философии.

Если предполагаем, что диалектика существует как одна определенная система понятий и предметов, то значит есть возможность очертить определенные рамки и базовые особенности диалектики. Считается конвенцией, что первым диалектику систематически изложил и представил как единое монистическое философское учение классик идеализма Г. Гегель. Я попытаюсь эту конвенцию не только защитить, но и обосновать ее как достойную, упрочить ее положение.

Начну с классического опровержения ценности диалектики Г. Гегеля известной статьей К. Поппера "Что такое диалектика?". К сожалению, узость темы не позволяет упрекнуть К. Поппера в политической некомпетентности, когда он в работе "Открытое общество и его враги" записывает конституционалиста Г. Гегеля в авторитаристы. К. Поппер в своих работах критикует не самого Г. Гегеля, а ходячий философский стереотип о нем. Приведу ошибку, ставшую распространенным стереотипом у философов: Диалектика - это теория, согласно которой нечто - в частности, человеческое мышление, - в своем развитии проходит так называемую диалектическую триаду: тезис, антитезис и синтез. Сначала - некая идея, теория или движение, - «тезис». Тезис, скорее всего, вызовет противоположение, оппозицию, поскольку, как и большинство вещей в этом мире, он, вероятно, будет небеспорен, то есть не лишен слабых мест. Противоположная ему идея (или движение) называется «антитезисом», так как она направлена против первого -

тезиса. Борьба между тезисом и антитезисом продолжается до тех пор, пока не находится такое решение, которое в каких-то отношениях выходит за рамки и тезиса, и антитезиса, признавая, однако, их относительную ценность и пытаюсь сохранить их достоинства и избежать недостатков. Это решение, которое является третьим диалектическим шагом, называется синтезом. По мысли К. Поппера получается, что диалектика - это общее движение мысли и ее продукта в виде теории и науки, которая лишь развивает на свой терминологический ряд, фиксированный ранее им общенаучный метод проб и ошибок. Более ценное другое замечание: основывающиеся на диалектике прогнозы иногда будут правильными, а иногда — неправильными. В последнем случае, очевидно, возникает непредвиденная ситуация. Однако диалектика настолько расплывчата и растяжима, что может истолковать и разъяснить эту непредвиденную ситуацию так же замечательно, как и ту ситуацию, которая была предсказана ею, однако так и не осуществилась. Любое развитие можно подогнать под диалектическую схему, и диалектик может не опасаться опровержения будущим опытом (данный тезис К. Поппер строит на основе цитат К. Маркса). Все эти мысли для современного рационального человека, ученого правильны. Однако то, что в них критикуется - это не принадлежит Г. Гегелю. Упомянутая триада ни в одной работе Г. Гегеля не фигурирует. Ее исток находится вне работ и идей Г. Гегеля, в работах Генриха Морица Халибеуса, популярно и доступно для своих современников изложивший немецкий идеализм. А уже и от него, этот стереотип распространил далее К. Маркс, интерпретацию которого в разной версии подхватили материалисты-диалектики, будь-то сторонники диалектического материализма или диалектической логики (Э. Ильенков, Г. Батищев, В. Вазюлин и другие).

Ситуация еще усложняется и особенностью гегелевской терминологии, его языка, без внутреннего понимания, которого мысль философа искажается. Например, "идея" в понимании Г. Гегеля не есть придуманное человеком, продукт человеческого мышления, "идея" есть тождество понятия и предмета, учитывая по мысли Г. Гегеля их постоянное развитие, выходит, что единство понятие и предмета уходит в сферу бесконечного и спекулятивного, по ту сторону конечной материи. Онтологическое деление у Г. Гегеля многогранно, он использует слова действительное, реальное, существующее, иллюзорное. Все, с позиции нашего обычного языка, это понимается как наличествующее в Бытии. Для Г. Гегеля же эти слова определены по иерархии в их отношении к объективному Понятию, как сердцевины гегелевского логического. Действительное только то, где Понятие, как логическое всеобщее (субстанция-субъект) выразилось в полной мере и вступило в определяющее положение к особенному и единичному, это и есть Разумное, являет собой Логическое и движется к идее. Все остальные онтологические категории обозначают возрастание удаленности от своей определенности Понятием, то есть меру отпадения от логического. Отсюда и возникает положение, что диалектика как ее понимал Г. Гегель - это не диалектика отдельного Бытия и отдельного мышления или материи и сознания, диалектика Г. Гегеля - это диалектика Понятия, что тождественно диалектике действительного. Никак не диалектика

стакана, чайника или любой другой единичной или особенной вещи, не абстрактные всеобщие законы развития природы, общества и мышления.

Следовательно, гегелевская диалектика есть диалектика понятия, что равнозначно такому предмету как логика. Это позволяет нам еще сильнее разграничить диалектику и выросшее из ряда положений гегелевского учения - учение марксистское (материалистическое). Г. Гегель определяет логику как царство чистой мысли, истину без покровов в себе и для себя самой, Бога, каков он в своей сущности до сотворения природы и конечного духа. В. Ленин определяет логическое как форму закрепленной исторической практики, доведенной до автоматизма в мышлении в форме логических фигур. Наконец, главный советский марксистский философ квазигегелевского толка Э. Ильенков (распространивший и защищавший концепт диалектической логики) пытается соединить объективное онтологическое понимание Г. Гегеля и субъективное формальное В. Ленина: формы и законы мышления, понимаемые как естественноисторический процесс, совершаемый не внутри - единственной головы, а только внутри миллионов голов, связанных сетью коммуникаций как бы в одну голову, в одно мыслящее существо, находящееся в непрерывном диалоге с "самим с собой" - они то как раз и составляют объективный предмет Логики в ее гегелевском смысле. Очевидно, что марксистское (материалистическое понимание) гегелевскую логику, а значит и его диалектику не развивает, а лишь заимствует ряд концептов, например, противоречие. Но в основе - не онтологическое понимание, объективно существующая до единичного человеческого мышления сфера чистой идеальной определенности, а гносеологическое - культурно-историческая алгоритмизация общественной практики.

Таким образом, единая и единственная диалектика, диалектика Г. Гегеля не может быть и проинтерпретирована как преодоленный этап к настоящей и единственно верной марксистской (материалистической) диалектике. С другой стороны, как диалектика Г. Гегеля соотносима с его пониманием Логики? Это уже следующий большой дискуссионный вопрос.

БЕЛЯРОВ В.В.

Приволжский исследовательский медицинский университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

МАНИПУЛЯЦИИ С СОЗНАНИЕМ: ИМИТИРУЯ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Одной из основных характеристик современного научного знания является его междисциплинарность. Пересечение наук нередко выливается в конструктивные решения. При этом едва ли можно достоверно определить предел, где эта конструктивность кончается, и начинают взбивать воду в ступе. Парадоксальным образом это сказывается на философии. Зачастую философию обязывают задачами, в решении которых человечество, конечно, нуждается, но

уже давно посредством специальных наук. Проблема манипуляции сознанием, в частности, продолжает пониматься как еще требующая себе философского дискурса. Рассмотрим одну из причин этого неадекватного требования как чисто психологическую.

Представление себя объектом манипуляции является скандальным для интеллигента, человека думающего. В то же время он не может позволить себе сам скандал. Лучше уж самобичевание, только бы не скандал. Но всякая коллизия, связанная с садомазохистским терпением, должна находить свое разрешение.

Интеллигент, тем временем, остерегается всякого пути разрядки конфликта, кроме дискурсивного. Поэтому книги, научные статьи и конференции, где манипуляция сознанием определяется как актуальная проблема философии, несут терапевтическую функцию. Дискурс очень удачно формирует иллюзию свободного выбора. Интеллигента, правда, и на этой мякине не проведешь, он и сам подозревает эту иллюзорность, но говорить про это тоже не хочет. Разумеется, всякая «модель публичного притворства» [4, с. 59] должна быть тщательно исследована, здесь, однако, имеем возможность обратить внимание лишь на достаточно очевидное выражение самосбережения интеллигента.

Казалось бы, открытая, объективированная проблема манипуляции сознанием должна перестать быть предметом философского внимания. Она с избытком отработана и отрефлексирована как философская. Кроме в 1932 году опубликованной «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса написано еще множество статей и книг, которые касаются проблемы массового одурманивания разума разумными средствами, как говорят философы [2, с. 66]. Но в том-то и дело, что эта заскорузлая проблема тем более остается привлекательной для интеллигента в этом *отработанном* виде. Усиленно поддерживая актуальность манипуляции сознанием как проблемы для философского внимания, интеллигент сохраняет свою честь как субъекта свободно мыслящего. Здорово чувствовать себя хорошо соображающим участником сопротивления. Психологически это не менее оправдано, чем то, как, по словам Маркса и Энгельса, младогегельянцы выдавали борьбу с «фразами» за борьбу с удручающими условиями немецкой действительности [3, с. 19].

Однако в том и состоял бы сейчас философский подход, видимо, что он обнаруживал бы проблему там, где ее не пожелает признать интеллигент. Проблема заключается в следующем. От действительной философской борьбы с манипуляцией давно осталась только психотерапевтическая функция, которая продолжает за борьбу усердно выдаваться. Интеллигенция по сути дела сама короновала манипуляцию сознанием, чтобы заниматься ее разоблачением, но не развенчанием. Это разоблачение – дело интересное, но, главное, безопасное. За дискурс можно быть убитым только в условиях политики, крайне нетерпимой к несогласному слову и делу. Не следует путать опасную для жизни правозащитную практику с философским дискурсом. Дискурс это, как правило, продукт той проблемы, которая когда-то была открыта каким-то

философом. Так или иначе, в случае с манипуляцией сознанием дискурс тщательно изготавливается как охранный грамота от всяких неприятностей.

Почти каноническим для этого распластанного ради манипуляции дискурса, стало представление Сергея Георгиевича Кара-Мурзы. Он, как известно, вообразил, что только в прежние времена власть пользовалась лишь грубым насилием, но теперь вынуждена использовать утонченное манипулирование. Сергей Георгиевич предупредил, что манипуляция сознанием общественным и личным создает комфортное состояние, которое, однако, грозит человеку бедой [1].

Но очевидно комфортным-то оказалось как раз согласие интеллигента на непомерное расширение понятия «манипуляция» и признание ее тотальности. Таким образом, автор политического бестселлера давно пролил елей на уклоняющуюся голову любого, якобы сопротивляющегося, профессионального интеллигента. Ригоризм после бестселлера Кара-Мурзы как будто бы должен был потерять всякую значимость для нас, современников. В связи с ней мы становимся помазанниками проблемы манипуляции. С.Г. Кара-Мурза, К. Маркс, Ф. Энгельс вряд ли могли ожидать такого изуверского эффекта.

Изображая мир под грузом тотальной манипуляции сознанием, профессиональный интеллигент не хочет быть лошастью управляемой ненавистным наездником. Но профессиональный интеллигент не может ею не быть, поскольку он представляет себя зависимой частью этого мира. Соглашаясь с образом «лошади» и «наездника», можно проиллюстрировать проблему так. Создавая дискурс манипуляции, интеллигент выбирает для себя относительно слабого соперника, но наделяет его преувеличенными возможностями. Он не хочет иметь дело с врагом, который может раздавить. Посредством дискурса интеллигент отворачивается от того факта, что любая ездая лошадь сначала подвергается насилию, и только потом выглядит манипулируемой. Ведь она не всегда была податливой. Она не скидывает ездока из-за того, что он властной рукой сжимает бич, орудие буквального воздействия. Интеллигент же убеждает себя в том, что, если он и не взбрыкивает, то лишь потому, что тотальна сила манипуляции, и только он разумно ей противится. Другими словами, справедливые опасения властного бича приводят к некоторой убежденности, будто никакого бича нет, а есть один только менеджмент посредством манипуляции.

Дискурсом старательно избегается, например, определяющее значение административного ресурса как палаша над нашими изобретательными головами. Административным рычагом, путем примитивного давления, профессиональный интеллигент приводится к статусу независимого исследователя. Какой же интеллигент не устрасится такого грубого вмешательства в его сознание!

В то же время, выгода профессионального интеллигента может состоять только в том, чтобы признавать возможность некоторой манипуляции своим сознанием. Нет никакой выгоды в том, чтобы признавать себя подчиняющимся грубому насилию над своим человеческим достоинством. Этим

психологическим трюком во многом и обеспечивается профессиональное внимание к манипуляции сознанием. Можно изображать жертву, а можно изображать философское сопротивление. То и другое становится смирением перед слишком *однозначной* силой, чтобы наделять ее способностями ловкого фокусника-манипулятора.

В то же время от всех критиков актуальности этого дискурса можно отделаться положением, с использованием психологического штампа, что как раз они-то и являются отрицателями манипуляции потому, что их сознание зомбировано.

На это обвинение можно ответить, что никто из философов вовсе не стремится отрицать саму реальность манипуляции сознанием. Но направление к абсолютизации ее значимости в современном мире происходит вовсе не от независимости и смелости мысли философской. Оно – от нормальной мысли обывательской людей образованных и осторожных. Дискурс вокруг давно обнаруженной проблемы манипуляции сознанием посвящен не изощренным властным подходам на мягких лапах. Напротив, этот дискурс определился именно грубой силой, оказывая действительное сопротивление которой, рискуешь остаться без средств, а то и без самого существования. Вот и вся манипуляция.

Делая философскую рефлексию инструментом разоблачения принципов манипулирования сознанием, мы оставляем философии узкую позитивистски обоснованную участь. Не единственным, однако, пожалуй, главным делом современной философии может быть не пристрастие к актуальным проблемам, а разоблачение загадочности такого мира, который еще не стал актуальным. Пусть *решением* открытых философами проблем занимается кто угодно, только не философ: на это есть социология, психология, политология, конфликтология, физика... Не следует высшую состоятельность и приобретенную веками споров степенную утомленность философии использовать столь незначительно, раздвигая ее по актуальностям. Кроме того, не учитывая тысячелетиями выношенную почтенность философии, тем самым упускают именно актуальность ее самой как средства узнавать то, чего еще не раскрыто. Усматривать проблему в действительных причинах продолжения дискурса по проблеме манипуляции и есть одна из предоставляемых философией возможностей.

Список использованной литературы:

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 832 с.
2. Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 608 с.
3. Маркс К. Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. – 1955. – 630 с.
4. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; предисл. А. Беляева; пер. с англ.; 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 664 с.

БУЛЫЧЁВ И.И.

Ивановский государственный политехнический университет, г. Иваново,
Российская Федерация,

КИРЮШИН А.Н.

Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А.
Гагарина, г. Воронеж, Российская Федерация

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ПРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На наш взгляд, игра представляет собой одну из функций в целостной структуре коммуникативной деятельности. Иными словами, *природа человеческой игры*, заключается в ее способности служить одним из важнейших каналов коммуникации и общения. Для характеристики сущности игры полагаем необходимым использовать термин «аугментированная». Иными словами, **игра есть аугментированный вид коммуникации** [1].

Термин «аугментированная» означает, что игровая деятельность, взятая в своем предельно общем плане, носит сложный – одновременно консуетальный (константный, привычный) и виртуальный (симулякративный, необычный) – характер. В игровых процессах, с одной стороны, наличествует определенный отлет от действительности, а с другой – проникновение в нее. Например, в интеллектуальных играх отсутствует воздействие на предметы, аналогичное, скажем, материальной деятельности, но вместе с тем все существенное в ней обладает статусом подлинной реальности (чувства, желания, замыслы). Так, в шахматном турнире участники стремятся добиться реальной, а не виртуальной победы над соперником.

В компьютерных играх уровень погружения игрока в виртуальный мир простирается от обычного интереса и чувства удовольствия до патологической зависимости (игромании), приводящей к десоциализации, апатии, пассивности и другим негативным последствиям для человека и социума, накладывая определенную нагрузку на институты семьи, образования и здравоохранения по психокоррекции и социализации игроманов. В то же время, превалирование симулякративных образов в играх может способствовать совершенствованию процессов мысленного моделирования будущей деятельности в интересах прогнозирования и построения действенных алгоритмов ее поступательного развития.

Как известно, сущность способна воплощаться в различных явлениях. Применительно к теме нашего исследования сказанное означает, что в конкретной игровой ситуации может преобладать как консуетальная (константная), так и виртуальная (симулякративная) сторона. Соответственно, такое преобладание обуславливает существование в обществе двух основных видов игры – обычных (константных) и виртуальных. Последние носят симулякративный, или симульный, характер. Однако, если мы берем человеческие игры в их всеобщности, эти противоположности уравнивают

друг друга и ни одна из них не выступает доминирующей. Именно эту ситуацию мы и называем аугментированной. При этом, конечно же, не следует забывать, что игра – многогранное явление, сущностные характеристики которого непросто описать и тем более свести к какому-либо одному универсальному определению [1, с. 139].

Консуетальный и виртуальный типы коммуникации способны послужить основой для классификации многообразных форм игровой деятельности. Безусловно, ни один из указанных видов в чистом виде не существует, поэтому любая классификация имеет известный элемент условности и относительности. Вместе с тем проводимое нами разграничение не является произвольным и субъективным, поскольку опирается на реальные факторы преобладания в игре константных или, напротив, неконстантных (симулякративных) элементов. Так, спортивные игры, осуществляемые с помощью обычных средств (мячи, клюшки, биты и т.п.), инициируют установление с ними, с одной стороны консуетальных (повседневных, ординарных) связей, а с другой стороны, предполагают погружение субъектов в виртуальную ситуацию. Однако последняя не имеет здесь перевеса перед консуетальной реальностью. Совсем иной расклад получается в играх с преобладанием виртуального содержания, где искусственные (симулякративные) образы сознания и поведения способны далеко увести субъекта от действительности [1, с. 199].

Итак, *структура* игровой деятельности, прежде всего, может быть рассмотрена как диалектическое единство двух видов деятельности – консуетальной и виртуальной. Помимо двух относительно противоположных видов игровой деятельности возможен и третий их вид, в котором ранее выделенные нами стороны представляют собой органическое, неразрывное и притом равноправное единство. Пожалуй, этот третий вид игры в наибольшей степени выражает ее аргументированную сущность.

В последние годы все более масштабный характер приобретает использование компьютерных, фантазийных, суггестивных и других технологий. Здесь нередко присутствуют совокупности «чистых симулякров», не имеющих под собой реального содержания. Они создаются как в конструктивных, так и деструктивных целях. Следовательно, эта тенденция по своему влиянию на общество (нравственному, политическому и т.д.) весьма неоднозначна. Она коренным образом изменяет соотношение консуетальной и виртуальной коммуникации. Усиление симулякративной составляющей может быть использовано в целях манипулирования посредством создания и навязывания искусственных потребностей, интересов и идеалов, образов поведения и размышления, стандартов жизни и т. п. [1, с. 200, 239].

Если ранее политические цели достигались вооруженными средствами, то в настоящее время – нередко с помощью консуетального оружия. Оно предполагает использование средства и практики коммуникации (потoki информации, транслирующие иной взгляд на жизнь, иные нравственные ценности и приоритеты, негативные эмоциональные реакции на традиционные устои российского общества) в целях заблаговременного капитулирования конкретного социума перед потенциальным вооруженным столкновением.

Подрыв национального самосознания и достоинства – одна из основных целей информационного нападения. Процесс насаждения социальных ценностей одной страны в умы граждан другой является разрушительным. Формирование менталитета определенной нации осуществляется столетиями, насильственное же вмешательство в его структуру и функционирование является пагубным. Национальная идентичность любой страны – гарант духовной стабильности, непротиворечивости общественного сознания и морально-психологического климата. Об этом прекрасно осведомлены страны-агрессоры, развязывающие консциентальные войны.

Схожую природу, хотя и несколько иную направленность, имеет так называемая «когнитивная война», которая ведется параллельно с «консциентальной» и определяет ее содержание. Важное место в когнитивной экспансии занимают игровые процессы, которым свойственны поверхностные механизмы формирования условных социальных реальностей и «программируемых» способов их познания. Характерное для этих процессов снижение уровня научности и объективности в вопросах познания упрощает когнитивную игру для субъекта и предоставляет ему большую свободу манипулирования объектом когнитивного насилия.

Консциентальная и когнитивная войны предусматривают целенаправленное использование специально разработанных средств воздействия, в том числе игровых ситуаций, на информационный ресурс, идеалы, ценности и другие духовные устои противостоящей стороны, с одной стороны, и защиту собственных ресурсов в интересах достижения поставленных политических и военных целей – с другой. Специфика игры заключается здесь в том, что объект игры не подозревает об участии в ней, тем самым предоставляя ее субъекту расширенные возможности манипулирования, которые обеспечивают гарантированный выигрыш. Консциентальное и когнитивное оружие весьма действенные средства разрушения способностей к адекватному познанию и оценке действительности и, как следствие, мировоззренческих и нравственных основ личности и общества.

В настоящее время произошло изменение взглядов на характер, объект и средства ведения войны и военных действий. Ныне игра мнениями и взглядами, мировоззренческими установками, способами познания и оценки социальной реальности представляет собой эффективный способ ведения современных войн, вооруженных конфликтов, разрешения политических, экономических, идеологических, нравственно-религиозных противоречий.

Список использованной литературы:

1. Кирюшин А. Н., Казаков В. Г. Проблема игры в современных социальных практиках. Воронеж: Научная книга, 2016. 394 с.

ВЛАДИМИРОВ А.А

Волжский государственный университет водного транспорта, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

МИРОВОЗЗРЕНСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ ИСТИНЫ

Многомерное исследование мировоззрения с философских позиций – неоспоримая заслуга многолетней деятельности нижегородского профессора М.М. Прохорова. Его исследования последовательно развертывают все внутреннее богатство проблематики «общей теории мировоззрения»: сущность мировоззрения, типологию и аспекты мировоззрения, базовые понятия мировоззрения [1].

Данная конференция посвящена развертыванию-экспликации гносеологического (познавательного) аспекта мировоззрения, представленного таким базовым понятием как истина. Но уже в приглашении совершенно закономерно зафиксированы многие другие аспекты и значения данной проблемы (аксиологический, методологический, праксеологический, социально-коммуникативный, педагогический, информационно-рекламный и т.д.). Это лишний раз подтверждает многомерно-философское значение учения о мировоззрении, создающее специфическую философскую школу в Нижнем Новгороде во главе с профессором М.М. Прохоровым.

Наши исследования общей теории мировоззрения [2] позволяют выявить и обосновать 6 (шесть) типов мировоззрения, каждое из которых специфически трактует понятие «истина»: народное, мифологическое, религиозное, художественное, научное, философское.

Во-первых, каждое мировоззрение внутренне содержит в себе гносеологический аспект, поэтому предполагает стремление к истине как продуктивной форме знания. Само знание мы трактуем как субъективную форму бытия объекта, поэтому уже в границах гносеологического аспекта различная «субъективность» может придавать и знанию, и истине самые различные формы и значения (ощущения, комплексы ощущений, восприятия, представления, понятия, аксиомы, постулаты, гипотезы, проблемы, суждения, протокольные предложения...).

Во-вторых, в рамках гносеологического аспекта любое мировоззрение может атрибутивно или модусно характеризовать с позиций «адекватности» (достоверности) полученные знания: вероятностные, проблематичные, ошибочные, ложные, истинные, виртуальные, догматические и т.д.

В-третьих, в аксиологическом аспекте, присущем каждому мировоззрению, и знания, и истины могут получать ценностную характеристику как важные, значимые, прорывные, парадигмальные, революционные, судьбоносные и т.д.

В-четвертых, в методологическом аспекте знание и истина могут выявлять свою степень эффективности как последовательные, логичные, результативные, оптимальные или ошибочные, стохастические, неконструктивные и т.д.

В-пятых, наконец, праксеологический аспект мировоззрения позволяет трактовать истину в виде «знака качества» или стандарта, образца, шедевра.

Народное мировоззрение, как базовое реалистическое, основано на традиционалистском освоении мира и в соответствии с этой спецификой утверждает *аксиоматическое* понимание истины. Эта аксиоматика народного мировоззрения представляет собой накопление, аккумуляцию константной природы эмпирического опыта человечества, этносов в системе «Обычаи – Обряды – Традиции». Константный характер этих форм основан на *очевидности* реального опыта, поэтому не требует каких-либо доказательств. В то же время не будем забывать, что, как писал В.И. Ленин: «аксиомы – это миллиарды раз повторенная практика».

Мифологическое мировоззрение, как базовое сюрреалистическое, основано на символическом освоении мира и более всего склонно к *знаково-ритуальному* пониманию истины как «коллективно-бессознательного *символа*», предполагающего не доказательность, а веру, признание. Это и найдет свою содержательную реализацию в религиозном и художественных типах мировоззрения, основанных на мифологическом.

Религиозное мировоззрение как производно-сюрреалистическое, основано на системе догматов (догм), которые не требуют доказательства, а призывают к вере: «истина - это догма». Это ясно уже из известного ответа Христа на вопрос Пилата «Что есть истина?» – «Истина – это Я».

Художественное мировоззрение, как производно-сюрреалистическое, основано на *образном* освоении мира, поэтому истина в художественных образах предстает как образ – *знак*, обладающий своей художественной «правдой». Отсюда постоянное разграничение в эстетической литературе двух «правд» «правды жизни» и «правды искусства», что выражается в эстетическом законе условности отражения [3].

Научное мировоззрение, как производно-реалистическое, основано на *номологическом* освоении мира в форме объективных *законов*, поэтому и истина в науке предстает как *закон*, достоверность которого доказывается не парой шутовских фраз, как писал Ф. Энгельс, а всемирно-исторической практикой человечества.

Философское мировоззрение, как производно-реалистическое, основанное на здравом смысле народного мировоззрения, *концептуально* осваивает мир в форме создаваемых разумом концептов и концепций. Интегральная природа философского мировоззрения включает в его содержание критериальные позиции всех иных типов мировоззрения, но особенно важной оказывается опора на *практику*, введенную строгим научным мировоззрением. Например, философия диалектического материализма как вида философского мировоззрения потому и является объективно-истинной, так как основана на естественнонаучных данных.

Список использованной литературы:

1. Зеленов Л.А., Владимиров А.А. Общая теория мировоззрения.

Н.Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2017. 134 с.

2. Зеленов Л.А., Владимиров А.А. Система диалога типов мировоззрения. Н.Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2014. 158 с.; Зеленов Л.А., Владимиров А.А. философия возрождения России: проблемы импортозамещения. Н.Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2016. 144 с.

3. Законы эстетики. Горький: ГИСИ, 1972.110 с.

ВОЙТОВ А.Г.

Российский университет транспорта, г. Москва, Российская Федерация
ЗАБЛУЖДЕНИЯ И НАУЧНОЕ ЖУЛЬНИЧЕСТВО

1. Общеизвестна относительность знаний. Тем самым они в той или иной мере имитируют реальность. Истинами их считают в одно время, а затем они могут оказаться ложью. Такие факты были (атом – неделимая субстанция, ставшая делимой) и сейчас их много. На этом паразитирует обскурантизм и это же – основание поиска мер по спасению науки как идеологии общества.

2. Актуальность философских исследований широкого распространения имитации истин в современном обществе лучше всего проиллюстрировать на примере философии ввиду того, что её филодоксной имитации 25 веков и без её преодоления общество не выживет в третьем тысячелетии. Основой анализа имитации философии может быть формализация проблемы кумулятивным рядом:

идеальное → истина → имитация → идеология → идеократия

3. Что представляет собой современная философия и чем она полезна обществу? Институциональные философы признают её не востребованность обществом и её кризис. В этом можно убедиться констатацией данного факта директором ИФ РАН [1]. Большинство философов признают философию антиподом науки. Они исследуют все формы бытия и не сотрудничают друг с другом. У каждого из них своя философия – у них нет единой объективной философии. Они вливаются в мировой мейнстрим философии, который все более отчуждает её от народа и превращает её в деятельность маргиналов. Тем самым философы стали филодоксами и с XIX века активно вытесняют философию. Институциональные философы и философствующие субъекты даже не подозревают об этом потому, что не понимают философии как социального явления, не овладели ею и имитируют её. Без понимания сущности философии не может не быть имитации обучения ей, её исследований, аттестации её профессионалов и т.п. Её имитация выгодна её профессионалам ввиду господствующей системы научной аттестации, но грозит обществу гибелью.

4. Основой филодоксной имитации философии является общепризнанное положение – «философия породила науки». Её основой является непонимание науки как социального феномена. Её следствием является признание сущностью науки исследований, возникших в XVII веке, непонимание тренда главных её форм и проблем. В результате обилие модных научных и коммерческих проектов на уровне научной профанации и

фальсификации. Частным аспектом проблемы является объяснение априорных оснований науки – неразбериха в их соотношении: гносеологии, методологии, эпистемологии, герменевтики, синергетики, когнитологии и т.п. Из них наиболее распространена методология, но её трактуют не вразумительно и бесплодно. Все это проявляет скудоумие, величина которого коррелирует с толщиной трактатов её приверженцев и их ученым статусом. Аргументом такой трактовки является, например, положение К. Маркса – «специфическая логика специфического предмета» [2, т. 1, с. 325], породившее концепцию «экономической логики» как основания «экономического мышления» [3]. В соответствии с данной концепцией отрицается философия как конкретно-научный, универсальный метод познания всех наук. Наиболее ярко это высказано Г.Н. Волковым, назвавшим «научным жульничеством» утверждения о признании философии конкретно-научным методом познания [4, с. 135].

5. Оценивая филодоксизацию философии, следует признать, что заблуждения философов не являются ложью, фальсификацией. В таком случае имеет место профанация ввиду «дурной славы философии» по Платону [5, т. 3, с. 268] – скудоумие полужнания, которое, как известно, опаснее незнания. Филодоксы отвергают альтернативные трактовки как словоблудие, лженауку и т.п. Филодоксия является основанием роста обскурантизма и прочих постмодернов. Поразительны выдумываемые филодоксами концепции. Их не принимают не только представители науки, но и их коллеги. Как не пожалеть их, но приходится спасать общество, а поэтому противостоять им.

6. Филодоксизация философии представляет имитацию истинной философии на всех стадиях её воспроизводства – обучения ей, исследований, присвоения ученых степеней, званий и её применения. Она возникла не стихийно, а ввиду осознания обскурантами креативной функции философии для науки, что и стало причиной ее эвристического обезвреживания [2, т. 23, с. 22]. Она выгодна её профессионалам ввиду практики их аттестации – легкость карьеры без соответствующих усилий «карабканья по каменистым тропам науки» по Марксу [2, т.23, с. 25]. В результате в сообществе философов больше всего доля остепененных профессионалов при абсолютной ненужности их идей обществу. Их книги никто не читает, то чему они учат никому не нужно и господствует принцип «Обойдемся без философии». Чем быстрее страна догонит развитые страны в отторжении философской филодоксии как маргинального явления, тем быстрее она воспользуется могуществом истинной философии для теоретизации всех наук и социального прорыва.

7. Филодоксы жертвуют истинной, предпочитая научный конформизм карьеризму. И весьма редко некоторые из них приоткрывают забрало для отстаивания альтернативной трактовки сущности науки, её форм и оснований будущей её формы – теории. Такой подход особенно актуален для общеэкономической науки (политэкономии), развитие которой не отделимо от философии. Современный её кризис вызван отказом от философского основания в виду бесплодности господствующей его доктрины. Его преодоление возможно только на основе ренессанса классической философии.

В связи с этим важно выявление и осмысление мыслей экономистов о методологической функции философии для экономической науки. Полувековые поиски вывели на проблему заблуждений господствующей парадигмы науки и их альтернативу. Альтернатива филодоксии существует в качестве андеграунда, противостоящего её мейнстриму.

8. Современные трактовки философами науки следует признать заблуждением. Им противостоящая парадигма требует системного объяснения преднауки, науки и постнауки. Знания – вербализованное идеальное как атрибут общества. Они возникают стихийно в меру овладения языком. Наука – знания, которым предки учат потомков. Осмыслив сущность науки следует понять её формы: опыт → доктрины → теории. Опыт возник вместе с обществом, доктрины – десять тысяч лет назад. Их ограниченность осознана древними греками и стала основанием их философского проекта науки – созидания теоретической науки на основе когнитивных приемов. Наука породила философию как науку о науке и её прикладную философскую науку – диалектическую логику (ДЛ) как канон теоретизации наук. Платон создал диалектику как метод мышления, Аристотель – аналитику как руководство мышления. Две тысячи лет спустя Р. Декарт и Г.В. Лейбниц интегрировали их в ДЛ. Философия – важнейший элемент методологии и фактор теоретизации наук. Методология – атрибут теоретической науки. Её универсальное содержание – математика и философия, ДЛ.

9. Филодоксия – ничем не обусловленное самодовлеющее явление. Филодоксы считают, что ей невозможно научить – её адепты уподобляются «философам Сан-Суси». Философия же – наука о науке и о универсальном методе сущностного познания явлений. Она едина для всех и объективна. Её можно усвоить как математику, не зная другие науки, и быть её учителем. Более развитым уровнем овладения ею является познание конкретных наук и их проблем с тем, чтобы понять их потребности в теоретизации и адекватные для этого методы. Высший же уровень философствования предполагает изучение истории науки и порождения ею философии как канона её теоретизации.

10. Альтернатива филодоксии – классическая философия как наука о науке и канон теоретизации наук. Выявление и синтез идей её основоположников превращает её в «наше лучшее орудие труда и наше острейшее оружие» по Ф. Энгельсу [2, т. 21, с. 302], в ведущую науку университетов третьего тысячелетия. Только философская основа теоретической науки как идеологии обеспечит идейную идеократию как условие выживания и прогресса общества в третьем тысячелетии. Все необходимое для этого имеется, и требуется только способность преодолеть психологический барьер неприятия парадоксальных идей. Началом самообучения мышлению ДЛ могут быть «Уроки мышления» (miit-ief.ru \ студентам \ электронная библиотека \ авторская страница; 15 уроков по 10-30 минут, общей продолжительностью 5 часов). Они относительно и нужна новая их редакция. Содержательнее проект в брошюре «Слово сильнее оружия» (имеется в интернете).

Список использованной литературы:

1. Интервью с директором Института философии РАН, академиком РАН А.В. Смирновым для журнала «Вестник РФО» \ \ Вестник РФО, 2016, №4.
2. Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
3. Кулиев Т. Экономическая логика. – М.: Экономика, 2013
4. Волков Г.Н. Сова Минервы. – М.: Издательство «Молодая гвардия», 1985.
5. Платон. Соч. в 3-х т. –М.: «Мысль», 1970.

ВОЛКОВА Т.И.

Южно-Уральский государственный медицинский университет, г. Челябинск, Российская Федерация

«ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ» В МЕДИЦИНЕ КАК ИМИТАЦИЯ БЛАГА

Мы живем в обществе, где ложь стала вполне обыденным явлением. Родители лгут детям, а дети – родителям. Начальство дезинформирует своих подчиненных, а подчиненные не считают необходимостью говорить всю правду руководству. Другими словами, – в нашем мире не осталось людей, не умеющих лгать. Все лгут: кто нарочито, кто помаленьку. Но, оказывается, что «неспособность ко лжи далеко еще не есть любовь к истине» – вещает Ницше устами Заратустры [5, с. 526].

Во все времена ложь считалась одним из самых тяжких грехов. Еще в древнеиндийских «Брахманах» говорилось, что «тот, кто говорит правду, подобен тому, кто изливает топленое масло на зажженный жертвенный огонь... Тот, кто говорит неправду, подобен тому, кто наливает воду на жертвенный огонь... Поистине должно поэтому говорить лишь правду» [3, с. 49].

Аристотель, видевший благо в «золотой середине», в «Никомаховой этике» пишет: «обман сам по себе дурен и заслуживает осуждения, а правда прекрасна и заслуживает похвалы. Так и правдивый человек как держащийся середины, заслуживает похвалы, а обманывающий – безразлично в какую сторону – заслуживает осуждения» [1, с. 140]. Платон высоко ставит истину, считая её божественной, потому что богам, говорит он, нет необходимости лгать, а человеку «вводить свою душу в обман относительно действительности, оставлять её в заблуждении и самому быть невежественным и проникнутым ложью – это ни для кого не приемлемо: здесь всем крайне ненавистна ложь» [6, с.162]. То, что ложь с нравственной позиции – зло, это факт очевидный со времен Сократа, и у философов не вызывает никаких сомнений. Но, когда речь заходит о спасении чьей-то жизни или чести, болезни и т. п., то отношение ко лжи может меняться прямо на противоположное. Данная проблема еще более усугубляется, когда речь идет о «лжи во спасение», «лжи во благо». Торжественное «шестивие» лжи говорит о наступлении нравственного кризиса в современном обществе. Тот же Платон, резко осуждая ложь, говорит, что

«людям может быть она полезна в виде лечебного средства, ясно, что такое средство надо предоставлять врачам, а несведущие люди не должны к нему прикасаться» [6, с. 169]. Поэтому право лгать Платон дает только врачам и только в случае, если это принесет пользу больному.

Русские религиозные философы и, прежде всего, В.С. Соловьев, считали, что ложь – порок, но она может быть благом для спасения человеческой жизни. «Жертвовать человеческой жизнью для точного исполнения отдельного предписания – есть внутреннее противоречие и не может быть нравственным» [7, с. 202]. А как же быть с заповедью «не лги»? Как же решить данную антиномию: «лгать нельзя» и «лгать можно»? У И. Канта есть небольшая статья с красноречивым названием «О мнимом праве лгать из человеколюбия». Во всех случаях жизни, настаивает философ, надо быть правдивым: «...тот, кто лжет, какие бы добрые намерения он при этом не имел, должен отвечать и перед гражданским судьей и поплатиться за все последствия... потому что правдивость есть долг..., и стоит только допустить малейшее исключение в исполнении этого закона, чтобы он стал шатким и бесполезным» [4, с. 258-259]. Ложь, какой бы благой она не была, всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо, по мнению философа, она делает неприменимым самый источник права.

С конца 50-х годов XX века в странах Западной Европы формируется ситуация, связанная с созданием действенных способов защиты людей от повседневных трагедий смерти. Характерными для нее были, прежде всего, неведение больного и желание его в этом неведении оставаться до самого последнего момента. По сведениям Ф. Арьеса – автора известной книги «Человек перед лицом смерти» врачи все чаще стали заявлять, что лжец – тот, кто говорит правду, а правда – это зло для больного. Да, в большинстве случаев «больной боится правды, однако слишком часто врачи не говорят ничего ради собственного удобства» [2, с. 483].

В 2014 г. автором было проведено конкретное социологическое исследование с помощью метода анкетного опроса. Объект исследования – студенты 2-5 курсов лечебного, педиатрического и фармацевтического факультетов (398 чел.). Цель исследования заключалась в выявлении отношения студентов-медиков ко лжи и, прежде всего, ко «лжи во спасение». Результаты исследования показали, что большая часть опрошенных (76,4%) ко лжи относятся отрицательно, так как считают, что «ложь – зло», при этом ко лжи «во спасение» относятся «положительно» – (79,8%). Основным показанием для «лжи во спасение» опрошенные ответили: (51,1%) – «у постели больного»; (41,7%) – «сохранение жизни и безопасности близких»; (4,7%) – «сохранение любви, семьи и брака»; (2,5%) – «сохранение дружбы, хороших отношений с людьми».

Исследование выявило, что большинство опрошенных студентов отрицательно относятся ко лжи, в целом, но в то же время «ложь во спасение» оправдывают, если она осуществляется «у постели больного». Данную позицию будущих врачей можно объяснить доминированием в их мировоззрении патерналистской модели отношений врача и пациента, в основу которой

положен принцип «Приноси пользу и не наноси вреда пациенту». Этот принцип лежит в основе обучения студентов медицинских вузов, его поддерживают и некоторые преподаватели. Но рассмотренная модель основана на ошибке обобщенной экспертизы. То есть данная модель принимает, что, так как врач – эксперт в медицине, то он также эксперт относительно жизни вообще. Врач берет на себя моральное превосходство над пациентом, в том числе и относительно того, говорить правду пациенту или нет.

Поэтому у студентов формируется устойчивое мнение, что лучше «сладкая» ложь, чем «горькая» правда, которая может усугубить положение больного. Но если между врачом и пациентом устанавливаются коллегиальные отношения, где они «как коллеги», сотрудничающие в преследовании общей цели – исцеление болезни, сохранение здоровья или ослабление боли (страдания) умирающего человека, то данная позиция будет неприемлема. В современной медицине основную роль должны играть именно такие отношения, где ложь даже в благих целях будет просто недопустима.

В медицине, особенно, правдивость и конфиденциальность существуют часто в беспокойном напряжении. С одной стороны, всё социальное взаимодействие в медицине зависит от правдивой информации. С другой стороны, сообщение пациенту абсолютно всего могло бы привести к бедствию. Врач, проводя анамнез состояния здоровья в своем кабинете, имеет обоснованное ожидание правдивого ответа на все вопросы, имеющие отношение к диагнозу. Пациент, который идет к врачу за диагнозом, также имеет обоснованное ожидание правды и право на правду, так как он нуждается в этой информации, чтобы принять решение относительно лечения.

В других случаях, когда нет вопроса о лечении, пациент может иметь право на правдивую информацию, потому что он оплатил её. Например, пациент, который идет к консультанту по генетике за информацией, относящейся не к лечению, а к браку, имеет право на правду. В этой обстановке, она – именно та информация, за которую он заплатил. Пациент также имеет право на информацию, когда он нуждается в ней, чтобы принимать важные немедицинские решения и избежать больших несчастий. Принципиальный пример этого – немедицинская потребность пациента знать, что он умирает.

Таким образом, ложь, какой бы «благой» или «спасительной» (по мнению того, кто лжет), она ни была, она скорее – зло, чем добро, она – лишь имитация истины.

Список использованной литературы:

1. Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4. / Пер. с древнегреч. Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992.
3. Древнеиндийская философия. Начальный период. Пер. с санскрита. Подготовка текстов, вступит. статья и коммент. В.В. Бродова. М.: Мысль, 1972.
4. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Сочинения: В 8-и

томах. Т. 8. / Пер. с нем. М.: Чоро, 1994.

5. Ницше Ф. Как говорил Заратустра // По ту сторону добра и зла: Сочинения. М.: Изд-во Эксмо, 2003.

6. Платон. Сочинения в 3-х томах. Пер. с древнегреч. Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Т. 3. Ч.1. – М.: Мысль, 1971.

7. Соловьев В.С. Оправдания добра // Сочинения: В 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1988.

ВОРОБЬЕВА С.В.

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

ОБРАЗ ИСТИНЫ В ДИСКУРСИВНОЙ АНАЛИТИКЕ И ЕЕ ИМИТАЦИЯ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Поиск образа истины в условиях разнообразия и многомерности современного мира осуществляется в пределах двух радикальных тенденций – реализма и номинализма (психологизма). Они выражают, соответственно, фиксируемую логическую устойчивость и необозримую эмпирическую вариативность, воспроизводя разные онтологии естественного языка – теоретическую и опытную (чувственную). На их основе в дискурсивной аналитике сложился образ истины, актуальность которого обусловлена его двойственностью и применимостью в осмыслении различных форм имитации истины в повседневности.

Решение вопросов истины и ее имитации обусловлено силой логического или психологического конструктивизма. В соответствии с логическим конструктивизмом, «все истинное должно во всех отношениях быть согласовано с самим собой» [2, с. 185]. Поскольку «состояниями мысли, которыми мы постигаем истину», выступают высказывания, постольку и вопрос истины с ее имитацией является вопросом пропозиций. Одни из них «всегда истинны, а другие допускают ошибки» [1, с. 346], связанные с использованием «языка как «окна в мышление» [7, с. 321]. Ошибки в мышлении обусловлены психологическим конструктивизмом, в котором, во-первых, истина лишается онтологических оснований в контексте личностных интерпретаций и ценностей, во-вторых, язык доминирует над человеческой условностью в форме культуры, в результате чего высказывания и имена становятся социальными императивами, приходящими извне [4, с. 10–11].

Образ истины в дискурсивной аналитике обусловлен первоэлементами референции и коннотации – высказываниями (Г. Фреге) и именами (Б. Рассел), контекстом их употребления (Л. Витгенштейн) и ситуациями применения (С. Крипке). Согласно логическому реализму Г. Фреге, обоснование аналитической истины предполагает отделение логического содержания от психологического, раскрытие смысла имен только в контексте высказывания и различение понятия об объекте и самого объекта [8, с. 290]. В результате аналитическая истинность

высказывания обосновывается, исходя из его логической структуры и в системе отношений с другими высказываниями безотносительно к эмпирике.

Согласно логическому номинализму Б. Рассела, установившему парадоксальность истины за пределами софистики и непреднамеренных ошибок, необходимо различать две формы репрезентации эмпирических объектов – имен с наглядными значениями, привязанными к личностному восприятию, и имен, значение которых раскрывается посредством теоретических дескрипций. Имена с наглядными значениями лежат в основе эмпирической истины, предметными коррелятами которой выступают чувственно воспринимаемые объекты, обладающие пространственно-временными характеристиками. Ненаглядный способ означивания в теоретических дескрипциях составляет основы аналитической истины. Ее предметный коррелят обусловлен интерпретациями, зависящими от языка интерпретатора, контекста его употребления или ситуаций использования (например, *споры* рождают грибы или истину).

Контекстуальный характер истины обосновывал Л. Витгенштейн. Язык как деятельность и форма жизни обуславливает гетерогенную множественность речевых практик, или языковых игр. Лишь в типичных случаях исключены сомнения относительно применяемых слов. В случаях менее типичных сомнения возрастают. Изменчивый и открытый характер словоупотребления регулируется правилами, нарушение которых приводит к столкновению с реальностью – ошибочным выводам, ошибочным действиям. Но даже следование правилам не гарантирует истинность структур языка, так как восприятие факта и высказывание о нем не одно и то же. Высказывание, или пропозиция, – «образ» и «модель действительности, как мы ее мыслим» – формулируется в границах языка, означающих границы мира. Поэтому «о чем невозможно говорить, о том следует молчать» [3, с. 74, 174, 218]. Истинность, соотнесенная с правильностью языка, предполагает очищение фактических высказываний от внешних влияний в пользу непосредственности наблюдения. Истинность, соотносимая с ситуацией, предполагает экспертное усмотрение: новые схемы рассуждений являются продолжением прежних, отсчет значений ведется от ясных случаев к нетипичным, уместность распространения на новый случай обосновывается [5].

Образ истины в повседневности зависит от осознания влияния когнитивных процессов на ее образ. Радикальными формами влияния выступают реализм – называть объекты вещного мира своими именами, и номинализм – объекта нет, пока его как-нибудь не назовут. Вопрос истины становится вопросом ее конструктивности – не пассивного принятия чего-либо, а его субъективной интерпретации. Субъективизм интерпретаций означает тяготение к реалистическому или психологическому образу истины, различающихся, во-первых, привязанностью к объективной реальности или к ирреальности своих желаний, к универсальным или личностным оценкам, во-вторых, разными причинами неполноты или ошибочности самих интерпретаций. В частности, предикторами имитации истины выступают

предубежденность, обусловленная моделями ситуаций и представлениями о собственной пользе, и предвзятость, заключающаяся в оправдании личных устремлений и желаний.

Реалистический образ истины в повседневности, претендуя на универсальность значения, не замечает влияния личных когнитивных процессов на истину: все, что утверждается, и есть истина бытия. Она опирается на общезначимые универсалии, ресурсы языка и дискурсивные правила. В частности, фальсификация, имитация и манипуляция – это нарушения реалистического образа истины. Например, фальсифицированные товары как подделки нарушают общепринятые стандарты, имитации пищевых продуктов узаконивают различия в качестве сходства (допустим, крабовые палочки, в которых нет крабов). Рекламные манипуляции на основе несущественных сходств формируют пристрастное отношение, допустим, к продуктам (чай со вкусом лимона).

Психологический образ истины происходит из уникальности личных когнитивных версий реальности. Возможны два варианта: об этом не говорят, так как скрывают (утаивают), чтобы не заметили, и об этом говорят, чтобы заметили. В частности, эгоцентризм как желание привлечь к себе внимание сопровождается хвастливостью или лживостью вплоть до псевдологии, когда реальность вымысла становится убедительной не только для окружающих, но и для его источника. Подобные психопатологические aberrации имеют место в тех случаях, когда «интерес в самих объектах не может быть удовлетворен». Их замещают знаки, отодвигая реальный мир. Как следствие, неудовлетворенные интересы реализуются в знаковой сфере, игнорируя в разной степени требования непротиворечивости и верификации, «предъявляемые к синтаксическим и семантическим измерениям» истины [6, с. 80–81].

Реалистическая имитация истины производится от умозаключений к чувственно воспринимаемой реальности. Ей предшествует замысел или умысел: необходимо придумать, как фальсифицировать, как обмануть или сделать что-либо иное. Психологическая имитация истины основана на движении от чувственно воспринимаемой реальности к умозаключениям. Иллюстрацией могут служить те индивиды, которых отличает умение жаловаться на все, что они воспринимают, имитируя «подлинную» истину.

Следует констатировать, что в дискурсивной аналитике промежуточное положение между логическим реализмом и логическим номинализмом занимает концептуализм – объекты называют так, как понимают. Именно концептуальный подход подразумевает проникновение в интерпретационную сущность высказываний как когнитивного прообраза истины.

В качестве выводов необходимо отметить, что целостность образа истины в дискурсивной аналитике детерминирована ее компонентами – реализмом и номинализмом. В контексте их двойственности раскрываются фундаментальные повседневные схемы имитации истины, предполагающие разнонаправленные движения – от языка и мышления к миру или от мира к языку и мышлению. Концептуальные стратегии представляют собой попытку взаимного дополнения двух типов схем, объединяющих логические

инварианты и эмпирические переменные в целостный образ истины.

Список использованной литературы:

1. Аристотель. Вторая аналитика // Соч. в 4 т. М., 1978. С. 255–532.
2. Аристотель. Первая аналитика // Там же. С. 117–254.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 288 с.
4. Воробьева С.В. Логика: теория аргументации и критического мышления: учеб.-метод. пособие. Минск: БГУ, 2018. 231 с.
5. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. М.: Канон+, 2010. 256 с.
6. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. Антология. Сост. Ю.С. Степанов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–96.
7. Парти Б.Х. Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность // Там же. С. 304–324.
8. Фреге Г. Логические исследования // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов М.: Аспект ПРЕСС, 2000. С. 286–374.

ВОРОБЬЕВА С.В., КУПРИЯНЕЦ А.В.

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТИНЫ В АРГУМЕНТАЦИИ

Когнитивные аспекты истины связаны, в одном ракурсе, с существованием человека в языке и коммуникации, в другом, – со способами организации этого существования. Аргументация обнаруживается на их пересечении. Базовыми когнитивными ориентирами в ней выступают критика и вопрошание.

Актуальность критики и вопрошания в качестве когнитивных стратегий агента аргументации определяется его мышлением, чувствами и поведением. Они явно или латентно оказывают влияние на представления агента аргументации о мире, о себе и своем месте в этом мире. Отношения, складывающиеся между данными представлениями и реальным положением дел, отнюдь не отличаются гомоморфизмом (не говоря об изоморфизме). Представления людей о реальности всегда будут оставаться их когнитивными картами, отличающимися от реальности, и поэтому всегда будут проверяться на подлинность или правдивость.

Когнитивные схемы аргументации воспроизводят представления ее агента как интерпретатора. В частности, если реальность интерпретируется как правильность, – она выражает оценку или норму, если интерпретируется как справедливость – выражает решение или действие, если интерпретируется как

эффективность – выражает значение или значимость решения, или действия. Целесообразность интерпретаций определяется критическими или вопрошающими намерениями.

Цель аргументации, ориентированной на критику, заключается в раскрытии недостатков явлений и процессов для их последующей санации, улучшения, исправления и пр. В ее основе лежит англосаксонский тип рациональности. Например, рационализация мышления Ф. Бэконом и Дж. Локком привела к обособлению, соответственно, когнитивных ошибок тщеславного мнения, или «идолов», и когнитивных ошибок апеллирования (доводы к человеку, к скромности, к незнанию и к здравому смыслу). Данное обособление было сделано не с целью их исключения. Напротив, из аргументации как когнитивного процесса невозможно устранить психолого-антропологические факторы. Выявление ошибок необходимо для критического анализа диалогических сдвигов и искажений, предполагающих поиск критериев допустимости подобных или иных шагов в аргументации. Ключевыми становятся, например, вопросы: Каким образом оценивать разумность или неразумность аргументации? Какие формы критики наиболее ценны? Какую критику считать оправданной? Какова нормативная модель аргументационного диалога? Какую роль в них играют доказательство и опровержение, верификация и фальсификация? [3, с. 193].

Цель аргументации, ориентированной на вопрошание, сводится к выяснению сути общего дела или, чаще, сути происходящего для самого вопрошающего. Если критическая аргументация вытекает из англосаксонского типа рациональности, то вопрошающая из рациональности немецкой, к которой тяготеет российский и белорусский тип рациональности. «Тот, кто в своих речах стремится лишь оказаться правым, а вовсе не проникнуть в суть дела, тот, конечно, считает спрашивание более легким, чем ответы. <...> Тот, кто полагает, что он все знает лучше, вообще не способен спрашивать» [2, с. 591].

Ложная постановка вопроса «не достигает открытого, но, удерживая ложные предпосылки, лишь закрывает его» [2, с. 591]. Истинное вопрошание осуществляется в форме радикальной негативности – «знания незнания» [2, с. 590], которое заключается в осознании собственной конечности и ограниченности [6]. Спрашиваемое в аргументации должно быть раскрыто в его проблематичности, что достигается уравниванием доводов «за» и «против» [2, с. 592]. Например, преодоление конфликта посредством медиации предполагает постановку вопросов, в которых есть действительно спрашиваемое. Для этого фиксируются ясные (несомненные) предпосылки, позволяющие рассмотреть сомнительные аспекты как открытые для решения ракурсы проблемы, выводящие в будущее [1, с. 30].

Когнитивные структуры аргументации распознаются по ее логическим и психологическим признакам, на пересечении которых образуются сами. К логическим признакам аргументации относятся обоснованность, последовательность, непротиворечивость рассуждений, корректность формальных операций и др. К психологическим признакам относятся свойства, раскрывающие особенности сенсорных процессов, перцепции, внимания,

памяти и др. [4]. Допустим, особый тип лжи – самообман – является следствием неправильной последовательности в расстановке целей, когда вместо принятия ответственности за свой выбор в достижении желаемого и последствий своего выбора идет поиск причин и коррелятов собственного неуспеха. При этом утверждают в качестве истинного то, чего знать невозможно, но утверждают так, как будто знают.

Соотношением логических и психологических признаков в когнитивных структурах аргументации определяется степень ее критической или вопрошающей рациональности. Когнитивные аспекты аргументации, вырастающей из критической рациональности, сопряжены с поиском критериев приемлемости и допустимости. Критерии могут тяготеть к логической или психологической доминанте. Например, агрессивность критических аргументов в сфере бизнеса может быть обусловлена необходимостью приспособления между запретами со стороны общества и государства и личными интересами, и выгодой. Станет ли мерой выгоды алчность – зависит от субъекта бизнеса.

Когнитивные аспекты аргументации, вытекающей из вопрошающей рациональности, сопряжены с правильностью понимания сути вопроса и мерой оценки этой правильности. Мера оценки может происходить из индивидуального или коллективного, исторического или кратковременного опыта. Например, властность или стремление к превосходству всегда будут составлять препятствия к сотрудничеству и поиску взаимовыгодного решения, и исключать доверие и уважение к личности. Доверие и уважение к другим несовместимо с манипулированием и манипуляциями. В частности, эгоцентризм или даже нарциссизм манипулятора редуцирован к «телесному» пространству аргументации – ощущению себя инициатором и проводником всех решений. Поэтому манипулирующая аргументация реализуется между сокрытием истинных мотивов и дестабилизацией позиции другой стороны [5, р. 59–61].

С критической и вопрошающей аргументацией следует соотнести две когнитивные схемы выдвигаемого тезиса – точку зрения и мнение. Точка зрения в критической аргументации как пропозиция всегда находится в отношениях к другим пропозициям, поэтому раскрывается в системе этих отношений. Ключевым отношением является логическое следование. Мнение в вопрошающей аргументации привязано к психическому состоянию и доступно для понимания лишь ее агенту. Поэтому вопрошающая рациональность опирается на вопрос в качестве критерия разумности. Нужно лишь быть открытым для вопросов.

Критика и вопрошание как модели пути к истине в реальной ненормативной коммуникации переплетаются, становясь источником иллюзорности истины. Например, коррелятом иллюзии победы в критической аргументации может стать отступление противоположной стороны, допустим, отказ от каких-либо претензий. Коррелятом иллюзии заботы о правильном понимании сути вопроса – желание принимать решение за других людей.

Действенность и полезность критической и вопрошающей аргументации

детерминирована вопросами «почему?» и «как?» («каким образом?»), посредством которых можно разграничить две когнитивные тенденции в аргументации – интеллектуализм и антиинтеллектуализм. Первая когнитивная тенденция – объясняющая – предполагает прагматический акцент на каузальности и причинно-следственных связях. Вторая – понимающая – предполагает герменевтический путь к истине: как нечто возникает, как взаимодействует с другими компонентами, какова сила их взаимодействия (холизма).

Таким образом, когнитивные аспекты аргументации составляют ее сущностные основания, влияющие на моделирование истины. К ним следует отнести критический и вопрошающий когнитивные стили. Коррелятами истинности в критической аргументации выступает установление границ приемлемости выдвигаемой точки зрения. В вопрошающей аргументации – понимание сути дела через составление мнения о нем.

Список использованной литературы:

1. Воробьева С.В. Медиация как дискурсивная практика: аргументационные аспекты // Профессиональная коммуникативная личность в институциональных дискурсах: тез. междунар. круглого стола, Минск, 22–23 марта 2018 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О.В. Луцинская (отв. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2018. С. 29–32.
2. Гадамер Х.-Г. Герменевтическое первенство вопроса // Логика и риторика. Хрестоматия. Минск: НТООО «ТетраСистемс», 1997. С. 590–610.
3. Еемерен Ф. Х. ван. Ошибки в аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. Пер. с англ. В.Ю. Голубева, С.А. Чахоян, К.В.Гудковой; науч. ред. А.И. Мигунов. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 162–197.
4. Лобанов А.П. Когнитивная психология: от ощущений до интеллекта. Минск: Знание, 2008. 376 с.
5. Charlier C. Lйvinas: l'utopia de l'humain. Paris: Albin Michele, 1993. 192 p.
6. Lйvinas E. Totalitй et infini. Essai sur L'Extйrioritй. – Kluwer Academic, 1991. 343 p.

ДИМИТРОВА С.В.

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, РФ

ТУРКУЛЕЦ А.В.

Хабаровский государственный университет экономики и права, г. Хабаровск, Российская федерация

АБСОЛЮТНАЯ ИСТИНА КАК СПОСОБ АКТУАЛИЗАЦИИ БЫТИЯ

Исследование вечного вопроса о том, что есть истина неизменно связано с господствующей картиной мира, с проблемами определения бытия. Подходы к определению истины в условиях формирования неклассической и

постнеклассических типов рациональности основываются на признании существования различных миров, каждому из которых соответствует собственная логика развития, язык описания, и, соответственно, критерии истинности знания. Между тем плюрализм истин и их относительная природа будут нами интерпретироваться как признание возможности существования абсолютной истины. Установление абсолютной истины требует способов реализации, при которых возможным становится «перемена бытия».

Для определения особенностей современных подходов к определению бытия и связанного с ними понимания истины необходимо начать с анализа концепций истин, сформированных в рамках становления и развития классической рациональности. Представление бытия как сущего, объективной реальности сделало необходимым поиск способов (методов), исключающих влияние субъекта на объект. Становление классической рациональности происходило в эпоху, когда человек стремился расширить сферу своих возможностей, используя знание для осуществления практических задач. Истина как представление инвариантных законов мира, выступает условием для возможности преобразования наличного бытия (сущего). Познанная необходимость - есть условие свободных действий субъекта, преобразовывающего мир. «Онтология предстала учением о бытии как должном, как обоснование эффективного проекта преобразования бытия» [3].

Ориентированность на высокую эффективность действий, превратила в подручные средства не только природу, различные виды познания, но и самого человека. Индивид, успешно достигающий поставленных целей, подчинен логике действия, «человек...уже не скрывает свою черту, что он – важнейший материал для производства» [5, с.188].

Стремление достичь объективной истины, и абсолютизация целерациональной активности стали основанием для возникновения автономных, развивающихся по собственной логике способов познания, форм активности. Появление условий, при которых становится необходимым преодолеть враждебность и чуждость мира, являющегося результатом познавательной и деятельностной активности людей, приводит к новому видению и другим формам постижения бытия.

Происходит переход от понимания бытия как мира сущего (объективного мира) к бытию человека. Перед человеком стоит задача актуализировать бытие, которое есть результат индивидуальных, личностных усилий. Таким образом, познание, выявляющее объективные закономерности мира, направленное на изучение форм становления бытия в процессе взаимодействия человека с объективными предметами и видами их взаимосвязи перестает рассматриваться как единственный путь достижения истины.

Важной задачей познания становится анализ субъектно-субъектных отношений, позволяющих исследовать взаимодействие личностного бытия и бытия другого. Способами достижения истины перестают быть строгий расчет и практическая применимость, особое значение обретает поиск смысла, уникальность личностной интерпретации. Тем самым происходит переход от

рассмотрения мира как объекта преобразований, к поиску способов интерпретации бытия, обуславливающих генезис различных миров. Смена картин мира выражает «...смену установок в рассмотрении бытия в качестве действительности «как она есть»; как рационально необходимого, на то, какова она может быть» [3].

Автор фундаментальной онтологии М. Хайдеггер различает наличное бытие (сущее) и «бытие как таковое». Преодоление противоречивости процессов познания станет возможным в процессе обращенности сознания человека на бытие. Переход от онтического к онтологическому возникает в условиях возникновения бытийного мышления. «Критикуя интеллектуалистскую трактовку сознания, Хайдеггер хочет понять сознание как определённый способ бытия. Сознание как способ бытия, точнее, бытие сознания он и обозначает словом «тут-бытие» (Dasein)» [1, с.348].

Таким образом, мысль выступает необходимым условием рождения бытия. При этом значимым является то, что в бытийном мышлении не существует принципа заменимости: не открыл один, его дело закончит другой. Такой принцип может существовать в познании, но он не применим к процессам актуализации бытия. «А бытие – вовсе не порождение мысли. Скорей наоборот, сущностная мысль есть событие бытия», - отмечает М. Хайдеггер [5, с.39].

Важным выводом, который делает М. Хайдеггер, исследуя истину, является утверждение, о том, что истина неизменно зависит от человека «взятого как существование». При этом истина не является субъективной, поскольку явленность бытия, подобна откровению, которое не зависит от желаний и целей субъекта. «Бытие, по словам Хайдеггера, «возвещает себя» человеку, «окликает» его, открывает ему сущее...бытие и есть открытость, как таковая, и истина в качестве открытости есть теперь не принадлежность человеческого существования, а принадлежность самого бытия», - так характеризует П. П. Гайденко учение об истине, позднего Хайдеггера [1, с.385].

Созвучными рассуждениям М. Хайдеггера об истине как открытости бытия является и учение Ж. Делеза, для которого истина неизменно является делом производства (творчества), а не соответствия, делом рождения, а не припоминания. Абсолютность истины, как условия и способа проявления бытия, предполагает возможность и сосуществование различных миров. Ж. Делез разделяет бытие и сущее, говоря о новом понимании бытия, сущностной характеристикой которого является различие. Постигание бытия-различия требует новых типов рациональности и способов раскрытия истины. Истина – это режим удержания различия – бытия, а не поиск тождественности с сущим.

Различие проявляется в бытии и выступает основанием для возникновения различных способов существования. Бытие, предшествует существованию, следовательно, оно первично по отношению к сознанию и субъектам познания. Бытие - есть хаотичное взаимодействие бесчисленного количество сингулярностей, перманентная активность которых делает возможным свершения череды событий, обуславливающих процессы становления сущего. Сама возможность свершения событий указывает на

повторяемость, а условием возникновения и результатом события выступает различие. Ведь событие разрывает привычный ход вещей, определяет новую логику становления, создает иные системы исчислений, позволяя проявиться уникальным формам существования.

Для того чтобы постичь различие необходимо преодолеть старый тип мышления, по сути, рационализирующий обыденное сознания. В работе «Различие и повторение» французский мыслитель подвергает критике учение о мышлении и истине, выработанное классической философией [2]. Классический тип мышления основывается на постулатах, согласно которым истина постигается мышлением. При этом мышление «едино во всех способностях», направлено на узнавание объекта (установление тождества), в процессе которого объект получает определение. Согласно учению Ж. Делеза, такой тип мышления не выводит познание за рамки восприятия и исключает возможность появления новых объектов и проблем познания. При таком типе мышления невозможно познание различия.

Абсолютная истина актуализируется в процессе воплощения бытия в сущее, которое становится возможным в процессе уникальных способов проявления силы, утверждающих индивидуальное. Возможность человека находиться в особых состояниях (пограничных ситуациях), при которых он переживает напряжение всех своих способностей, позволяет установить абсолютную истину. Ведь достижение «точек интенсивности» ведет к выходу за рамки повседневности, к актуализации бытия. Значимым для характеристики такого рода состояний является то, что они не являются результатом интеллектуальных усилий или следствием волевого решения. Пребывание в точках интенсивности, позволяющих вывести из потаенности и удержать, на какой-то миг, абсолютность истины, возможно при условии выхода, за рамки обыденности, повседневности, трансцендирования от сущего к бытию. Возникновение абсолютной истины, актуализирующей бытие, отличается неизбежностью, поскольку свободно возникает мысль, которую «нельзя думать иначе» [4, 792]. Новое мышление, направленное на удержание различия, – это свободное возникновение неизбежных мыслей, установление личностных смыслов, способ проявления индивидуального бытия. Процессы познания, с присущей им логикой и способами утверждения различных видов истин начинаются после свершения события бытия – истины.

Таким образом, ограниченность мышления рамками сущего, «подручность» как условие предпонимания, познание как установление тождества существующего с сущим являются причинами возникновения различных форм имитации истины. Несмотря на многообразие различных способов обоснования, все виды истин имеют временный, «подручный» характер. Различные виды истин сохраняют свою значимость, выполняя регулятивную функцию в рамках существования определённой системы, парадигмы, будучи зависимыми от правил формирования понятий и логических законов построения суждений, непротиворечивости даже возможности наиболее удобного использования. Вместе с тем процессы возникновения

различных типов истин и их релятивистская природа должны рассматриваться как условие для утверждения абсолютной истины, актуализирующей бытие.

Список использованной литературы:

1. Гайденко, П. П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века / П. П. Гайденко. – М.: Республика, 1997. – 495 с.
2. Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
3. Тульчинский, Г.Л. Смена онтологической парадигмы: от сущего к потенциальному / Режим доступа <http://hpsy.ru/public/x3133.htm>
4. Мамардашвили, М. К. Философские чтения / М. К. Мамардашвили. – СПб. : Азбука-классика, 2002. – 832 с.
5. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

ДОНЕНКО И.Л.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

БОЖЕСТВЕННЫЙ СЛЕД ФРАКТАЛЬНЫХ ПОСТРОЕНИЙ И МАТЕМАТИЧЕСКИХ МНОЖЕСТВ

Изучая теорию фракталов и динамического хаоса, я задался вопросом, а что дальше, там в глубине самоподобия? Почему фрактальная геометрия прослеживается в элементах континентов, растений, строения животных и людей? Решил попробовать заглянуть глубже, туда где у физика и математика начинается «разруха» и нелинейность. Рассматривая геометрические фракталы можно найти их схожесть со многими реальными объектами. Одно из основных значений существования фрактала – это фрактальная размерность, а у человека – это его духовная «размерность». Рассматривая это можно сделать выводы, что и человеческая душа имеет фрактальную структуру. Как пример можно предложить два аргумента:

1. Мы всегда вспоминаем какими мы были в детстве, при этом в каждый промежуток жизни детство у нас оценивается по-разному – как и фрактал при каждом приближении увеличивается.

2. Мы всегда представляем себя какими мы будем в старшем возрасте, что опять же можно сравнить с теорией динамического хаоса в математике. Мы можем только «представлять» и «угадывать», а вот как будут обстоять дела, зависит от любой бифуркации или же как будет удобно Богу.

На рисунке ниже приведен фрактал, ковер Серпинского – как пример математического множества, строение которого схоже с многими городами, дифракционными решётками в оптике, а также поверхностью Земли.

Рассматривая эти аргументы можно прийти к выводу, что и такие фундаментальные вещи как строение вселенной, движение планет, течение

жизни строятся по фрактальному дереву. Но, если рассматривать с точки зрения математики и физики «корень» дерева, то можно «затеряться» в бесконечном самоподобии структуры. Тут приходит мысль в голову, может стоит отбросить рационализаторские мысли и обратиться к духовной составляющей всего? Тогда после размышлений и попыток достичь основания фрактала приходит мысль, что человеческая сущность не может посчитать Бога или найти его у основания фрактальной структуры.

Но, как же нам тогда быть?

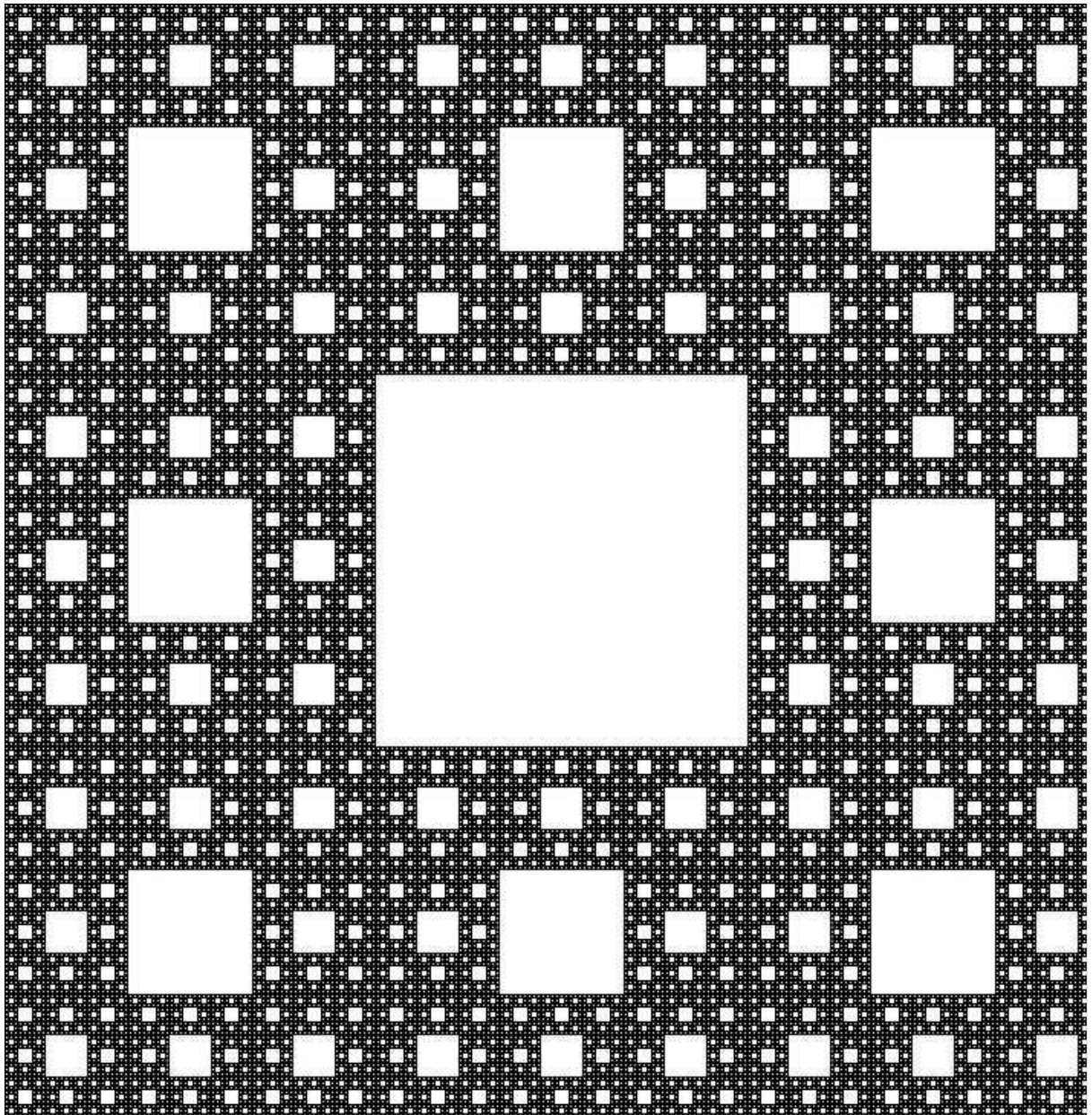
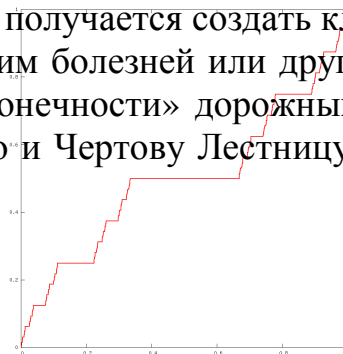
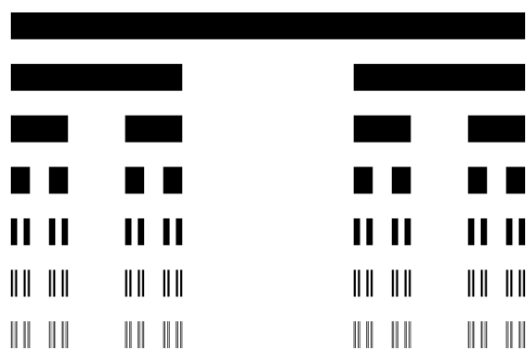

Рисунок 1. Ковер Серпинского

Отказаться от поисков доказательств о существовании Всевышнего? – Нет, это не требуется.

Так как существование такой универсальной системы как фрактальная геометрия и есть прямое доказательство того, что нас создал Бог. Одним из доказательств служит то, что человек не может повторить с той же точностью

фрактальную структуру с высочайшей точностью – дальше она не стабильна и разрушается (в той области где, мы, математики и физики говорим наступает хаос) в наших руках. В следствие этого и не получается создать клона человека, животного или растения без приобретения им болезней или других изменений которых нет у оригинала. Примером «бесконечности» дорожных путей также можно рассматривать Канторово множество и Чертову Лестницу приведенные на рисунке 2.

А)

Б)

Рисунок 2. А) Канторово множество, Б) Чертова лестница.

Рассматривая эти два фрактала, можно также понять, что чем дальше мы поднимемся, тем «выше» становится лестница и больше множество, аналогично и расстояниями в космическом пространстве.

Поэтому искать Бога не надо, где-то там в космических пространствах или же в недрах Земли. Он есть все. Для этого он нам и оставил такую подсказку как фрактальная геометрия.

Список использованных источников и литературы:

1. Доненко И.Л. «**FRACTAL SIMULATION OF HUMAN DACTILOSCOPY BY OPTOINFORMMATIC METHODS**», КФУ им. В.И. Вернадского 2017 г. – с.2
2. Доненко И.Л. «**Фрактальные отображения полей многомодовых оптических волокон**», дипломная работа – КФУ им. В.И. Вернадского 2017 г. – с.56-57

ДУПЛИНСКАЯ Ю.М.

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А., г. Саратов, Российская Федерация

СИМУЛЯКР В НЕОЖИДАННОМ РАКУРСЕ: КОПИЯ ПАРАДОКСАЛЬНОГО ОБРАЗЦА

Трактовка истины в русле *теории репрезентации* (соответствия понятия реальности) имела истоком платоновскую схему: «идея-образец» - «вещь-копия». В этом смысле А.Уайтхед всю европейскую философию охарактеризовал как «комментарии к Платону». По той же схеме «образец - копия» в античности понимался и процесс познания. Считалось, что душа воспринимает эйдосы, в буквальном смысле «уподобляясь» оным или, вариант,

что идеи (эйдосы) «отпечатываются» в душе. Развитие науки о мозге вынуждает скорректировать эту схему. Речь может идти не о «копиях», - а только о процессах *кодирования* и *перекодирования*. Ощущения и восприятие - это не «отпечатки» и не «копии», как считалось в античности, а только кодирование реальности в периферических нервных сетях, которые затем перекодируются в отделах ЦНС и т.д. Но самый сокрушительный удар по теории репрезентации нанесен открытием, что такое перекодирование является *нелинейным процессом*. Кодирование и перекодирование совершается отнюдь не по логике взаимно однозначного соответствия (когда элементу одной системы ставится в строгое соответствие элемент другой системы), поскольку наш перцептивный аппарат - это система, имеющая *операциональную замкнутость*. Функционирование таких систем имеет характер замкнутых круговых процессов, не выходящих за границы системы. Это значит, что «внешние возмущения могут лишь модулировать постоянно изменяющийся баланс сенсомоторных корреляций» [1, с. 143]. И не более того. Например, «эффект проецирования изображения на сетчатую оболочку отличается от односторонней передачи сигналов по телефонной линии. Скорее он напоминает еще один голос, добавляемый ко многим другим голосам во время бурного семейного спора, когда достигаемая согласованность действий не зависит от того, что именно говорит любой конкретный член семьи» [1, с. 144]. По тому же принципу совершаются дальнейшее перекодирование первичных данных на языки различных концептуальных сетей в процессе последующей познавательной деятельности. Разнообразные языки, - как естественные, так и искусственные; концептуальный аппарат, которым пользуется та или иная наука, - все это суть системы, также характеризующиеся *операциональной замкнутостью*. Причем, как замечает Р.Рорти, в истории познания «ни одна революция не может быть успешной, если ее словарь соизмерим со старым словарем» [2, с.43]. Таким образом, смена научной парадигмы не просто углубляет и не просто корректирует ранее имеющиеся знания, - она приводит к формированию нового концептуального языка, который, в свою очередь, также является системой с операциональной замкнутостью. А если системы имеют операциональную замкнутость, - то вряд ли можно вести речь об однозначном соответствии между элементами таких систем. Логика перекодирования в этом случае *нелинейна*; воздействие «на входе» может дать непредсказуемый результат «на выходе».

В свете этих соображений неизбежны следующие вопросы. Правомерно ли, в таком случае, вообще вести речь об Истине как соответствии? О каком соответствии, - чего и чему, - здесь может идти речь? Как возможно в принципе, - помимо, разве что, узкоситуативных и узкопрагматичных аспектов этой проблемы, - отличить «подлинное» от «неподлинного»? В частности, возможно ли тогда отличить «надлежащую» копию от симулякра?

Можно утверждать, что теория симулякров, сформулированная в философии постмодерна, имеет отношение не только к социокультурной проблематике (к которой ее обычно применяют), но являет импликацию

глубокого общепарадигмального сдвига, охватывающего области, как гносеологии, так и онтологии, и мировоззрения в целом. Однако этот аспект теории симулякров явственно просматривается не столько у такого признанного «классика» данной темы, как Ж.Бодрийар, сколько у Ж.Делеза, - наиболее «эзотерического» и наименее популяризуемого из всех авторов постмодерна. В сериях симулякров, - «копий, лишенных образца», - Делез усматривает некий парадоксальный «образец», который подлежит копированию. Но этот «образец» усматривается отнюдь не в том, в чем до сих пор было принято видеть образцы для подражания. В противовес Платоновской традиции, Делез считает подлинной сутью Идей не умозрительные формы - «эйдосы», а (?) - *бытие*, - то есть *сферу задач и вопросов*. «...Истинные задачи и есть Идеи, ... эти Идеи не снимаются «их» решением, поскольку они - необходимое условие, без которого никогда не существовало бы ни одно решение» [3, с.210]. В таком случае, утверждение любой Истины может сохранять смысл лишь до тех пор, пока удерживает в себе импликации *вопроса*, ответом на который являлось данное утверждение. Будучи ответом на вопрос, Истина, в свою очередь, должна порождать новое поле проблематичного, - в противном случае она становится мертвой истиной.

Итак, что именно воспроизводится в сериях симулякров, - «копий, лишенных образца» (ибо таково определение симулякра)? Воспроизводится не «позитивная» форма, которая, по Делезу, является лишь эпифеноменом Истины, - но сфера *проблематичного*. И парадокс в том, что для адекватного воспроизведения сферы проблематичного: не внешней формы вопроса, а самой интенции, *«интенсивных» характеристик вопрошания*, - копия должна отличаться от образца! Чтобы удержать *интенсивные характеристики* мысли, - иной раз приходится находить другие слова единственно лишь для того, чтобы сохранить *ту же самую* мысль.

На языке нелинейной динамики это именуется состояниями *устойчивого неравновесия*. Таким образом, проецируя наши рассуждения в область онтологии, - парадоксальный «образец», который постоянно воспроизводится в сериях симулякров, можно определить как состояние устойчивого неравновесия. Система остается *живой* системой лишь до тех пор, пока в ней воспроизводится устойчивое неравновесие. Организм в состоянии равновесия - это мертвый организм. То же можно сказать и о жизни Идей, и о жизни великих творений искусства и т.д. Итак, «образец», который должна воспроизводить копия, - фиксируется лишь в негативных терминах: *неравновесие*. Чтобы соответствовать такому «оригиналу», копия должна воспроизводить состояние неравновесия, что удастся лишь ценой искажения внешней формы оригинала. *Воспроизведение такого «образца» возможно при условии, что каждая последующая копия не похожа на предыдущую*. К примеру, чрезмерное сходство между родителями и детьми - признак дегенерации.

Исходя из предыдущих рассуждений, можно предложить радикально иное видение Реальности, как таковой. Необходима перефокусировка взора с предметных составляющих на *интенсивные характеристики* реальности. За фасадом предметов (в онтологии), утверждений (в истории познания),

артефактов (в истории культуры) необходимо увидеть *течение энергии*. Для такого взгляда не только идеи и артефакты человеческой культуры, - но и предметности «реальности» предстанут не в качестве самодовлеющих объектов, а исключительно в качестве *порогов*, модулирующих конфигурацию течения, дробя его на рукава и создавая завихрения потоков. Утверждение тех или иных «истин», творение великих «образцов» искусства можно сравнить с возведением плотин гидроэлектростанций, назначение которых - создавать временную задержку на пути потока ради перепадов интенсивности, превращающих плавное течение в водопады.

Эту мысль можно проиллюстрировать на примерах великих образцов искусства. Например, видя в произведениях Пушкина классические образцы литературного творчества, мы не учитываем, какой «крамолой» была эта «классическая простота» с точки зрения древнего поэтического канона. Согласно архаическому канону, язык поэзии должен быть «темен»; ясное слово считалось стилистической погрешностью: ведь первичные истоки поэтический язык берет в священной игре в загадки. Возможно, для современников Пушкина его литературный стиль имел особую эстетическую ауру именно благодаря *контрасту* с тяжеловесной вычурностью предшествующего поэтического канона: Тредиаковского, Сумарокова и т.д. В таком случае, самыми удачными «копиями» таких «образцов» следует считать отнюдь не произведения эпигонов, творивших в том же стиле, а наоборот, рискованные эстетические эксперименты модерна, по контрасту с которыми мы вновь в полной мере можем ощутить неповторимую ауру (отнюдь не перводанной) «простоты» классических образцов. Образец становится образцом лишь в *ретроспективе* последующей истории копирования, которая в качестве необходимого компонента должна включать и перетолкование, и искажения образца. Это положение, в частности, - кредо такого направления, как герменевтика: текст имеет статус образца лишь до тех пор, пока он открыт для перетолкования и перепрочтения. Ибо только такая открытость создает возможность реактуализации текста.

Список использованной литературы:

1. Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания. М., 2001 - 224 с.
2. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997 - 320 с.
3. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998 - 384 с.

ЕРАХТИН А.В.

Ивановский государственный политехнический университет, г. Иваново,
Российская Федерация

ОБМАН КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Обман – это ложное, неверное сообщение, способное ввести в

заблуждение того, кому оно адресовано. Существуют различные формы и способы обмана, которые широко используются на всех исторических этапах развития нашей цивилизации. Обман – это безнравственная форма защиты интересов: личности, социальной группы или государства, которые стремятся низвести истину до прислужницы своих интересов. При этом, как подчеркивает Д.И.Дубровский, «тот, кто стремится достигнуть своей практической цели ценой обмана, выступает, как правило, под личиной поборника истины, добра и справедливости» [5, с. 6]. Обман является средством борьбы за власть. Он используется для охраны групповых интересов, поддержания авторитета правителя или системы правления, являясь, в то же время, важнейшим фактором стабильности системы политической власти. Эта двойственная сущность обмана особенно ярко проявляется в религии.

Религия – социальный факт, неотъемлемая часть культуры. Но в истории человечества она оценивалась весьма неоднозначно: как позитивно, так и негативно. Религия в роли объединяющей, цементирующей силы общества и одновременно в роли регулятора социальных отношений получала позитивную оценку даже со стороны ее противников, включая и атеистов. К.Маркс и Ф.Энгельс писали о роли религии как об *исторически обусловленном феномене, с необходимостью возникающем на определенном этапе развития человечества*, но и с необходимостью исчезающем на последующих этапах его развития. Позитивным элементом религии можно считать целеустремленность верующего к высоконравственному поведению. Религия выступает за смягчение существующего антагонизма, а церковь стремится организовать помощь людям, попавшим в особенно тяжелые условия жизни. Религия призывает богатых оказывать благотворительную помощь бедным, а бедных – к терпению, обещая за это рай «на том свете». Указывая на эти положительные стороны религии, М.М.Прохоров в то же время подчеркивает, что все это делается для того, «чтобы *сохранить* сам общественный антагонизм, пролонгировать существование такого строя *в его принципе*, лишь смягчая его. Смягчая, чтобы сохранить. Сохраняя, смягчить. Иначе не сохранить, из-за возможного социального взрыва, к устранению которого причастна религия» [7, с. 201].

О позитивной роли религии в сохранении социальной стабильности общества размышляли уже древние философы. Так древнегреческий софист Критий – ученик Протагора и Горгия, отрицал реальное существование богов, но считал религию социально полезной выдумкой. Секст Эмпирик пишет: «Еще Критий ... принадлежит к числу безбожников, поскольку он говорил, что древние законодатели сочинили бога в качестве некоего надсмотрщика за хорошим поступками и за прегрешениями людей, чтобы никто тайно не обижал ближнего, остерегаясь наказания от богов» [1, с. 253]. Далее Критий объясняет, когда законов не было, жизнь была неустроенной, звероподобной, люди открыто насильничали. Поэтому и были созданы законы, нарушения которых сурово каралось. Но и после этого люди «тайком свои свершали злодеяния». И в этой ситуации нашелся «некий муж разумный, мудрый... для обуздания смертных изобрел богов, чтобы злые, их страшась, тайком не смели бы зла ни

творить, ни молвить, ни помыслить бы. Для этой цели божество придумал он, - есть будто бог, живущий жизнью вечною, все слышащий, все видящий, все мыслящий, заботливый с божественной природою. Услышит он все сказанное смертными, увидит он все сделанное смертными. А если ты в безмолвии замыслишь зло, то от богов не скрыть тебе: ведь мысли им все ведомы» [Там же]. Критий считал, что именно воспитание формирует хорошие качества у людей, а религию и государство рассматривал как средство, делающие плохих от природы людей хорошими.

Как и философия, религия стремится познать и осмыслить бытие мира вообще, и бытие людей на Земле, в частности. Но если философия дает человеку жизненные ориентиры для достижения счастья на этом свете посредством разума, то религия заботится о Вечности, которая осознается душой. Приоритетом религии является вера и фантазия. Религия обещает защиту бедным не в земной жизни, а в потустороннем мире, после смерти, если люди проявят терпение и не впадут в греховность. Один из выдающихся философов Средневековья Ибн Рушд (Аверроэс) в работах, посвященных проблеме соотношения философии и религии пишет, что «философия есть высшая цель человеческой природы», но мало людей могут ее достичь. Для толпы ее место занимает пророческое откровение. Философские диспуты существуют не для народа, потому что они способны ослабить его веру. Объясняя, почему вера толпы сильнее веры философа, Аверроэс говорит, что воззрения толпы складываются только под влиянием привычки. «Толпа верит в то, что беспрестанно перед ней повторяют. Вот почему ее вера сильнее веры философа; ибо она не привыкла выслушивать возражения против своих верований, между тем, как это часто случается с философами. Вот почему мы в наше время часто встречаем людей, которые, начав вдруг изучать спекулятивные науки, теряют религиозную веру, которой они до сих пор держались по привычке» [3, с. 679]. Религия, по мнению философов, продолжает Аверроэс, необходима, ибо она велит людям следовать дорогой мудрости, единой для всех.

Двойственное отношение к религии очень ярко проявилось у философов Нового времени. Известный английский философ Д.Юм в «Диалогах о естественной религии» подверг тщательному анализу всевозможные доводы разума о существовании Бога. Он оспорил космологические и онтологические доказательства бытия Бога, но, несмотря на это, полагал, что моральные аргументы сохраняют силу, хотя и они не бесспорны. Ссылаясь на исторический опыт, Юм говорит о дурном влиянии религии на нравственность и на гражданскую жизнь. Не принося людям ожидаемого счастья, она приводит ко лжи, лицемерию, моральному оскудению и кровавым преступлениям. Но вслед за этим заявляет, что необходимо сохранить религиозную мораль для народных масс, поскольку народ без религии немногим отличается от животных. Он пишет: «Нет таких явных богословских нелепостей, которые не были бы порой принимаемы людьми величайшего ума и развития. Нет таких строгих религиозных правил, которые не соблюдались бы зачастую самими

сластолюбивыми и самыми распутными людьми. *Невежество есть мать благочестия* – это наречие стало пословицей и подтверждается всеобщим опытом. [Но] отыщите народ, у которого совершенно нет религии; если вы вообще найдете таковой, будьте уверены, что он стоит лишь на несколько ступеней выше животных» [9, с. 442-443].

Такую же позицию занимает и Вольтер – один из выдающихся основателей французского Просвещения. Он резко критикует христианский клерикализм, утверждает, что религия порабощает человеческую личность, лишает человека его лучших качеств. Вольтер говорит, что христианство во славу «истинного» Бога убило миллионы людей (от 17 до 50 млн. человек по оценкам Вольтера) – это периодические истребления приверженцев «еретических» движений, опустошительные походы крестоносцев на Восток, кровопролитные войны между католиками и протестантами, уничтожение коренных жителей американского континента. Он пишет: «Очевидно, что христианская религия — это сеть, которой мошенники опутывали глупцов более семнадцати веков, и кинжал, которым фанатики убивали своих братьев более четырнадцати столетий» [2, с. 554].

Критикуя религию, Вольтер, в то же время, отвергает и атеизм как учение опасное для общественного порядка, основанное на частной собственности. Он заявляет, что вера в Бога является необходимой опорой морали. «Если бы Бога не было, то его следовало бы придумать»; нужно верить в Бога по моральным и социально-политическим соображениям. «Вера в бога, вознаграждающего за добрые дела и наказывающего за дурные, прощающего небольшие проступки, является самой полезной для человеческого рода. Это единственная узда для могущественных людей, которые нагло совершают преступления. Это единственная узда и для людей, которые ловко совершают тайные преступления» [2, с. 551]. Социальным низам, бедным и неимущим «узды» религии нужна для того, чтобы внушить им мысль о непозволительности посягательств на частную собственность состоятельных людей. Выступая за свободное развитие науки, искусства, литературы, философии, Вольтер, в то же время, возражал против просвещения широких слоев народа, считая, что «все потеряно, когда чернь пустится рассуждать».

Религия дает возможность оформлять конкретные классовые интересы в виде общечеловеческих, универсальных ценностей. Она призывает: «Будьте покорны власти, ибо всякая власть от бога». Поэтому политическая власть всегда стремилась использовать религию в своих интересах, применяя обман и дезинформацию, содержащихся в различные религиозные учения. Иудаизм, христианство и ислам по-прежнему распространяют учения о творении мира из ничего, о воскрешении из мертвых, о существовании в загробной жизни рая и ада и о многих других чудесах. С точки зрения теологии, чудо – это аргумент о существовании сверхъестественных сил. Но чудо – это по определению то, что не находит подтверждения, противоречит научным данным. Сегодня верить в чудеса – значит отрицать современную науку. К тому же вера в чудо, например, обман и дезинформация о существовании рая в загробной жизни приводит порой к чудовищным преступлениям. Это особенно характерно для ислама. В

Коране рисуется следующий образ рая, который обещан богобоязненным: «В нем текут реки из воды, которая не застаивается, реки из молока, вкус которого не изменяется, реки из вина, дающие наслаждение пьющим, и реки из очищенного меда» [6, с. 551]. Верующие в Аллаха «будут, прислонившись, возлежать на ложах, выстроенных в ряд, и Мы сочетаем их с черноокими, большеглазыми гуриями... Мы наделим их фруктами и мясом таким, какое они пожелают» [6, с. 570].

Религиозная дезинформация может привести к сильной зависимости, наподобие той, которую вызывают наркотики, алкоголь, табак, игра в рулетку и карты. Этим умело пользуются политики, развязывая в своих интересах бесконечные религиозные войны. Чудовищный вред религиозной дезинформации особенно наглядно проявился в США 11 сентября 2001 г., когда религиозные фанатики ценой своей жизни разрушили несколько зданий, в которых находились тысячи людей. «Почему эти самоубийцы легко пошли на такой террористический акт? Да потому, что они в течение всей своей жизни подвергались мощной религиозной дезинформации о существовании загробного мира и, в частности рая, в который, по уверению своих религиозных учителей, они сразу же попадут после своей гибели» [4, с. 49].

Список использованной литературы:

1. Антология мировой философии. В 4-х т. Т.1. М., 1976.
2. Антология мировой философии. В 4-х т. Т.2. М., 1970.
3. Аверроэс (Ибн Рушд). Опровержение опровержения. Киев, 1999.
4. Богословский М.М. О пагубности дезинформации, распространяемой религиозными организациями // В защиту разума. Против агрессии шарлатанства и паранормальных верований в российской культуре XXI века / Материалы международного симпозиума «Наука, антинаука и паранормальные верования». М., 2003.
5. Дубровский Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М., 1994.
6. Коран. Перевод смыслов: Э.Р.Кулиев. Издательский дом «УММА», 2007.
7. Прохоров М.М. «Религиозный поворот» на постсоветском пространстве // Философия и космология. Полтава, 2010.
8. Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х т. Т.1. М., 1976.
9. Юм Д. Сочинения в двух томах. Т.2. М., 1966.

ЕРМОЛОВИЧ Д.В.

Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь

**ЭВОЛЮЦИЯ КРИТЕРИАЛЬНОСТИ ИСТИНЫ
РАСТОЛКОВАННАЯ ЧЕРЕЗ МНОЖЕСТВО ОПРЕДЕЛЕНИЙ
ИНТЕЛЛЕКТА**

В поиске единства определений интеллекта одной из существенных характеристик категоризации, открывается путь к категоризации и для понятия «интеллект». Вскрытие внутренней динамики и противоречивой природы интеллекта и способов его определения с позиции критического рассмотрения уже существующих подходов на основании принципа парадигмально-концептуального единства множества определений интеллекта, позволяет установить связь категориальности и истинности, интеллектуальности и критериальности. Поэтому можно решить (решать) обратную задачу: на примере эволюции определений интеллекта растолковать (растолковывать) эволюцию критериальности истины, тем самым вскрывая «тайную» природу последней.

Категория, будучи сущностным атрибутом мышления действительности, тесно сопряжена с проблемой истинности, соотносимости мышления и действительности. В классическом (аристотелевском) определении истины – это указывается буквально, так у Ф. Аквинского (из «Суммы теологии»), «работающего» с понятием «интеллект» это выглядит следующим образом: истина есть *conformitas seu adaequatio intentionalis intellectus cum re* (интенциональное согласие интеллекта с реальной вещью или соответствие ей).

Формально возможны только три предельные формы отношений мышления и действительности: тождественности, той или иной соотносимости и дуалистической их автономности. Соотносимость в свою очередь попадает в зависимость от толкования миропорядка: идеалистического – первичность мышления, материалистического – первичность самой действительности. Автономность же и мышления от действительности, и действительности от мышления неизбежно ведет к агностицизму, т.е. снимает вопрос о критериальности познавательной деятельности.

Возможная классификация истинностных критериев сводится, поэтому к трем основным классам: логической непротиворечивости, наличного опыта – в позициях соотносимости; спекулятивной абсолютизации (сверхестественного откровения) – в позиции тождественности. Внутри выделенных классов и «межклассовом пространстве» в результате детализации действительности и по мере «расшифровывания» содержания процесса мышления можно обнаружить частные (ограниченные) виды (подвиды – в перспективе) критериальных предпосылок движения к истине.

Одно из направлений такого движения (в первую очередь детализации действительности) предлагает марксизм. Маркс (по Лукачу) полагает, что «категории суть формы бытия определения существования» [2, с. 176] – цель не в определении существования, а в определении сущности и если «вещь в себе» не постигается (по Канту) онтологически, то гносеологически «может быть» замещена категорией – символом, знаком, особым предельным понятием, и если движение понятий суть субъективной диалектики, то движение категорий само по себе бессмысленно и требует, как полагали Кант (от Вольфа) и Гегель построения системы категорий, где каждая категория как бы удерживает другую категорию от «произвольности», от всякого движения. Как я понимаю, именно это и есть идеализм – абсолютно-субъективный (абсолютного

субъекта), а категориальная сетка (Гегель) предшествует пониманию действительности изначально, отображает объективные условия жизни субъекта понимания (историческую эпоху, социокультурные связи, экономические отношения и т. п.). Для мышления же человеческого нет другого способа постижения действительности, как только практического, деятельностного и от абстрактного (пустого) к конкретному (полному) пониманию сущности бытия. Систематизация поэтому не смысл, не цель познания, а всего лишь вспомогательное средство, метод познания, поэтому если понятия движутся в процессе познания к своим противоположностям, то категории движутся либо к самим себе, либо к другим категориям. Первые тотальны по объему, но пусты по содержанию (например, бытие), вторые всегда фиксируют скачок, требующий перестройки существующей системы категорий (например, информация). Система категорий как таковая принципиально невозможна, т. е. приходится соглашаться с Марксом и в практике искать и находить критериальность истины.

Второй путь к расширению критериального поля истины – программа по изучению природы мышления и, в частности, интеллекта. Современный научный язык изобилует определениями интеллекта. Отсутствие единого понимания интеллекта является мощным дезориентирующим фактором. Ситуация усложняется отсутствием общей теории интеллекта, которая послужила бы прочным фундаментом проводимых исследований (естественного и искусственного интеллекта). Остаются невыясненными природа происхождения, структура и сущность самого интеллекта. Междисциплинарные исследования и моделирование интеллекта требуют прочных философских оснований.

Предложим к рассмотрению некоторые результаты: удалось выделить пять относительно самостоятельных парадигмальных (парадигмы: метафизическая, естественнонаучная, диалектическая, когнитивистская и конструктивистская) и одиннадцать, в той или иной мере с ними сопряженных, концептуальных (концепции: аналитическая, перцептуальная, аналитико-синтетическая, рефлексивная, деятельностная, развития, социальная, интегральная, интерсубъективная, тестологическая, интенциональная) подходов в определении сущности интеллекта. Поиск единства множества определений показывает не только трудности определяемости естественных, но и конструируемости искусственных интеллектуальных характеристик мышления. При этом выявляются слабые места в решении такого рода задач, что требует активизации (конкретизации) поисковых усилий в стремлении сохранить социальный контроль над процессом создания (использования) искусственного интеллекта (развернутый материал по этой проблематике готовится к изданию).

Однако в данном тексте ограничимся только результатами эволюционных изменений в понимании интеллекта и связанным с ними расширением перечня критериев истинности, утверждающих благодаря наличию интеллекта, в первую очередь и на современном этапе, соотносительную критериальность: 1)

интеллект «первопричинный» (онтологический, сущностный, космический, Нус, Ум...); 2) интеллект этический (онтологический, «диалогический», социальный, надличностный, Разум...); 3) интеллект абсолютный (онтологический, свехчеловеческий, божественный, Разум...); 4) интеллект интуитивный (гносеологический, врожденная или априорная способность (Декарт, Кант)...); 5) интеллект рациональный (методологический, «измеряемый», эвристика как метод...); 6) интеллект «естественный» (технологический, конструируемый, «интеллектуальное» развитие (Штерн, Пиаже, Гальперин)...); 7) интеллект «искусственный» (технологический, конструируемый, «интеллектуальное» развитие (Тьюринг, Лавлейс, Винер)...).

Онтологические трактовки интеллекта Античности и Средневековья (1-3) сводят критериальность к тождественности мышления и действительности: от синкретической тождественности (синкретического симбиоза) древних до абсолютной тождественности (абсолютного синтеза) у Гегеля. Разнообразие критериальных трактовок: от данности (прометевский огонь, божественное откровение) до различных форм ценностных императивов, идеализаций, спекуляций, случайных совпадений (с Благом, Единым, Абсолютом и т. п.), причем этический интеллект предоставляет свободу выбора и персональную ответственность за него (согласовываемая индукция Сократа), а то и возможность эпизодически избегать персональную ответственность (согласовываемая индукция утилитаризма, конвенциональности масс и др.).

Гносеологическая трактовка интеллекта (4), исторически обремененная ответственностью, находится в поиске «общественного договора» и окончательно выбирает приоритет согласительного принципа критериальности (когерентность, прагматичность эффективности личностных установок, интересубъективная конвенциональность элит и т. п.). Причем, само интуитивное познание есть снятый в бессознательном социальный(ое) опыт (знание).

Методологическая трактовка интеллекта (5) уже предполагает наличие, как метода получения истины, так и должной познавательной активности, т. е. способности этим методом воспользоваться («интеллектуальный» – это умный, умелый, как и *Homo sapiens* – Человек умелый; что человек неразумный – знал уже Кант). Причем, обнаруживаемые при проявлении познавательной активности противоречия можно мыслить (Гегель): исторически и практически для Абсолюта, логически (исторически) и эмпирически (практически) для Человека, хотя активный (творческий) труд – по Марксу – это «дьявольски серьезное напряжение», которое никогда не превратится в игру [1].

Технологическая трактовка интеллекта преследует все тот же согласительный принцип, ибо две последних формы (6 и 7), будучи формально неразличимыми, создают симбиоз или синтез (разрешить этот вопрос в пользу одного или другого должно человечество самостоятельно, причем не важно будет ли искусственный интеллект имитировать естественный или его эволюция пойдет другим путем) ...

Список использованной литературы:

1. Ермолович Д. В. История материалистической диалектики (в конспективном изложении): метод. пособие. Минск, 2012. 59 с.

2. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991. 417 с.

ЗЕЛЕНКО С.В.

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СИМУЛЯКРЫ В МЕДИАТЕКСТАХ: РЕДАКТОРСКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Сегодня профессиональная деятельность журналистов во многом опосредована совокупностью экстра- и интралингвистических факторов. К первым относят, например, оперативность сбора информации, высокую скорость создания и распространения медиатекста. Одним из основных интралингвистических факторов, влияющих на рецепцию аудиторией конечного продукта, произведенного журналистом, является интертекстуальность. Понятие интертекстуальности, введенное в научный оборот Ю. Кристевой [4, с. 136], предполагает, что «любой (каждый) текст (дискурс) в самой широкой интерпретации понятия (как семиотическая, знаковая система) подвержен перманентному и всеобщему влиянию как со стороны внешних, внеязыковых (экстралингвистических) факторов, так и со стороны факторов внутриязыковых (интралингвистических)» [3, с. 79-80].

Использование журналистами цитат, аллюзий и реминисценций призвано расширить информационные возможности публицистического текста за счет привлечения контекстуальной и ассоциативной составляющих претекста (текста-первоисточника), в качестве которого могут выступать названия и сами произведения художественной литературы (или их фрагменты), изобразительного искусства, кино, театра, архитектуры, исторические факты, имена прецедентных лиц. Однако при некорректном с точки зрения теории и практики редактирования медиатекстов включении «чужого» текста в структуру авторского наблюдается перерождение интертекста в симулякр – «копию, для которой оригинал никогда не существовал» [7, с. 49]. Это значит, что интертекст в журналистском тексте становится всего лишь структурной единицей (строительным материалом), но не выполняет смыслообразующей функции, вследствие чего включение «чужого» текста в авторский становится неоправданным.

Интертекстуальные симулякры характеризуются отсутствием связей (логических, семантических, историко-культурных) как с контекстом принимающего их медиатекста, так и с текстом-первоисточником (претекстом). Подобную ситуацию, порождаемую в медиадискурсе непрофессиональным (механическим) многократным клишированием одних и тех же интертекстуальных единиц, можно описать словами Ж. Бодрийяра: «Нет больше

зеркальности между бытием и его отображением, между реальным и его концептом. Нет больше воображаемой соразмерности: измерением симуляции становится генетическая миниатюризация. Реальное производится на основе миниатюрнейших ячеек матриц и запоминающих устройств, моделей управления и может быть воспроизведено неограниченное количество раз. Оно не обязано более быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется с некоей, идеальной или негативной, инстанцией. Оно только операционально. Фактически это уже больше и не реальное, поскольку его больше не обволакивает никакое воображаемое. Это гиперреальное, синтетический продукт излучения комбинаторных моделей в безвоздушном гиперпространстве» [1, с. 7-8]. Иными словами, интертекст-симулякр не расширяет информационные возможности медиатекста, а становится его структурной единицей с нулевой семантической нагрузкой.

Интертекстуальными симулякрами, например, являются заголовочные комплексы газет и журналов, в которых бесчисленное количество раз трансформируются названия произведений художественной литературы («О пикниках на обочине»; «Пикник за обочиной»; «Пикник на погосте»; «Пикник на траве»; «Пикник у обочины») и кино («Список Гарднера»; «Список Онищенко»; «Список рейдера»; «Список Сиротина»; «Список генерала фон Эрманнсдорфа»), фразеологизмы («Тише едешь – дальше будет»; «Тише едешь – краше будешь»; «Тише едешь – меньше платишь»; «Тише едешь – тогда успеешь»; «Тише едешь – целее будешь»; «Тише едь – дальше будь») и афоризмы («Гражданин – это звучит гордо!»; «Дворник – должно звучать гордо!»; «Союз спортсменов – это звучит гордо!»; «Энциклопедия – это звучит гордо!»; «Суворовец – это звучит гордо!»; «Красота – это звучит больно») и т.д. Подобные клишированные заголовки, как правило, уже не способны стимулировать интерес читателя к медиатексту из-за своей многократной повторяемости, механическая трансформация претекста также не акцентирует на себе внимания. При этом результаты редакторско-концептуального анализа показывают, что значительное количество интертекстуальных штампов в заголовочных комплексах газет и журналов не коррелирует с принимающим контекстом ни семантически, ни логически. В данном случае имеет место абстрактность истины, которая «берется вне контекста связанных с нею истин и вне реальной среды ее применения» [5]. Однако для медиадискурса конкретность (однозначность, определенность, точность) как в изложении, так и в восприятии информации является основополагающим принципом.

Профессор М. Тикоцкий отмечает: «В теории средств массовой информации выделяется принцип публичности, сущность которого в том, что содержание, которое передается в ходе массовой коммуникации, должно быть доступным всем членам общества без каких-либо ограничений. Этот принцип во многом определяет характер отбора языковых средств. Исключаются крайности – все, что может осложнить, затруднить понимание текста» [6, с. 267]. Интертекстуальные единицы представляют собой текстовую аномалию, которая способна спровоцировать коммуникационный сбой в дихотомии автор (журналист) – аудитория (читатель), поэтому необходима методика,

позволяющая оценивать целесообразность включения интертекста в структуру авторского. Редакторско-концептуальный анализ интертекстуальных единиц в медиатексте [2, с. 118-121] позволяет выявить цель использования «чужого» текста, определить функции интертекста, оценить взаимодействие авторского и принимающего контекстов, установить степень совпадения интертекстуальных картин мира транслятора и рецептора информации, на основании чего делается обоснованный вывод о корректности использования цитат, аллюзий и реминисценций. Данная процедура позволяет сотрудникам средств массовой информации (журналистам, редакторам) предотвратить профанацию и искажение смысла сообщения, избежать включения в медиатексты интертекстуальных симулякров, сделать журналистские тексты однозначными и понятными массовому читателю.

Список использованной литературы:

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Москва, 2015. 240 с.
2. Зелянко С.В. Інтэртэкстуальны эфект журналісцкай дзейнасці // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2007. № 1. С. 117-122.
3. Зелянко С.В. Экстра- і інтралінгвістычныя перадумовы ўзнікнення тэорыі інтэртэкстуальнасці і дзеянне яе ў сродках масавай інфармацыі // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2008. № 2. С. 79-82.
4. Кристева Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. Москва, 2004. 656 с.
5. Прохоров М.М. Истина и действительность // Философская мысль. 2013. № 6. С. 293-387. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.6.333 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_333.html.
6. Цікоцкі М. Я. Стылістыка беларускай мовы. Мінск, 1995. 294 с.
7. Jameson, Fredric Postmodernism, or, The cultural logic of late capitalism. Durham, 1991. 470 p.

ЗЕЛЕНКО С.В.

Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

ИМИТАЦИЯ ФАКТА В ДИСКУРСЕ СМИ И ФАКТ-ЧЭКИНГ МЕДИАТЕКСТА

В качестве факта в медиадискурсе может выступать любой элемент внетекстовой реальности (имя, название, дата, описание события, определенное количество предметов, понятие и т.д.), включаемый журналистом в публикуемый материал. Одной из основных задач как для самого автора-журналиста, так и для редакции средства массовой информации, с которой он сотрудничает, является трансляция исключительно корректных с точки зрения

фактологии сведений и данных. Так, К.М. Накорякова отмечает: «На стадии редакционной подготовки редактор уделяет особое внимание связям между приведенными фактами, проясняет для читателя степень их объективности, помогает автору сформулировать оценку фактов, сокращает несущественные подробности» [2, с. 115].

Под факт-чекингом (от англ. *fact checking* – проверка факта) в теории массовой коммуникации понимается совокупность редакторских приемов верификации (проверки) фактической информации, включенной автором в текст. Ложь, вымысел, фантазии автора, неподтвержденные гипотезы и намеренная дезинформация аудитории не допустимы в журналистской практике, поскольку противоречат элементарным нормам профессиональной этики. В редакционной практике традиционно выделяются три приема факт-чекинга. Во-первых, **внутритекстовая проверка факта**, когда фактическая информация (согласно логическому закону тождества) сравнивается в рамках одного текста. Этот прием помогает редактору верифицировать, например, даты, имена, инициалы, числовые данные, а также выявить и исправить определенные несоответствия. Во-вторых, **сравнение с авторитетным источником информации**, в качестве которого обычно выступают словари, энциклопедии, различные пособия, научные монографии, отраслевая литература и другие издания, которым доверяет редактор. Процедура позволяет проверить правильность статистических данных, проконтролировать корректность употребления узкоспециальных терминов и понятий, выявить несоответствия в рамках научного знания и т.д. В-третьих, **официальное подтверждение**, когда редакция средства массовой информации за подтверждением (или опровержением) факта, к которому идет апелляция в медиатексте, обращается с официальным запросом в отраслевое учреждение, административное ведомство, научную организацию или другую институцию, обладающую соответствующим статусом.

Перечисленные приемы, как правило, помогают редактору либо другому специалисту, осуществляющему процедуру факт-чекинга, найти в авторском тексте фактические неточности, квалифицировать и исправить их. Однако при намеренной или непредумышленной имитации факта журналистом в транслируемом им сообщении традиционные приемы проверки на корректность фактической информации становятся нерелевантными, поскольку не позволяют устранить найденные ошибки, которые представляют собой деконструкцию элементов внетекстовой реальности в авторском тексте.

К таким примерам имитации фактической информации в дискурсе СМИ можно отнести апелляцию журналистов к анонимным авторитетам, когда цитируемое прецедентное высказывание не сопровождается указанием на имя прецедентного автора. К подобным речевым формулам, которые сопутствуют имитации научных фактов в газетном тексте, например, относятся конструкции с концептуальной лексемой *ученый*: «Американские ученые из университета Огайо утверждают...», «Ученые утверждают, что...», «Как утверждают ученые...», «Но как утверждают ученые Ассоциации диетологов Австралии...», «Ученые из Гарварда проанализировали истории болезней более чем 120 тысяч американцев на предмет потребления кофе и пришли к выводу...», «Ведь, как

утверждают ученые...», «... утверждают ученые», «Международная группа ученых из США и Китая пришла к выводу, что ...», «Как утверждают некоторые специалисты по психологии ранней юности...», «Группа ученых из разных стран начинает...». Факты, которые сопровождаются подобными речевыми оборотами, не поддаются полноценной верификации, поскольку у редактора нет достаточной исходной информации для их проверки и адекватной авторскому замыслу коррекции.

Анонимная апелляция к авторитетам в медиатекстах сопровождается и вербальными конструкциями, которые содержат неавторизованные указания на классиков художественной литературы, общественных и политических деятелей, мыслителей: «Как говорил классик французской литературы прошлого века...», «Как говорил классик марксизма-ленинизма...», «Как говорил классик...», «Правильно говорил классик...», «Как сказал классик...», «Следуя завету известного классика, который утверждал...», «Как писал классик...», «Как говаривал классик...», «Как говорил один мой знакомый российский литературовед...», «Как говорил великий мыслитель...». Процедура факт-чекинга при подобном способе подтверждения автором-журналистом своих мыслей также затруднена.

Даже при цитировании прецедентных высказываний, которые известны широкому кругу представителей определенного лингвокультурного сообщества, журналисту можно рекомендовать ссылаться на прецедентных авторов с упоминанием их имен. Во-первых, для констатации факта их знания, чтобы у читателя не сложилось впечатление о фактологической некомпетентности журналиста, что может спровоцировать коммуникативный сбой процесса восприятия информации аудиторией, а также стать причиной недоверия как к автору медиатекста, так и к редакции определенного СМИ, поскольку «журналист как непосредственный создатель и интерпретатор медиасообщения (которое можно рассматривать как современное литературное произведение) должен информировать и консолидировать социум, конструировать и репрезентировать общественное мнение, воспроизводить его в собственных публицистических произведениях, которые можно назвать отражением окружающей его действительности» [1, с. 109]. Во-вторых, чтобы предупредить гипотетическую возможность отсутствия определенной интертекстуальной единицы в индивидуальном тезаурусе читателя, поскольку, как утверждает профессор М.М. Прохоров: «Отныне не характер и структура познаваемой реальности (субстанции), а специфика деятельности познающего субъекта выступает как главный фактор, определяющий способ познания и самый его предмет» [3].

Таким образом, имитацию факта в медиадискурсе, безусловно, следует интерпретировать как явление негативное как с точки зрения философии, так и теории и практики редактирования текстов средств массовой информации. При этом, как показывает редакторский анализ, применение традиционных приемов факт-чекинга не всегда может обеспечить корректность медиатекстов в плане фактологии при имитации (намеренной или непредумышленной) авторами-

журналистами элементов внетекстовой реальности в своих текстах.

Список использованной литературы:

1. Зелянко С.В. Журналісцкі тэкст у сітуацыі постмадэрна // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2007. № 2. С. 107-112.
2. Накорякова К.М. Справочник по литературному редактированию для работников средств массовой информации. Москва, 2010. 200 с.
3. Прохоров М.М. Истина и действительность // Философская мысль. 2013. № 6. С. 293-387. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.6.333 URL: https://e-notabene.ru/fr/article_333.html.

ЗЕЛЕНОВ Л.А

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ВЕРИФИКАЦИЯ ИСТИНЫ В ПОЛЕ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

В тезисах А.А. Владимирова материалов данной конференции отмечается, что философское мировоззрение включает в себя критерии истинности всех иных типов мировоззрения, особенно научного мировоззрения, основанного на *практике*.

Эта особенность обладает рядом важных значений для исследования проблем общей теории мировоззрения.

Во-первых, обретает содержательный смысл знаменитый «11-ый тезис» К. Маркса о практической ориентации философских учений, преодолевающей их спекулятивную созерцательность.

Во-вторых, для всех типов мировоззрения оказывается недостаточной трактовка их как «духовных форм освоения мира», а требуется их понимание как типов *мироосвоения* в единстве духовных и практических форм освоения [1].

В-третьих, становится понятным двойкий результат освоения человеком бесконечного универсума в виде «духовно освоенного *мира*» и «практически освоенной *среды*».

В-четвертых, обретает содержательное значение философское осмысление «практики» как практической деятельности во всем многообразии ее типов и видов [2], так как «практическая деятельность» по В.И. Ленину («Философские тетради») является наряду с природой *второй формой объективной реальности*, на что первым обратил внимание в 1950-ых годах профессор – Ю.А. Жданов.

Если исторически проанализировать критерии и основания для проверки знаний на истинность, то можно в философии выловить многообразие их видов от аксиоматичности до общепризнанности (интерсубъективности). При этом

часто скрывается «объективность» истины как ее атрибутивный показатель.

Дело в том, что любая истина (относительная, абсолютная, конвенциональная, условная, вероятностная...), чтобы быть истиной должна быть объективной, не зависимой от сознания субъектов. Это подчеркивал В.И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» по отношению даже к «абсолютной истине», а точнее по отношению к «абсолютности» любой истины.

А эта «объективность» истины задается ее соответствием *объекту* объективной реальности познаваемого явления, что и доказывается *практикой* как универсальным критерием истинности.

Тем не менее, в философии существуют и рассматриваются и другие критерии истинности, которые считаются достаточными в других типах мировоззрения.

Аксиоматичность как традиционно утверждаемая константность каких-то знаний типична для народного мировоззрения, обыденного, этнического сознания, которое опирается на историческую эмпирическую «практику» как *опыт*. В.И. Ленин и подчеркивал это в аксиомах как «миллиарды раз повторенной практике». Как известно, Зенон высмеял в своей апории «летающая стрела покоится» это обыденное основание, а А.С Пушкин в стихотворении «Движение» образно поддержал Зенона, в то же время, опровергая его ссылкой на научные доказательства «упрямого Галилея». Здесь перед нами прекрасный пример соотношения позиций народного, философского, научного и художественного типов мировоззрения.

Интерсубъективность (общепризнанность) тех или иных знаний как истинных утверждается как критерий философами позитивистского толка, хотя это противоречит принципу «один идет в ногу, а все не в ногу». Практика решающим образом и здесь утверждает себя как критерий истинности. «Земля вращается вокруг Солнца» – утверждал *один* Коперник; «атом не является мельчайшей из известных нам частиц» – утверждал *один* Энгельс в 1878 г.; «электрон также неисчерпаем, как и атом» – утверждал *один* В.И. Ленин в 1908 г.

Полезность (утилитарность) знаний делает их истинными, утверждают философы прагматизма, при этом полезность в бизнесменском духе трактуется в субъективно-эгоистическом плане. Здесь даже «практика» предстает как утилитарный «бизнес» в духе И. Бенгама, а не как объективная всемирно-историческая деятельность человечества, хотя знаменательна ссылка прагматизма на «практику».

Логическая непротиворечивость мышления постулируется неопозитивистами как критерий истинности спекулятивных рассуждений. Соблюдение правил формальной логики даже при сомнительной истинности исходных суждений считается достаточным для признания знаний истинными. Эти положения неопозитивистами даже положены в основание гипотетико-дедуктивного метода в научных исследованиях, хотя этот метод предполагает обращение к практической, экспериментальной проверке полученных выводов,

что представлено в функции «критериального эксперимента» наряду с «исследовательским экспериментом», отправляющимся от проблемы, а не гипотезы [3].

Агностицизм в философии вообще отрицает возможность получения истинных знаний об объективной реальности.

Плюрализм постмодернистской философии в соответствии с эклектикой и субъективизмом полагает всякое знание истинным, призывая к толерантности [4].

Практика является универсальным и единственным критерием истины, утверждает философия диалектического материализма, опирающаяся на научное мировоззрение.

Список использованной литературы:

1. Зеленов Л.А., Владимиров А.А. Общая теория мировоззрения. Н.Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2017. 134 с.
2. Зеленов Л.А. Альтернативная пракеология. Н.Новгород: ОАЧ, 2017. 120 с.
3. Зеленов Л.А., Макарычев С.П. Экстраполяция и эксперимент // Вопросы философии. 1967. № 4.
4. Зеленов Л., Владимиров А.А. Толерантность – проклятие рабов. Н.Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2018. 77 с.

ЗЕЛЕНОВ Л.А.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ВЛАДИМИРОВ А.А.

Волжский государственный университет водного транспорта, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ (НАВСТРЕЧУ ФИЛОСОФСКОЙ ШКОЛЕ)

Авторы более 40 лет знакомы с глубокими и содержательными философскими исследованиями проблем теории мировоззрения профессором М.М. Прохоровым. По существу он является единственным философом в СССР и России, который с системных позиций изучает кардинальную проблематику мировоззрения, с каждым годом выявляя ее многогранность гносеологического, аксиологического, онтологического, методологического и праксеологического характера.

Данные последовательные исследования профессора М.М. Прохорова объединяют многих философов Нижнего Новгорода и других городов страны. Об этом говорят многочисленные монографии, изданные за 30 лет под редакцией М.М. Прохорова.

Все это определяет основательность нашего заключения о формировании *философской школы под руководством* М.М. Прохорова по проблеме «Общая

теория мировоззрения» с центром в Нижнем Новгороде.

Эта основательность опирается на высокий и глубокий уровень философской культуры М.М. Прохорова, заложенной в нем философским факультетом Ленинградского госуниверситета, который он закончил. Именно такой философской культуры не хватает нашим современным философам, склонным к постмодернистской эклектике и эмпирическим дискурсам.

Высоко оценивая исследования М.М. Прохорова проблем теории мировоззрения, мы можем предложить примерную проблематику дальнейших исследований конференций и намерены участвовать в этой деятельности по становлению и развитию философской школы в данном направлении.

1. *Мировоззрение и мироосвоение* [1].

Данную проблему можно исследовать с учетом не только гносеологического (познание), но и широкого философского (в духе Т. Павлова) понимания *отражения* (освоения) с выделением в духовном освоении мира гносеологический и аксиологический аспекты, а в практическом освоении мира методологический и праксеологический аспекты.

2. *Мироотчуждение и мироосвоение* (мировоззрение).

Эта проблема закономерно существует в связи с проблемами искаженного, фетишистского, неадекватного отражения мира человеком, рождающего ошибки, заблуждения, симулякры, ложные учения и ошибочные действия. Современный постмодернизм является всего лишь одним примером «мироотчуждения».

3. *Типология мировоззрения.*

Эта проблема даже не поставлена в литературе, хотя она сразу же *требует* ответа на вопрос о *сущности* мировоззрения. Исследования этой проблемы в работах А.Ф. Лосева, В.С. Степина, А.А. Владимирова, Л.А. Зеленова с выяснением *специфики* каждого типа мировоззрения.

4. *Диалог типов мировоззрения* [2].

Проблема организационно и теоретически поставлена нижегородским профессором Б.П. Шулындиным в 90-ых годах. Она *негласно* продолжает существовать в обществе. Пора ее *заявить* и исследовать.

5. *Мировоззрение и идеология* [4].

Понятие «идеологии» как и «мировоззрения» продолжают «болтаться» в категориальном поле общественного сознания. Идеология основательно исследовалась В.А. Ядовым в 50-ых годах. Сегодня все ждут решения вопроса об идеологии и ее месте в современной России (Патриарх Кирилл, Н.С. Михалков, депутаты...).

6. *Структура типов мировоззрения* [3].

Мало отделяться банальными словами о «совокупности взглядов». Сами взгляды многообразны: понятия, представления, мнения, учения, концепции, суждения, теории... К тому же мировоззрение как *мироосвоение* требует анализа практических компонентов: действия, поступки, способы, методы, деятельности и т.д. Возможно включение в анализ гносеологии, аксиологии, методологии, праксеологии, онтологии.

7. Модификации мировоззрения.

Мировоззрение личности, класса, партии, общества может обладать разными качествами-состояниями: целостное, разорванное, эклектическое, последовательное, противоречивое и т.д. В работах Кьеркегора, Маркса, Сартра, Маркузе, Ницше и других эта проблема рассматривалась. Сегодня она важна для понимания социума.

Список использованной литературы:

1. Зеленов Л.А., Владимиров А.А. Общая теория мировоззрения. Н.Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2017. 134 с.
2. Зеленов Л.А., Владимиров А.А. Система диалогов типов мировоззрения. Н.Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2014. 158 с.
3. Зеленов Л.А., Владимиров А.А. Методологический потенциал философии. Н.Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2016. 268 с.
4. Зеленов Л.А., Балакшин А.С., Владимиров А.А., М.В. Бронский. Альтернативная философия. Н.Новгород: ВГУВТ, ОАЧ, 2016. 188 с.

ЗЕЛЕНЦОВА М.Г.

Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Российская Федерация

ИСТИНА В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТЕЙ

Понятие истины противоречиво: она объективна, отражая существующий независимо от нее предмет познания, но она и субъективна, ибо дается в форме знания, субъективных представлений, содержанием которых является. В культуре постмодерна этот, второй, аспект истины абсолютизируется.

Гносеологический релятивизм сопровождается усилением и широким распространением этического релятивизма. Это не удивительно, поскольку истина всегда стояла в ряду высших человеческих ценностей и была (и остается) тесно связанной с добром и красотой. Как справедливо отмечает Е.Л. Черткова, «наука без истины – все равно, что нравственность без совести. Оба понятия указывают на такие категории человеческой деятельности, как долг, ответственность и свобода. Поэтому познавательный акт, осознанно ориентируемый на поиск истины, является одновременно этическим» [6, с. 109]. Если идея объективного знания теряет свой смысл в культуре, то в общественном сознании практически не остается универсальных, действительно признанных всеми ценностей.

Неопределенность господствует не только на уровне обыденного, но и на уровне научного, теоретического мышления. В современной философии и эпистемологии все больше утверждается мысль об относительном характере истины, о плюрализме истин. Так, известные представители постпозитивизма явно демонстрируют склонность к релятивизму в трактовке научного знания: К. Поппер рассматривает в качестве цели науки не поиск истины, а эффективное решение интеллектуальных и практических задач; Т. Кун выдвигает тезис о

несоизмеримости научных парадигм; П. Фейерабенд обосновывает идею равноценности научного, религиозного, мифологического и других способов постижения мира. Социологи науки – Б. Латур, С. Вулгар и другие – отстаивают концепцию конструкционизма, в рамках которой развитие науки представляется как процесс произвольного конструирования предмета познания, каждый раз нового, и вместе с ним конструирование новой истины, субъективной по своему характеру и не связанной с прошлым знанием. Субъективность истины компенсируется коммуникацией ученых и принимаемыми конвенциями. Главное в науке – не истина, а *смысл*, порождаемый контекстом, который сам по себе знанием не является. Некоторые отечественные философы разделяют эту точку зрения [3].

Очевидно, что «логика смысла» (Ж. Делез) – это прагматическая логика. («Смысл» – это назначение чего-либо (средства) для какой-то цели). Если наука «рождается из контекста», а не из внутренней логики ее собственного развития, значит, научность сводится к предписываемой науке обществом полезности, что нивелирует значение самого знания как культурной ценности.

Прагматизм, возрожденный постмодернизмом в новой форме, полностью согласуется с идеологией современного капиталистического общества. Здесь главное не способности и знания, не моральные качества личности, а умение «подать» (продать) себя, пользоваться успехом, опережать других в конкурентной борьбе. Эта рыночная ориентация сказывается негативно во всех сферах культуры, влияя, в том числе, и на мышление. Как отмечает Э. Фромм, «рыночное» мышление берет на себя функцию быстро схватывать ситуацию, чтобы иметь возможность успешно ею манипулировать. При широком и эффективном образовании это ведет к высокому уровню сообразительности, но не разума. Для манипуляции необходимо знать лишь поверхностные свойства вещей. В результате истина, добываемая проникновением в сущность явления, становится вышедшим из употребления понятием, а мышление теряет плодотворность. Согласно Фромму, плодотворное мышление характеризуется единством объективности и субъективности. Объективность требует не только видеть объект таким, каков он есть, но и видеть себя, т.е. осознавать, каким образом ты, как изучающий, связан с объектом своего изучения. Кроме того, объективность означает не отстраненность, не отсутствие заинтересованности, а уважение, т.е. способность не искажать и не фальсифицировать вещи, людей, себя [4]. Таким образом, плодотворное мышление в своей основе нравственно, а «рыночное», прагматически ориентированное мышление, напротив, релятивирует ценности.

Этико-философская мысль в современную эпоху тотального плюрализма и релятивизма вслед за эпистемологией отказывается от идеи нормативности. Весьма показательным в этом отношении является доклад академика А.А. Гусейновна на 23 Всемирном философском конгрессе. Современная философия, - отмечает автор, - «фактически сняла с себя обязанность указывать путь этически достойного существования», она «релятивирует» понятие моральной нормы [1, с. 15]. При этом автор ссылается на философские системы

Л. Витгенштейна, Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Не выработав до сих пор общепринятое определение морали, «философская этика не может выступать от имени истины, и люди не могут уже рассчитывать на то, чтобы получить от нее рационально обоснованный... ответ на вопрос «Что я должен делать?» [там же]. Но в таком случае сам индивид должен решать, что правильно, а что неправильно, а это весьма опасно, причем, не только для личности, теряющей всякую способность к ориентации в мире социальных отношений, но и для общества в целом.

На наш взгляд, и в сфере этики, и в сфере эпистемологии можно и необходимо признавать существование объективной истины. Дискуссия о применимости понятий истинности и ложности к морали вызвана тем обстоятельством, что для моральной формы сознания, в отличие от научной формы, характерной является регулятивная, а не познавательная функция. Основной целью морали, бесспорно, не является познание действительности. Этим она существенно отличается от науки. Но мораль не может не содержать в себе познавательного момента. Ведь ее нормы лишь в том случае могут быть сколько-нибудь эффективными, если они соответствуют условиям жизни людей, а также их нуждам и стремлениям.

Поскольку мораль содержит в себе познавательный момент, в применении к ней понятие истины имеет смысл. Но в прямом значении, по-видимому, понятие истины приложимо лишь к моральному суждению [2]. В целом мораль следует рассматривать как правильное или неправильное отражение действительности, не квалифицируя это отражение как истинное или ложное. Дело в том, что не всякое отражение, соответствующее действительности, можно называть истинным. Понятие истины применяется к деятельности, имеющей своей целью познание объекта в понятиях, суждениях, умозаключениях, теориях. К искусству, которое отражает действительность в художественных образах, применяется понятие художественной правды. К морали, отражающей действительность в нормах, суждениях долженствования, видимо, следует применять понятие морально-правильного. Эти понятия не тождественны, но в то же время имеют общую природу, ибо все они включают в себя момент соответствия отражения отражаемому.

Например, требование гигиены «Мойте руки перед едой» основано на знании об опасности пищевых инфекций для человека («Пищевые инфекции опасны для человека»), а моральное требование «Человек должен быть честным» основано на знании о честности как важном моральном качестве личности («Быть честным морально»). Из приведенных примеров видно, что правильное и истинное (в частности, морально-правильное и морально-истинное), тесно связаны. Правильность нормы оказывается выражением истинности оценки поведения.

Отказ теоретического мышления от понятий истины и правды, от нормативности приводит к деградации личности и общества в целом. В обществе неизбежно возникают неразрешимые противоречия, взаимная вражда, единство социума оказывается невозможным, господствует анархия и «социальный дарвинизм». Личность при таких условиях оказывается в

ситуации духовного кризиса. В. Хёсле, анализируя различные по глубине уровни такого кризиса, отмечает, что самый глубокий и отчаянный из них является результатом убеждения в том, что не существует никаких моральных норм. «В этом случае кризис безысходен, - пишет автор, - потому что из него почти невозможно выкарабкаться: ведь человек не будет рассматривать свое состояние сознания как кризис, поскольку понятие «кризис» имеет нормативные коннотации, которые он отвергает; он не признается в ошибке, поскольку освободился от мысли об объективном различии между ошибкой и истиной» [5, с. 119].

Список использованной литературы:

1. Гусейнов А.А. Философия как этический проект. Тезисы доклада // Вестник РФО. 2013. № 3. С. 11-16.
2. Зеленцова М.Г. К проблеме истинности моральных суждений // Вестник РФО. 2011. № 1. С. 101-107.
3. Маркова Л.А. Истина утрачивает свои доминирующие позиции в логике // Философия науки. Вып. 15. М.: ИФ РАН, 2010. С. 46-57.
4. Фромм Э. Человек для самого себя // Психоанализ и этика. М., 1993.
5. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112-123.
6. Черткова Е.Л. Знание в мире ценностей // Эпистемология вчера и сегодня. М.: ИФ РАН, 2010.

КОЖЕВНИКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

профессор, доктор философских наук, Северо-Восточный федеральный университет, профессор кафедры философии, г.Якутск

ДАНИЛОВА ВЕРА СОФРОНОВНА

доцент, доктор философских наук, Северо-Восточный федеральный университет, профессор кафедры философии, г.Якутск

СИСТЕМА КООРДИНАТ МИРА НА ОСНОВЕ ПРЕДЕЛЬНЫХ ДИНАМИЧЕСКИХ РАВНОВЕСИЙ КАК ОСНОВНОЙ КРИТЕРИЙ ИСТИНЫ

Система координат мира и её свойства могут быть выявлены только через конкретное природное или культурное образование (объект мира), которое соответствует определенному уровню организованности мира. Системе координат необходимы уровни, которые были бы равноправны друг относительно друга с точки зрения определенных взгляда и параметров. Этого можно добиться, если подразделить мир на уровни фундаментальных равновесий, которые Кожевниковым характеризуются параметрами предельных равновесий (динамических и сетевых): идентификации, коммуникации и ритмов мировой гармонии (Nikolay Kozhevnikov, 2018).

Относительные динамические равновесия необыкновенно широко

распространены в мире. Особое значение имеет их опора на хаос, который присутствует на всех уровнях организации мира. Все природные и социально-гуманитарные процессы протекают от одного равновесия к другому, используя промежуточные равновесные структуры в качестве направляющих и корректирующих. Человек принимает активное участие в формировании природной координатной системы и обеспечении её устойчивости, поскольку только он способен развивать её духовный равновесный уровень.

Есть два типа пределов для природного (культурного) образования, тесно связанных со способом их рассмотрения: внешние I, C, K и внутренние F, H, G. Здесь I – предел идентификации, C – коммуникации, K – предельных ритмов мировой гармонии. Эти пределы образуют внешнюю ячейку (I, C, K) соответствующую максимальному её размеру, способному обеспечить сохранение качества, выявленного в рассматриваемом природном (культурном) образовании. А также энергию необходимую для сохранения этого качества. Кроме того, им соответствует наиболее устойчивый предельный ритм колебаний обеспечивающий оптимальное сохранение этих качества и энергии (Кожевников, 2018).

В реальных условиях мы рассматриваем промежуточную (внутреннюю) ячейку равновесных параметров системы координат F, H, G для рассматриваемого объекта. Несмотря на то, что пределы I, C, K в реальных условиях недостижимы, они обеспечивают калибровку ячейки (F, H, G). Это означает, что в конкретной ячейке системы координат мира переходы от F_1 к F_2 , от H_1 к H_2 и от G_1 к G_2 соответствуют определенным шагам, связанным с ритмами K. Связь пределов F, H, G с пределами I, C, K обеспечивает устойчивое существование внутренней ячейки системы координат. Пределы F, H, G являются ближайшими к рассматриваемому объекту. Переходы к ним определяются параметрами релаксации (качеством, энергией, временем). Горизонт (предел) H обеспечивает горизонт, в пределах которого это качество размещается. Ритм (предел) G соответствует ближайшему устойчивому ритму, который будет способствовать закреплению качества и горизонта в пределах этого релаксационного равновесия (Кожевников, 2018).

Система координат мира «присутствует» в бытии. Бытие как предельная категория мира (самая последняя) может определяться только через самое себя. Согласно Н. Гартману, «Среди многообразия вещей нужно найти то, что является безусловно общим, «нейтральный» признак всего мира, «сущего вообще» ...Бытие - последнее, о чем допустимо спрашивать, но оно не может быть определено» (Цит. по Губину, 2005, с. 88). Метафизические проблемы «создала не мысль, и она не может их уничтожить» (Hartmann, 1965, S. 42).

Хайдеггер ссылается на Новалиса, который «говорит в одном фрагменте: “Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома”. Нас всегда зовет Нечто как целое. Это “в целом” есть мир. – Мы спрашиваем: *что это такое - мир?* Туда, к бытию в целом, тянет нас в нашей ностальгии...» (Хайдеггер, 1993, с. 330).

Система координат мира - это общая нейтральная его характеристика, которая отмечает существование мира, не пытается решить все непознаваемые

остатки проблем, но фиксирует их существование. С другой стороны опора на систему координат мира позволяет чувствовать себя «повсюду дома». Ведь система координат доступна любому процессу и явлению природы. Она тихо «стучится» в душу каждого человека. Бытие как самая предельная и всеобщая категория ускользает от нашего понимания, но в то же время его все время сводят к слову «есть», подчеркивая тем самым наличие чего-то в мире. Но кто может зафиксировать это обстоятельство - только «присутствователь», как система предельных относительных динамических равновесий.

Благодаря координатной системе открываются широкие возможности для диалога и межчеловеческой коммуникации, поскольку наиболее правильной и глубокой формой диалога является диалог: человек - «система координат» и «система координат» - другой человек. Ценностно-познавательная установка становится ориентированной на устойчивую взаимосвязь с координатной системой. Система координат открывается непосредственно и доступна каждому человеку. К ней можно прийти, развивая чувственные представления, используя абстрактные и теоретические модели, а также создавая различные их комбинации. Путь человека к системе координат прост - самое главное узнать, почувствовать, что такая система координат существует, а дальше она настроит его на свои ритмы, и будет поддерживать с ним устойчивую связь, все более и более ему раскрываясь.

В современных условиях, когда информация в значительной степени является избыточной, когда широкое распространение получили симулякры (особенно в культуре, образовании, политике) истина должна опираться на некоторое основание, каким и может являться система координат мира на основе предельных динамических равновесий. С одной стороны, эта система охватывает все уровни мира и опирается на динамический хаос – самый распространенный объект в мире. С другой стороны, система координат является гибкой, способной взаимодействовать с любой природной или культурной системой и более того создаваемой ими. Это и есть та связь (опосредованная) человека с космосом, о которой думали древние греки, поскольку везде идентификация взаимодействует с коммуникацией, а ритмы гармонии охватывают все уровни структурной организации мира.

Этот подход годится для всех видов истины: корреспондентской, концептуальной, конвенциональной, операциональной, относительной, абсолютной, очищая их от всего наносного, случайного, искажающего их сущность. Причем он не мешает различным людям, культурам, менталитетам взаимодействовать с различными срезами этих истин.

Развиваемый подход к выявлению онтологического и гносеологического основания истины тесно связан со светским аскетизмом. Каждый современный человек должен стремиться к идентификации своего собственного аскетизма, который может стать ключевым элементом при установлении диалога между культурами, способствуя установлению общепланетарной коммуникативной реальности, постепенно переходящей в общепланетарное бытие. Аскетизм представляет собой связанное состояние духовности в контексте его

этнических и индивидуальных проявлений. Аскетизм способен составить фундамент общечеловеческой синтетической культуры, так что все уникальное и специфичное у разных народов будет уже надстройкой над ним.

Список использованной литературы:

1. *Nikolay N. Kozhevnikov, Vera S. Danilova* The world coordinate system on the basis of limit dynamic equilibriums // *European Journal of Philosophical Research* - 2016, Vol. 5, Is.1, pp.18-26.
2. *Nikolay Kozhevnikov and Vera Danilova*. Human Development in the World Coordinate System on the Basis of Limit Equilibria // *Agatos*, 2018, Vol. 9, # 1. – P. 135-143.
3. Кожевников Н. Н. Метафизический, онтологический, феноменологический, герменевтический аспекты системы координат мира на основе предельных динамических и сетевых равновесий. Монография – Якутск: Изд. Дом СВФУ, 2018b – Интернет издание. E-mail: izdat-svfu@mail.ru
4. Hartmann N. *Zur Grundlegung der Ontologie*. Berlin, 1965. S. 1-4.
5. Губин В.Д. *Философия: актуальные проблемы* – М.: РГГУ: Омега-Л., 2005 – 370 с.
6. Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления* / Пер. с нем. – М.: Республика, 1993 – 447 с.

ЛЕВКО А.И.

Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь

ИМИТАЦИЯ ИСТИНЫ КАК ОСНОВНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА НАУКООБРАЗИЯ ФИЛОСОФИИ, И ЕЕ ПОДЛИННАЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СУЩНОСТЬ

Понятие научной истины является центральным в логическом обосновании знания, его объективности и достоверности. При этом основой истины первоначально выступала логическая обоснованность суждений, затем постигаемые наукой законы физической детерминации или тождества знания и объективной реальности, по мере развития прикладной науки критерием истины становится эмпирический опыт и изучение фактов как устойчивого и воспроизводимого знания реальности. При этом научное знание противопоставляется мифологии и религии, откуда первоначально и заимствуется символика слова и его способность моделировать реальность с помощью понятий, суждений и умозаключений. Эта символика слова в виде священных текстов, выражающих божественную истину, первоначально воспринимается на веру, а затем находит свое выражение в логическом обосновании достоверности этой истины. Не последнюю роль в утверждении истинного знания, по мнению, например, представителей Баденской

философской школы некантIANцев, сыграли и политические интересы древнегреческого полиса и средневековых монархий, рассматривающих софистику и схоластику как эффективные способы утверждения демократического и аристократического правления. В современной версии это политический популизм или убеждение словом, претендующим на истину, но далеким от существующей социальной реальности и перспектив ее преобразования или подлинного инновационного развития.

Логика и логический анализ на протяжении столетий считались своеобразной «визитной карточкой» философии и вычленяемых из ее лона естественных и гуманитарных наук. При этом логический анализ чаще всего отождествлялся с теоретическим анализом объективной реальности и закономерностей ее развития, несмотря на то, что логика исследует не саму физическую или социальную реальность, а лишь формы и законы мышления, которыми определяются принципы сочетания смысловых предметностей сознания. Понятие есть форма мысли, отображающая предметы и явления в их наиболее общих и существенных признаках. «Доказательство» - это и процесс мышления, и логический процесс обоснования истинности одного суждения при помощи других суждений. Словом «доказательство» обычно обозначают источники сведений о фактах. Пример, летописи, рассказы очевидцев, мемуары и т.п. **Логическое доказательство** - это деятельность мыслительная, это мыслительный процесс обоснования одной истины другими истинами. Истина в данном случае не отражает реальность, а имитирует ее в вербальном представлении.

В таком вербальном представлении, имитирующем объективную истину как подлинную реальность, выражалась, например, сама суть гуманитарной науки. Психология, социология, политология, культурология и другие гуманитарные и общественные науки представляли в виде своеобразных рефлексий о душе, об обществе, полисе, культуре. «Логос» в данном случае выступал как синоним научности, благодаря которому наукой становилась и сама философия. Однако, историческая практика свидетельствует, как только начинали следовать только формальной логике, философия постепенно вырождалась в схоластику или государственную догматику, политология из методологии принятия правильных решений - в теоретическое обоснование правомерности любой власти, психология из науки о душе в технологию манипулирования индивидуальным и общественным сознанием, социология - в социальную физику и т.д. и т.п. Во всех случаях, как бы вырождалась культура самого рефлексивного мышления и его способность к инновационной деятельности. Оно как бы отрывалось от самой социально-культурной реальности, превращаясь в формально-логическую схему гипотетических предположений и схоластических рассуждений. Гипотеза здесь представляет собой своеобразное превращение слова в мысль, в процесс развития мысли, начиная от ее выдвижения, доказательства, выделения следствий, проверки этих следствий на практике и заключения об истинности или ложности выдвинутой гипотезы.

На протяжении исторического развития существенно изменяется и назначение слова как знаковой системы. Вначале оно выступает лишь средством магических действий и, соответствующих духовных образов и практик, имеющих сакральный смысл. Затем превращается в логические понятия, суждения и умозаключения и на их основе в психологический образ, отражающий природную реальность. Натурализм становится основой философского и научного мировоззрения, в соответствии с которым социальная реальность, в том числе и сама культура, есть лишь форма проявления физических, биологических и других закономерностей. И если раньше в основе культуры искусства магии и религии лежали две стихии: природная и духовная стихия самосознания самого человека, его стремление, способность и умение покорять стихии, порождающие хаос, и противопоставлять ему определенный общественный порядок или социум, то культура научно-технического прогресса предстала исключительно как культура покорения природы, культура адаптационного поведения, культура потребления, культура внешнего управления и манипулирования общественным сознанием.

Между тем еще в средневековой философии был спор между номиналистами и реалистами относительно природы самого слова и выражаемого с его помощью значений и смыслов, претендующих на истину в последней инстанции. Номиналисты акцентировали внимание на символической природе слова и, в частности, имени. В дальнейшем эта традиция была развита в философии П.Г. Флоренского, который «магию слова» связывал с искусством, из которого, по его мнению, и произошла философия. Этому же мнению придерживался и советский философ М.К. Мамардашвили. Человекотворческая сущность искусства, утверждал П.Г.Флоренский, становится сознаваемой, когда удается развести понятия «лик», «лицо», «личина». Понятие «лик», по его словам, есть проявление онтологии «осуществленное в лице подобие Божие» [3]. В отличие от «лика», «лицо» представляет собой синоним явления, за которым кроется духовная сущность человека. Полную противоположность ему составляет «личина», термин, значение которого тождественно понятию «маска». «По мере того,- пишет Флоренский, - как грех овладевает личностью, так и лицо перестает быть окном, откуда сияет свет Божий и показывает все определеннее грязные пятна на собственных своих стеклах, лицо отщепляется от личности и его творческого начала, теряет жизнь и становится маской овладевшей страсти» [2].

Реалисты, наоборот, полагали, что слово является выражением социально-культурной реальности. Эта традиция в полной мере нашла свое отражение в современной *феноменологической* социологии знания. Культура и цивилизация, согласно феноменологической социологии знания, есть весьма значительная часть существующей социальной реальности, в которую мы включены сами и которая оказывает повседневное влияние на нас, на сам процесс нашего познания, и на весь образ жизни, как отдельных народов, так и всего человечества в целом. «Хотя можно сказать, что у человека есть

природа, гораздо важнее сказать, что человек конструирует свою собственную природу или, проще говоря, что человек создает самого себя» [1, с.83]. Как считают, например, – директор Бостонского института изучения экономической культуры США П. Бергер и его немецкий коллега Т. Лукман, главной составляющей социальной реальности, созидающей ее силой, выступают **сами люди**, их объединения, отношения, действия; **язык** или код, на котором люди передают друг другу информацию; **мир материальных артефактов** или искусственно созданная людьми среда обитания, «вторая природа», в которой живет человеческое сообщество; **природные явления, вовлеченные в сферу социальной деятельности**; и, наконец, **коллективные представления** – отражение социальной реальности в коллективном сознании. У каждого человека складывается своя индивидуальная картина окружающего мира. Но вместе с тем существуют общие взгляды, представления, мысленные установки, имеющие хождение в обществе и более или менее разделяемые его членами. И для социологии в ее нынешнем смысле, - и для истории, как утверждал М. Вебер, объект познания - это совокупность субъективных значений действия. Общество по сути дела создается благодаря деятельности индивидов. «Именно двойственный характер общества в терминах объективной фактичности и субъективных значений придает ей характер «реальности *sui generis*», ...» [1, с.35] . И чтобы понять реальность повседневной жизни, следует прояснить ее подлинный характер, как мир, создающийся в мыслях и действиях людей, воздерживаясь от причинных и генетических гипотез, сосредотачиваясь лишь на ее феноменологическом анализе переплетений человеческих взаимосвязей или как интересубъективный мир.

Таким образом, каждому социальному времени и пространству соответствует своя мировоззренческая парадигма социальной реальности, представляющая собой своеобразное тождество противоположностей культуры, как характерный для членов данного общества образ мысли и образ действий, и цивилизации, отражающей уровень, ступень развития материальной и духовной культуры, ступень общественного развития. Имитация же истины, как и много лет тому назад, позволяет подменять научную экспертизу политической и идеологической оценкой рукописей и печатных изданий, манипулировать общественным сознанием. При этом выставляя соответствующие культурные значения и смыслы как экономические, политические, кибернетические и другие объективные закономерности и ограничивая тем самым реальную свободу самовыражения личности и пространство гражданского общества, в котором она себя проявляет, власть имущих превращает имитацию истины в социальный факт, в реальность нашего бытия, характеризующуюся рационализмом государственной бюрократии. История философии представляется здесь всего лишь как осмысление теоретического материала прошлых эпох, а не как дух своего времени и конкретного социального пространства. Дух же своего времени всегда выражается в ценностях, нормах, образах, смыслах, вкусах, стилях жизни соответствующей эпохи, диагноз которых и составляет основной

предмет философского исследования.

Список использованной литературы:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995, 323с.
2. Флоренский, П.А. Иконостас. Избр. Тр. По искусству / П.А. Флоренский – СПб: Мифрил –Русская книга, 1993. – 175 с.
3. Флоренский, П.А. Гамлет /А.А. Флоренский/ Лит учеба. – 1989. №5. - С.137-150.

ЛОЙКО А.И.

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь

ИСТИНА И МЕНТАЛЬНОСТЬ

Ментальность представлена в межкультурном диалоге механизмами идентичности. Поскольку диалог осуществляется в информационном пространстве, то вопросы симуляции истины оказались в центре внимания современных конвергентных коммуникационных технологий. Ментальность оказалась под влиянием различных идеологических комбинаций, имеющих суммарный эффект критической неудовлетворенности и подозрительности к устоявшимся институциональным традициям. В этих условиях информационные технологии не столько ориентируются на достоверность информации, сколько на корреспондентские критерии истинности. В созданной парадигме имитации истины важная роль отводится маркерам свободы, локальности. С оппонентами, аргументирующими свое поведение в виртуальном пространстве маркером свободы, трудно строить диалог, поскольку они исходят из плюрализма и эклектики современной культуры постмодернизма. При этом они не признают тот факт, что свобода подразумевает ответственность. Маргинальные слои общества стали основными потребителями информационного пространства. Во многом это связано с тем, что большинство современных наций является продуктом техногенной цивилизации. Это молодые нации, сформировавшиеся за последние сто лет. В них процессы урбанизации доминируют по темпам над процессами национальной консолидации. Социальная атмосфера мегаполисов создала пространство монад, оторванное от ценностей коэволюции с аутентичной средой.

В научной литературе активно обсуждаются вопросы, связанные с изменениями в информационном пространстве, принявшем вид сетевых структур. В них обнаруживается обширная тематика, касающаяся вопросов национальной безопасности [2]. В информационное пространство переместились многие действия, свойственные военным операциям. Это дало основание говорить о сетевых войнах [4]. Речь идет о том, что социальные сети

делают доступным воздействие на индивидуальное сознание, молодежной аудитории, находящееся под влиянием различных субкультур и контркультур. В жертву глобальному пространству мировой паутины приносится нередко духовно-нравственная идентичность национальной культуры, на которой базируются ценностные структуры патриотизма.

Общество рисков как объективная реальность начала XXI века активно исследуется в социологии, социальной психологии, философии [9]. С точки зрения синергетики речь идет о неопределенностях, проистекающих из различных факторов, формирующих социальную динамику. Глобализация еще больше увеличила риски социальной стабильности современного общества по целому ряду параметров. В подобных условиях средства массовой информации оказываются в эпицентре общественного внимания, поскольку от них исходит информация о событиях, влияющая на психологию и мировосприятие граждан страны. Интернет-технологии трансформируют возможности коммуникации. Дигитализация медиасферы создала еще один аспект информации. Этот аспект проистекает из того обстоятельства, что крупные коммуникационные компании в рамках реализации стратегии экономической прибыли используют социальные сети как определенный набор потребительских услуг. В числе таких услуг – оперативное предоставление информации в жанре новостей. В апреле 2016 г. Facebook открыл доступ для интернет-СМИ к Instant Articles, «быстрым статьям», которые можно читать прямо внутри соцсети. В ленте новостей на смартфоне такие статьи отмечены молнией. Пользователь может и не знать, что он не переходит на сайт издания, к проекту подключились порядка 350 изданий со всего мира [3, с. 67]. Произошла переориентация изданий на мобильных пользователей, практически все время находящихся в социальных сетях. В результате трансформировался новостной контент. Он стал комбинированным с различными формами предоставления интерактивной информации.

Очевидна тенденция формирования в межкультурных отношениях на международном уровне доминанты ментальных приоритетов партикулярной психологии [6]. В этих условиях информационные технологии оказываются в непростой ситуации выбора между профессиональными критериями предоставления потребителю достоверной информации и критериями, формируемыми ментальными ожиданиями национальной аудитории. В первом случае технолог работает с источниками информации, гарантирующими ее достоверность. Во втором случае он конструирует информацию под ожидания аудитории, жертвуя часто критериями ее достоверности [1].

Речь идет об усилении не только конструкторской составляющей, но и составляющей, связанной с ценностной проблематикой. Формируется пространство тематики, в пределах которой растет роль экспертизы и общественного мнения, а также механизмов обратной связи в информационном пространстве с учетом возрастных и гендерных особенностей потребителей информации. На уровне социологии и политологии речь идет о концепциях национальной безопасности, в том числе информационной, и концепции

устойчивого развития общества в условиях растущих рисков, обусловленных недостатком достоверной информации. Институциональная компонента в этих условиях играет ключевую роль. Таким образом, истина оказалась в локальном пространстве ментальности. Это пространство формирует координаты достоверности. В связи с этим вспоминается фундаментальная работа Н.В. Рожина, в которой разводятся понятия достоверности и объективности. Тезис Н.В. Рожина заключается в том, что достоверность знания формируется не на основе прямого соответствия информации о предмете самому предмету, а с учетом требований достоверности в виде принципов, парадигм [8].

Объективность относится к области когнитивной логики мышления, в пределах которой доминируют ментальные структуры, опыт, жизненный мир, рассудок, идентичность. Они формируют критерии объективности знаний. В данном случае может иметь место филигранная имитация истины, которая может доминировать длительное время. Подобный случай обнаружен в астрономии после того, как с помощью компьютерной технологии были проверены математические обоснования К. Птолемея созданной им геоцентрической модели мира. Это дало основание Р. Ньютону написать книгу под названием «Преступление Клавдия Птолемея» [7]. Модель Солнечной системы Н. Коперника также не была совершенной, но она была гелиоцентрической. Она позволила сторонникам Н. Коперника найти объективный образ на основании эмпирических исследований и математических обоснований И. Кеплера [5]. Вплоть до нашего времени в пространство модели вписывались новые планеты и их спутники. Модель сохраняет возможность пополнения ее пространства новыми планетами и спутниками планет. В области современной политики нужна модель, подобная модели Н. Коперника, которая бы давала возможность для реализации диалектики относительной и абсолютной истины. В таких условиях имитация истины трудно осуществима.

Список использованной литературы:

1. Будучев В. Доля субъективности в международной журналистике // Международная журналистика – 2017: идея интеграции интеграций и медиа. Минск, 2017. С. 24-31.
2. Войтеховский А.В., Чуйков Д.А. Актуальные вопросы национальной безопасности: особенности обеспечения информационной безопасности в государстве и обществе // Социальное пространство Интернета. Минск, 2014. С. 101-104.
3. Градюшко А. Ключевые тенденции развития зарубежных Интернет-СМИ в условиях дигитализации медиасферы // Международная журналистика – 2017: идея интеграции интеграций и медиа. Минск, 2017. С. 66-71.
4. Коровин В. Третья мировая сетевая война. СПб., 2014. 165 с.
5. Лойко, А.И. Роль астрономических наблюдений в становлении картины мира Н. Коперника // Формирование и функционирование научной картины мира. Уфа, 1985. С. 101-102.
6. Лойко, А.И. Социальная психология партикулярных структур.

Саарбрюккен, 2016. 140 с.

7. Ньютон Р. Преступление Клавдия Птолемея. М., 1885. 384 с.

8. Рожин Н.В. Проблема объективной достоверности знания в европейской философии (от Р. Декарта до Л. Витгенштейна). Минск, 2001. 246 с.

9. Щербакова Е.О., Лойко А.И. Рискогенный образ души современного человека: между нигилизмом и духовностью // Духовные ипостаси Евфросинии Полоцкой: историческая и современная. Материалы Международной научной конференции. Минск, 2016. С. 326-335.

ЛОЙКО Л.Е.

УО «Академия МВД Республики Беларусь», г. Минск, Республика Беларусь

ЛОГИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ДОСТОВЕРНОСТИ ОБЫДЕННЫХ СУЖДЕНИЙ

Непосредственным результатом революции, происшедшей в логике в конце XIX – начале XX в., стало возникновение логической теории достоверности знаний. У ее истоков стоят ирландский логик Д. Буль, американский философ и логик Ч. Пирс, немецкий логик Г. Фреге. В их работах была постепенно реализована идея перенесения в логику методов математической достоверности высказываний.

Классическая логика ориентировалась главным образом на анализ математических рассуждений. С этим связаны многие ее особенности и недостатки. В процессе развития она оказалась одной из многих логических теорий.

Неформальная логика в виде теории аргументации актуализировала проблему достоверности высказываний в структуре диалога, что оказалось актуальным в свете теории коммуникативного действия, разработанной Ю. Хабермасом [1]. Идея неформальной логики возникла в русле исследований, посвящённых *критическому мышлению*. Она получила развитие в форме движения «неформальных логиков» во второй половине XX века в среде американских и европейских философов, логиков, лингвистов. Ученые высказали неудовлетворённость методами формальной логики для анализа обыденных рассуждений. Это при том, что изучением рассуждений в повседневной речи философы занимались со времени Аристотеля. В настоящее время средства неформальной логики используются также для анализа научного (естественнонаучного, гуманитарного, технического) знания [2].

Неклассические направления современной логики составляют в совокупности довольно неопределенное и разнородное целое. Они формировались в оппозиции или полемике с классической логикой. Но для всех именно она была образцом подхода к логическому анализу мышления, первой теорией, последовательно и полно реализовавшей программу математической

логики и связанных с ней критериев достоверности. В 1908 г. Л. Брауэр, голландский математик и логик, подверг сомнению неограниченную приложимость в математических рассуждениях классических законов исключенного третьего, (снятия) двойного отрицания, косвенного доказательства. Одним из результатов анализа таких рассуждений явилось возникновение интуиционистской логики, не содержащей указанных законов. Она была сформулирована в 1930 г. А. Гейтингом. Одновременно с Брауэром идею неуниверсальности закона исключенного третьего отстаивал Н.Л. Васильев.

Еще в 1912 г. американский логик и философ К.И. Льюис обратил внимание на так называемые «парадоксы импликации», характерные для формального аналога условного высказывания в классической логике – материальной импликации. Он разработал первую неклассическую теорию логического следования, в основе которой лежало понятие строгой импликации, определявшееся в терминах логической невозможности. К настоящему времени предложен целый ряд теорий, претендующих на более адекватное по сравнению с классической логикой, описание логического следования и условной связи. Наибольшую известность из них получила релевантная логика. Ее обосновали американские логики А.Р. Андерсон и Н.Д. Белнан.

В конце 20-х гг. XX в. К.И. Льюисом и Я. Лукасевичем были построены первые современные модальные логики. В них рассматривались понятия необходимости, возможности, случайности. Тем самым была возрождена тема модальностей, которой активно занимались еще Аристотель и средневековые логики. В этот же период была разработана многозначная логика. Она основана на предположении о том, что утверждения являются не только истинными или ложными, но могут иметь и другие истинностные значения. Сфера нормативных знаний оказалась предметом изучения деонтической логики. Аксиология и связанная с ней тематика ценностных высказываний детерминировала становление логики абсолютных оценок.

Новые разделы логики не были непосредственно связаны с математикой. В сферу логического исследования вовлекалась проблема достоверности знаний, характерная для естественных и гуманитарных наук. В данном контексте произошло становление логики темпоральных высказываний, в структуру которых включен параметр времени. Особенно актуальны эти высказывания в релятивистской механике и исторических исследованиях Анналов. Паранепротиворечивая логика не позволяет выводить из противоречия любые заключения. Эпистемическая логика акцентирует понятия «опровержимо», «неразрешимо», «доказуемо», «убежден», «сомневается». Логика предпочтений обращена к понятиям «лучше», «хуже», «равноценно». Логика изменения оперирует категориями мобильности, динамики, изменения, становления. Логика причинности сохраняет приверженность детерминизму.

Социокультурные факторы ускорили движение логики к особому типу высказываний. Одним из первых эти высказывания сделал предметом анализа Х. Перельман [4]. Он пришел к идеям *новой риторики* – под влиянием

потребности анализировать суждения не только с точки зрения их истинности, но и ценности. Развитие данного направления в логике было обусловлено формированием методологического инструментария социальных и гуманитарных наук. Это потребовало введения критериев различения их с естественными и техническими дисциплинами. По мнению Х. Перельмана, если естественные науки имеют дело с очевидными высказываниями, или высказываниями, которые дедуктивно выводимы из их комбинации, то общественные науки имеют дело с мнениями и правдоподобными высказываниями. На основе этой посылки Х. Перельман сформулировал цель построения теории аргументации путем анализа методов доказательства, используемых в гуманитарных науках и гуманитарном дискурсе в широком контексте его функционирования. Только так можно составить адекватное представление об аргументации, специфические характеристики которой не могут быть лучше выражены, чем путем противопоставления аргументации классическому понятию демонстрации и, более конкретно, формальной логике.

С. Тулмин акцентировал модель рациональной оценки рассуждений. На ее основе он рассмотрел юридическую практику. Его интересовал процесс выработки общих стандартов трактовки в новых исторических и культурных контекстах тех или иных понятий, прецедентов, имевших место в совершенно иных контекстах [6]. Таким образом, связь логики с правом носит принципиальный характер. Не случайно Г. Тард – автор социальной логики, работал судьей и писал работы по криминологии [5], а Дж. Остин – основатель теории речевых актов, в основе которой лежит контекстуальный принцип анализа языка, свои первые лекции, ставшие основой этой теории, читал студентам-юристам и активно использовал примеры из юриспруденции [3].

Список использованной литературы:

1. Лойко Л.Е. Философия коммуникативного действия в работах В. Мартынова и Ю. Хабермаса // Научные чтения, посвященные Виктору Владимировичу Мартынову: сб. науч. трудов. Вып. V. Минск, 2017. С. 25-32.
2. Лойко А.И. Нестандартные решения научных и технических задач // Инженерная деятельность: история, методология, социальные проблемы. Минск, 1990. Ч. 1. С. 137-138.
3. Остин Дж. Избранное. М., 1999. 332 с.
4. Перельман Х.; Олбрехт-Тытека Л. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 207-264.
5. Тард Г. Социальная логика. СПб., 2014. 504 с.
6. Тулмин С. Человеческое понимание. М., 1984. 327 с.

ЛУКЪЯНОВ Г. И.

*Волжский политехнический институт (филиал) ВолгГТУ, г. Волжский,
Российская Федерация*

СИМУЛЯКР КАК ФОРМА КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Современный мир и вместе с ним российское общество проходят сложный процесс трансформации и глобализации. Закономерным следствием этого процесса стало формирование и развитие нового, информационного типа общества. Быстрое проникновение информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности общества, включая традиционные социальные структуры, оказывая существенное влияние на трансформацию и способствует появлению новых механизмов совместной коллективной деятельности людей, в том числе в виртуальной сфере.

Изначально информация рассматривалась как снижение степени неопределённости наших знаний о чём-либо (К. Шеннон). Как следствие, данное понятие содержательно включало всё, что можно транслировать по каналам связи по направлению от источника к получателю. Вместе с тем, ценностные характеристики информации при этом практически не учитывались. Отличительной чертой социальной информации можно считать то, что её высшие разновидности всё более удаляются от конкретных предметов чувственно воспринимаемой действительности. Современный человек способен к наиболее абстрактным формам мышления в рамках которых создаются теоретические конструкты всё более высокого порядка. Виртуальные социальные сети сегодня являются не только новой формой взаимодействия их пользователей но, и представляют собой принципиально новый социальный феномен, оказывающий влияние на многие сферы человеческой жизнедеятельности. Вместо апробирования технологий воздействия на поведение людей рациональными аргументами и понятиями складывается специфическая техника, основанная, по преимуществу, на образах, которые постепенно становятся основным средством удовлетворения человеческих потребностей в информации и эстетических ценностях.

В эпоху глобализации происходит размывание национального, религиозного, этнического сознания, осуществляется стандартизация, влекущая за собой формирование новой виртуальности и сетевой культурной идентичности. Внедрение новых информационных технологий, базирующихся на широком использовании средств кибернетики в различных сферах социума, высокий динамизм техники закладывает основу для создания симулякров. Человек меняет информационные потоки и культуру в процессе осуществления жизнедеятельности и коммуникации. “Во все времена человечество испытывало на себе влияние различного рода негативных факторов – техногенных или природных, являющихся результатом деятельности человека или находящихся вне её границ” [2, с. 59].

Процессы симулякризации проникают во все области современного социума и оказывают сильное влияние на социальную структуру, тем самым, задавая новый базис материальных и духовных ценностей. Симуляция и симулякры, вместе с тем, несут с собой не отсутствие реальности, наоборот, предельную, качественно новую полноту, её избыток. Процесс симуляции начинается с искусственного, техногенного характера человеческого начала в мире. Творческая деятельность и искусство постоянно выходят на новый

уровень развития. В ней место живых людей занимают “социальные агенты”, культуру в её подлинном виде заменяют социальные технологии, человеческие взаимоотношения – психотехнологические манипуляции, несомненно, главная роль в этом процессе принадлежит сети Интернет, до предела расширяющей практику неинституциональных отношений.

Концепция симуляции раскрывает новое измерение социокультурной реальности. Любой порядок симулякров основан на структурном законе ценности и регулируется кодом, а порядки симулякра раскрывают логику социокультурной динамики. Термин “симулякр” ввёл Ж. Бодрийяр в работе “Система вещей”, отмечая, что симулякр представляет собой сконструированный привлекательный символический по своим характеристикам объект, ориентированный на удовлетворение желаний потребителя. Это ложное подобие, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе как его заменитель [1].

Уход от традиций реализма становится очередным средством формирования особой и специфической виртуальной реальности. Виртуальная реальность погружает субъекта в некоторый искусственно созданный техническими средствами мир, с которым он имеет возможность взаимодействия. В виртуальной коммуникации одиночество лишь усугубляется, поскольку “одиночество вот-бытия не исчезает от того, что поблизости есть ещё один экземпляр вида “человек” или все десять” [4, с. 251]. Человек оказывается окружённым виртуальными образами, являющимися, по сути, *проекцией его собственных чувств и мыслей, а коммуникация замаскированным под диалог монологом*. Контакты, общение, наполненная эмоциональная жизнь в виртуальном мире являются лишь иллюзией.

Виртуальная реальность функционирует как совокупность симулякров. Виртуальные объекты в пределах виртуальной реальности обретают своё собственное бытие и детерминируют социокультурные процессы, погружённого в неё человека. Современные социальные институты охвачены процессом симулякризиса, т.е. в тотальной подмене реальных процессов их симуляциями и трансформациями социальных институтов в виртуальную реальность. Симулякризиса социокультурного пространства грозит полностью подменить реальные процессы их виртуальными аналогами, что может привести к “смерти” социума. “Степень риска в этом случае будет выражаться отношением числа безотказно подчиняющихся человеку звеньев в цепи мероприятий (организационных, технических), направленных на получение желаемого результата, ко всем мероприятиям в этой цепи, включая и те, подчинение которых человеком допускалось априори, т.е. формой организации творческой деятельности ” [3, с. 67].

Процессы симулякризиса, формирующие гиперреальность, во многом определяют аксиологическую базу жизни современного человека, тем самым актуализируя вопрос о техногенной адаптации, как процессе приспособления социокультурной среды к информационно-технологическим изменениям. Симулякризованная реальность требует перестройки видов деятельности, что в

свою очередь определяет изменения в системе культурных ценностей. Стремительно нарастает значимость и социальная ценность информационной деятельности, которая пробуждает информацию в качестве собственного специфического продукта.

Список использованной литературы:

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999.
2. Лукьянов Г. И. Концептуальное обоснование риска в контексте социальной реальности // Философия и культура. 2011. №11 (47). с. 59-65.
3. Лукьянов Г. И. Рок и риск // Философские исследования. 2004. №2 (35). с. 62-70.
4. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск., 1998.

ЛЯПАНОВ А.В.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИОЗНОСТИ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ В ИСТОРИИ

История, как и любая наука, имеет свои объект и предмет изучения. Объектом изучения истории является исторический факт, то есть объективно (независимо от исследователя) существующая действительность. В этом смысле история стремится познать истину. Однако, несмотря на необходимость объективного анализа, произвести таковой является крайне сложной задачей по целому ряду причин. Во-первых, историк тоже человек и, как говорится, ничто человеческое ему не чуждо. На него оказывают влияние множество факторов, как внутренних (социальное положение, уровень жизни, образования и пр.) так и внешних (среда, окружение, власть и пр.). Во-вторых, общество постоянно изменяется, меняется и «прочтение» исторического прошлого. В-третьих, историю зачастую используют как идеологическое и политическое орудие в борьбе за власть. Поэтому достичь истинного знания в исторической науке крайне сложная задача. Очень часто историк может «заблуждаться» на тот или иной счет в силу недостаточности и недостоверности информации, содержащейся в исторических источниках. Подобное «заблуждение» вполне понятно и, в известной степени, простительно. Гораздо страшнее, если речь идет о сознательном введении читателя в заблуждение, о лжи и фальсификации данных. К сожалению, наша историческая наука далеко не безгрешна.

Если говорить о начальных этапах нашей отечественной истории, то многие историки отмечают скудость источников по данному периоду. В X-XV вв. исторические факты, события и их анализ находили отражение преимущественно в летописных сочинениях. Так, самая известная начальная летопись монаха Киево-Печерского монастыря Нестора «Повесть временных

лет» представляет собой свод XII в., дошедший до нас в составе Лаврентьевского списка 1377 г. и Ипатьевского списка XIV—XV вв. В ней мы находим практически самостоятельное литературное произведение, посвященное крещению Руси. Попробуем рассмотреть проблему тенденциозного (необъективного) освещения тех событий в истории.

В летописи мы встречаем отрывок, посвященный выбору веры князем Владимиром. «В год 986 приходили к Владимиру болгары магометанской веры..., иноземцы из Рима..., хазарские евреи ... и греческий философ». Именно беседе князя с последним автор уделяет несоизмеримо большее внимание. Тенденциозность прослеживается и при описании посольства, которое направил князь в следующем году с целью «испытания веры» [1, с. 27-34]. Субъективность в данном случае может быть объяснена множеством факторов, таких как личность автора летописи, время составления, тем что «если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей», геополитическими причинами – Византия в то время являлась крупнейшим государством, с которым было выгодно породниться верою, и пр.. Все это вполне объяснимо и может быть принято.

Однако, далее мы обращаем внимание на сам процесс крещения Руси. После крещения Владимира в Корсуни, он вернулся в Киев, поверг идолов и назначил дату крещения горожан. «Услышав это, с радостью пошли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре» [1, с. 37]. Создается благостная картина принятия христианства населением не только Киева, но и всей Руси. В летописи Нестора мы не встретим упоминаний о каких-либо народных волнениях, вызванных данным событием. Однако в более поздних Иоакимовской и Никоновской летописях мы можем найти сюжет о введении христианства в Великом Новгороде в 990—991 годах, где этот процесс проходил уже не столь беспрепятственно [2]. Ожесточенное сопротивление крещению по мнению ряда историков возникло оттого, что оно осуществлялось по велению Киева и, следовательно, являлось инструментом укрепления киевского господства, тягостного для новгородской общины [3].

Признавая возможность данного обоснования, мы все же считаем неправомерным преуменьшать приверженность народов, населявших Киевскую Русь, язычеству. Не отказываются от веры предков столь легко, как это было показано в «Повести временных лет», даже в угоду верховному правителю. И волнения в Великом Новгороде, скорее всего, далеко не единичный случай противления политики христианизации князя и его потомков. Процесс этот растянулся на десятилетия и даже столетия. Слишком уж далеки были христианские ритуалы, мифы от привычного славянского уклада жизни. Незнакомая и далекая Палестина, пустыни, сам Иисус Христос совершенно не вписывались в мировоззрение простого люда. Добавим к этому, что самоназвание «крестьянин» («христианин») закрепилось на Руси только в XIII в. [4, с. 71]

Подтверждением наших слов является еще один сюжет отечественной

истории, также связанный с процессами, протекающими внутри уже сформировавшейся Русской Православной Церкви. Речь идет о церковном расколе середины XVII в. Реформа патриарха Никона и царя Алексея Михайловича Романова имела своей целью сделать Русское государство более привлекательным для иноземных православных в свете падения Византии, а также с учетом недавнего присоединения Малороссии и концепции «Москва – третий Рим». Реформа коснулась переписывания старых русских церковных книг в соответствии с новыми греческими образцами (тут либо мы переписываем, либо они, но нам-то нужнее), замены двоеперстия на троеперстие, отмены земных поклонов и замены их поясными, изменения направления крестного хода (против солнца), написания слова Иисус (раньше Исус) и т.д. Данные изменения затрагивали в основном обрядовую сторону, но основы веры оставались неизменными. Никто не вводил новую веру. Однако, все мы знаем последствия этих нововведений для нашего народа и государства.

Реформа Никона привела к расколу церкви на господствующую и старообрядческую. Церковный раскол стал расколом русского общества, разобщил его. Народ в своей общей массе не принял нововведения. Тому свидетельством множество восстаний. Достаточно упомянуть вооружённое сопротивление монахов Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря с 1668 по 1676 гг., известное также как Соловецкое сидение. Восстание было жестоко подавлено. Да и в дальнейшем старообрядцы подвергались гонениям со стороны официальных властей и церкви. На примере двух этих сюжетов: «смирненного» на первый взгляд крещения Руси и Церковной реформы Патриарха Никона можно проиллюстрировать тенденциозный характер многих исторических источников и исследований. Однако, это вовсе не означает тотальную ангажированность всей исторической науки. Повторюсь еще раз, история стремится к получению объективного знания о прошлом.

В 30-е годы XX века возникла так называемая Школа «Анналов» – историческое направление, основанное Люсьеном Февром и Марком Блоком, которая утверждает, что источник сам по себе нем, важна личность исследователя, именно он задаёт ему вопросы. Следовательно, ценностью может обладать даже фальсифицированный источник, так как он может рассказать нам почему фальшивка появилась и кому это было выгодно.

Список использованной литературы:

1. Нестор Летописец Повесть временных лет URL: http://svt-luka.prihod.ru/users/69/1101269/editor_files/file/letopisec_nestor_povest_vremennyh_let.pdf (дата обращения: 7.11.2018)
2. Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах Репринт с изд. 1963, 1964 гг. – М.: Ладомир, 1994. – Т. 1. История Российская. Часть 1.
3. Фроянов И.Я. Загадка крещения Руси. – М.: Алгоритм. 2007. – 336 с.
4. Шпалтаков В. П. Модернизация социально-экономической системы России (теория, история и современность): Монография. – Омск, 2014. – 198 с.

ЛЯПАНОВ А.В., ГРУШИНА Т.А.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир Российская Федерация

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИСТИНЫ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Обществу, как и отдельно взятому человеку, свойственно стремление постичь истину. При этом люди постоянно окружают себя собственными проекциями, копиями или удобными моделями, которые подчас подменяют реальность. Это особенно наглядно прослеживается в политике, как на современном этапе, так и в прошлом. Из тех высоких смысловых критериев, которые поучали человечество служить чему-то большему, чем оно само, чему-то более существенному, объемлющему, беспредельному (например, коммунизм, коллективизация, модернизация и пр.), люди были низведены до способов самоутверждения общечеловеческих интересов [1]. Сегодня проблема истины актуализируется тем, что во всех сферах жизни общества вновь происходят изменения, влекущие за собой трансформацию ценностных ориентаций [5].

Понятие «истина» является одним из важнейших в общей системе мировоззренческих категорий. Оно находится в одном ряду с такими понятиями как: «справедливость», «добро», «смысл жизни». От того, как истолковывается истина, достижима ли она, зависит и жизненная позиция человека. Истина есть правильное, адекватное отражение предметов и явлений действительности познающим субъектом [6, с. 182]. Действительность существует независимо от познающего субъекта. Истина же появляется в результате познания людьми этой реальности. Нередко в обществе истина подменяется или трактуется неверно. Так истина принимает форму лжи.

Для определения лжи применяются различные категории. В обыденном сознании ложь обычно отождествляется с негативным, социально неодобряемым действием - обманом, который определяют либо как синоним лжи, либо как процесс, порождающий ложь [4]. Ложь всегда присутствует в обществе. Очень тонкий момент, когда происходит оценка целей, ради которых человек, целая группа лгут или искажают правду. Ярким историческим примером служит летописный свод «Повесть временных лет» монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, написанная им в начале XII в. Описывая исторические события, автор менял свой взгляд в зависимости от ситуации, как правило, возвышая христианскую церковь и деятельность киевских князей. Все это было сделано для того, чтобы показать значение Киевской Руси в контексте мировой истории и влияние народа на историю других государств.

Не секрет, что существует ряд профессий: дипломатия, политика, военное искусство и др., в ходе которых актеры скрывают свои истинные намерения и цели, используют различные ухищрения и манипулируют объектами воздействия. Такая профессиональная деятельность тесно связана с социально-

политическим заказом, когда субъекты полагают, что их деятельность будет одобрена обществом и им поддержана. Таким образом, истина искажается и происходит подмена ценностных ориентиров, иначе говоря, люди начинают верить лжи.

Но ложь не может быть представлена обществу в открытом виде. На подготовительном этапе осуществляется пропаганда этих ложных ценностей. А так как она действует в обществе, то принимает форму социальной пропаганды. С легкой руки французского социолога Жака Эллюля такого рода ненамеренная пропаганда получила довольно необычное название – социологическая пропаганда. Рядом с социальной стоит и политическая пропаганда. Политическая пропаганда в отличие от социальной преследует политические цели, такие как разжигание социальной вражды или манипулирование большим числом населения в угоду малой группе. Политическая пропаганда – всегда преднамеренная попытка воздействия на массы, тогда как социологическая пропаганда появляется спонтанно, она не является результатом преднамеренного пропагандистского действия [2].

Считается, что свое начало политическая пропаганда получила в годы Первой мировой войны. Эта война создала каноны, которые действуют и до настоящего времени. Главная задача пропагандистов во все времена – перебороть сильнейшее психологическое сопротивление собственных граждан. В начале XX в., впрочем как и сейчас, никто не хотел разбираться в хитросплетениях мировой политики, чтобы понять, почему она приводит к разрухе, голоду и смерти. В любое время, в любом обществе найдется протестный слой общества, готовый пойти на баррикады против собственного правительства, лишь бы не было войны (и Россия здесь не исключение). В 1914 г. таким социальным слоем были рабочие. Так у правительства Германии были серьезные причины опасаться социал-демократов, а у правительства Великобритании – лейбористов. В результате, влиятельные чиновники из числа английских либералов использовали все возможные методы, чтобы предотвратить участие страны в надвигавшейся войне. Создавая образ врага, общество начинало верить в него, ненавидя его все больше и больше. Подмена ценностных ориентиров привела в Первую мировую войну к многочисленным жертвам с обеих воюющих сторон, революциям и отставанию в развитии многих государств.

Сегодня также можно найти массу примеров, когда политическая пропаганда приносит в жертву историю и влияет на судьбу народов. События на Украине, связанные с разжиганием вражды между родственными народами, с неприятием всего русского, с переписыванием истории, восхвалением украинских националистов (С. Бандеры и др.), нападками на Петра I и других представителей отечественной истории со стороны выглядят нелепыми до неприличия. Когда у власти заканчиваются реальные аргументы, в ход идет пропаганда. Однако это работает. В дестабилизирующий процесс оказалась вовлечена даже Православная церковь. Константинопольский патриарх Варфоломей начал подготовку автокефалии (независимости) украинской православной церкви от Московского Патриархата, отменив 11 октября 2018 г.

решение патриарха Дионисия IV и Синода Константинопольского патриархата, согласно которому в 1686 г. Киевская митрополия перешла в состав Московского Патриархата навечно.

Таким образом, можно сделать вывод, что истина, ложь и пропаганда в политике идут рука об руку. В поисках истины общество может заблуждаться и нередко идти по ложному пути, однако нельзя отрицать, что именно пропаганда зачастую становится действенным инструментом создания и аргументации ложного пути.

Список использованной литературы:

1. Батищев Г.С. Истина и ценности // Познание в социальном контексте. – М.: РАН, 1994. – С. 61 - 78.
2. Белоусов А.Б. Что такое социологическая пропаганда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2018. – № 3. – С. 110-122.
3. Белоусов А. Гимн ненависти: каноны пропаганды в Первую Мировую Войну. URL: https://republic.ru/world/gimn_nenavisti_kanony_propagandy_v_pervuyu_mirovuyu_voynu-1138037.xhtml (дата обращения: 12.10.2018)
4. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью. – М.: Эксмо, 2003. – 112 с.
5. Лукманова, Р.Х. Гармоническая многомерность истины: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016.
6. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 576 с.

ЛЯПАНОВ А.В., ШЕШЕНИНА А.А.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
г. Владимир, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О ФАЛЬСИФИКАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В современном мире фальсификация активно применяется и распространяется в различных сферах общественной жизни. Феномен фальсификации в исторической науке давно выявлен. Он распространен в России и в других странах мира. Борьба с этим явлением неустанно ведется с момента его появления. Одной из особо пораженных фальсификацией сфер является наука. В значительной степени страдают гуманитарные знания.

В отечественной науке интерес к этой проблеме значительно возрос на рубеже XX-XIX веков. Большое количество специалистов стали затрагивать эту тему в своих работах. В качестве примера можно привести руководителя Федеральной архивной службы России члена-корреспондента РАН Козлова В.П. Он написал две обширные работы, посвященные фальсификации письменных источников: «Обманутая, но торжествующая Клио (Подлоги

письменных источников по российской истории в XX веке)», «Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII XXI веков» [2,3]. Искажение истории находит свое отражение и в литературных произведениях. В 2009 году был сделан особый шаг, направленный на противоборство дальнейшего разрастания этого явления. Был подписан указ Президента РФ Д.А. Медведева от 15 мая 2009 г. № 549 «О комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» [6].

Такое большое внимание проблеме говорит о ее обширности и значимости. Искажение исторических знаний может привести к потере национального самосознания при фальсификации фактов о национальных движениях; к обесцениванию великих побед, если ложно трактуются события Второй мировой войны; к искоренению такого понятия, как патриотизм при некорректном рассмотрении периода «сталинизм».

При этом, вопрос о том, что же считать фальсификацией исторических знаний не достаточно ясен. Подлоги исторических источников, бесспорно, являются искажением фактов и научным преступлением. «Хождение Иванова Олельковича сына Наугородца» использовавшийся в работах «Путь на Грумант», «По студеным морям» К. С. Бадигиным как источник был признан современной подделкой [1]. Фальсификацию можно связать с ведущейся борьбой в 40-50 годы с «космополитизмом». Другой аспект фальсификации это принижение или вовсе уничтожение значений деятельности государства или отдельных личностей в истории. В настоящее время остро стоит вопрос о вкладе Советского союза в победу над фашизмом. Распространено мнение, что роль советско-германского фронта не столь уж и велика. Существуют точки зрения, что СССР развязало войну совместно с Фашисткой Германией. В 1995 г. в Вашингтоне праздновали 50-летие победы во Второй мировой войне, представители России на это торжество приглашены не были. Это был оскорбительный момент для страны. Исторические «мифы» порождают не только путаницу, но и влияют на внешнеполитические отношения государств. К фальсификации также можно отнести «иносказание». Отождествление разных понятий или явлений так же искажает историческую действительность.

Отдельный вопрос, является ли сокрытие фактов, источников фальсификацией истории. После событий 14 декабря 1825 года в течение нескольких лет появилось огромное количество трудов и исторических работы, связанных восстанием декабристов. Барон М. Корф писал свои работы, толкуя восстание в соответствии с официальной правительственной концепцией. В его трудах «Историческое описание 14-го декабря и предшествовавших ему событий», «Четырнадцатое декабря 1825 г.», «Восшествие на престол императора Николая I» не были освящены проекты преобразований, не говорилось об идеях декабристов. Сокрытие фактов по своей сути не является фальсификацией. При поверхностном изучении таких случаев, действительно, можно прийти к выводу, что здесь не присутствует сознательное искажение исторических событий. Но при подробном изучении выявляются грубейшие нарушения при сокрытии источников или определенных данных.

«Фальсификацию истории в узком прагматичном смысле можно определить как, сознательное искажение исторических фактов, их тенденциозную трактовку, выборочное цитирование и манипуляции с источниками с целью создания искаженного образа исторической реальности» [4]. Умолчание фактов или сокрытие источников ведет к неправильной трактовке исторических событий. Такое отношение к фактам искажает историческую действительность. М. Корф считал декабристов «сборищем цареубийц». Он писал «Горсть безумцев, чуждых святой Руси, без корней в прошлом и перспектив в будущем». Фальсификация–умолчание характерно не только для монархии. При праздновании пятидесятилетия первого полета человека в космос, на плакатах со шлема Гагарина исчезли буквы «СССР». Необходимо понять, почему искажаются исторические факты. Для этого следует обратить внимание на причины фальсификации истории.

Самая распространенная причина фальсификации – это государственная политика. Инициатива по умолчанию проектов преобразования декабристов была осуществленная со стороны правительства. М. Корф, как и многие другие, кто в своих работах не освещал идеи молодых дворян, был приверженцем охранительно-монархической концепции. Такой подход изучения был призван сохранить самодержавный строй в государстве, опубликование такого рода материала могло подорвать существующие порядки, что было недопустимо.

Фальсификация истории со стороны других государств происходит для поднятия авторитета и патриотических чувств населения. Не малую роль в таком искажении фактов играет политика. Украинская история изобилует фальсификациями и все они связаны с Россией и русским народом. Считается, что число жертв в Хатыни искажено советскими историками в сторону значительного увеличения, часть преступлений в районе Бабьего Яра выдумкой, гетман Мазепа, предавший Россию и перешедший на сторону врага — Швеции, поступил как национальный герой Украины.

Еще одной причиной фальсификации исторического прошлого является недостаточная обоснованность, проверка выдвигаемых концепций, теорий. В современном мире каждый человек может выдвинуть свою концепцию и пересмотреть все существующие догматы науки. Зачастую это совершают люди, не имеющие никакого специального образования. Выкладывая свои «теории» в сети Интернет они стимулируют распространение исторических мифов. Зачастую такие «ученые» не опираются на источники. А если и включают их в свои работы, то крайне непрофессионально подходят к изучению материала. Публикуя свои «теории» в сети Интернет они стимулируют распространение исторических мифов. Большое количество людей могут ознакомиться с работой и принять искажение за реально существующие факты.

К сожалению, Комиссия при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России прекратила свое существование с указом Президента Российской Федерации от 14 февраля 2012 года № 183 указ № 549 [6]. Но борьба против

искажения исторического прошлого не прекращается.

В истории, как и в любой другой науке, не должно быть места фальсификациям и мифам. Ложные теории и концепции должны активно опровергаться, подобные труды признаваться антинаучными.

Список использованной литературы:

1. Вяземский Е.Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования 2012, №1, 28-43
2. Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио (Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке) / Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2001.
3. Козлов В.П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII - XIX веков. – М., 1996
4. Мелетинский Е.М. Миф и двадцатый век / Избранные статьи. Воспоминания. – М.: 1988.
5. Мифы и мифология в современной России / Под ред.К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. – М.: АИРО-XX, 2000.
6. Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. №549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» // URL: <http://archives.ru/documents/decree/ukaz549.shtml>

МАГОМЕДОВ К.М.

Дагестанский государственный университет. г. Махачкала, Российская Федерация

О НЕКОТОРЫХ НЕГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ИМИТАЦИЯХ ИСТИНЫ

Традиционно проблема истины разрабатывается в рамках гносеологии и эпистемологии. Это, конечно, в целом, справедливо; все основные составляющие метрики истинности имеют гносеологическое измерение и связаны со знанием, познавательным отношением человека к миру и самому себе. Именно в таком аспекте проблема истины поставлена и решается в классической, неклассической и современной постнеклассической культуре. Так ее понимают и в корреспондентской, когерентной, практико-прагматической и иных концепциях истинности. Отметим также, что такое измерение истины имеет наиболее длительную историю изучения, она разрабатывалась и разрабатывается во всех основных философских парадигмах: западных и восточных, материалистических и идеалистических, монистических и дуалистических, рационалистических и иррационалистических, модернистских и постмодернистских, и многих других. Подобное же видение

истины было характерно для философии марксизма, позитивизма, постпозитивизма, феноменологии, герменевтики и т.д.

При этом, необходимо отметить, что в истории культуры произошла чрезмерная «гносеологизация» проблематики познания и метрики его истинности, что объясняется, пожалуй, авторитетом Платона, Аристотеля и марксизма. Поэтому в современной постнеклассической науке все чаще и чаще говорят о недостаточности чисто гносеологического подхода к проблематике истины. Возникли многие негносеологические концепты истинности, которые можно назвать *имитациями истинности*, как это вынесено в названии данной конференции. Об этом и пойдет речь в настоящей статье.

Особенно велика в гносеологической метрике видения мира роль мыслительной стратегии, заданной еще Аристотелем в своей концепции истины, названной классической, согласно которой истина есть мера соответствия знания о действительности самой действительности. На фундаменте этой гносеологической познавательной матрицы им был задан определенный тип мышления, в которой непротиворечивость знания была выдвинута в качестве определяющей характеристики научного знания, подтверждаемой известными законами непротиворечия и «исключенного третьего».

К аристотелевской концепции истины приходится вновь обращаться потому, что в ней был задан достаточно узкий вектор в оценке действий механизмов истинности, который не удовлетворяет нас по многим соображениям. Вот некоторые из них:

- во –первых, в аристотелевской концепции истины присутствует лишь один вектор – от знания к действительности; второй же вектор – от действительности к знанию, хорошо разработанный Гегелем и объективным идеализмом в целом, полностью отсутствует. Таким образом, охватывается лишь половина познавательного дискурса. Еще неизвестно, чего больше в познавательной деятельности из этих двух векторов; наверное оба они одинаково важны и по содержанию, и по значению;

- во-вторых, хорошо известно, что такая бинарная матрица мышления, предполагающая достаточно строгое разделение на «истину» и «ложь», эффективная для естественнонаучного познания, не работает в осмыслении социально-гуманитарной проблематики. На базе этой логики возникло сциентистское мировоззрение, абсолютизирующее метрику естественнонаучного познания и не учитывающее ценности иных, вненаучных форм постижения мира;

- в-третьих, не случайно, диалектическая логика предложила более гибкую и более универсальную парадигму мышления, построенную не на аристотелевских логических законах, а на единстве противоположностей. Эту линию дальше продолжил на современном этапе постмодернизм, открыто провозгласивший своим лозунгом отказ от бинарно-оппозиционного, дихотомического мышления;

- в- четвертых, как важный шаг к более полной и справедливой стратегии

мышления, точнее и полнее отражающей познание социально-гуманитарных процессов, мы считаем переход к инклюзивной метрике мышления, преодолевающей односторонность, бинарность и дихотомичность традиционного мышления. Если последнее упорядочивает познавательный дискурс в соответствии с законами аристотелевской логики, то согласно инклюзивной логике мышления нельзя одну парадигму назвать истинной, а другую - неистинной. Согласитесь, в осмыслении гуманитарных процессов, например, в конфессиональном и межконфессиональном дискурсе или в вопросах этнической идентичности больше действует метрика *всеистинности*, при которой обосновывается сосуществование различных культурных форм, их единство в многообразии. Только такое инклюзивное мышление эффективно вписывается в теорию и практику современного мультикультурализма и культурного полицентризма;

- в- пятых, на фундаменте классической концепции истины возникло, так называемое гносеологическое измерение в постижении мира и человека, которое укореняется в культуре в течение двух тысячелетий, правильное в своей основе, но не столь универсальное [2;3].

Необходимо заметить, что гносеологическое измерение знания и метрика его истинностной оценки не является единственной, оно лишь часть многоаспектного постижения глубинных оснований бытия и человека. Тем более оно не является исторически первичной в динамике культуры. Его возникновение, пожалуй, было связано лишь с формированием субъектно-объектной парадигмы в культуре, когда у человека и человечества сформировалась способность постигать мир в формах *знания*. В условиях же господства мифологического сознания, в котором субъектно-объектное разделение еще отсутствует, и речи не могло быть о гносеологической оценке постигаемой действительности. Убедительным подтверждением отсутствия в мифологической культуре гносеологической метрики истинности знания является известный новозаветный сюжет из Тайней вечери, во время которой Иисус, отвечая своему ученику, апостолу Фоме, провозгласил «Я есмь истина ...». Сама формулировка этого высказывания указывает на полное отсутствие в познавательной культуре того времени гносеологического измерения мира и метрики истинности в постижении мира. Исходя из этого все последующие религии строили свое конфессиональное многообразие по этой негносеологической траектории видения мира и метрики истинности его постижения. И никакая гармония веры и разума, кем бы она ни провозглашалась, не может поколебать эту негносеологическую основу истинности, лежащую в основании любой современной религии.

Еще одной негносеологической метрикой истинности, хорошо разработанной и в античной философии, и экзистенциализмом, особенно М. Хайдеггером, является концепция *aletheia* – *алетейя*, что означает непотаенность, несокрытость, открытость для человека. Она, в отличие от классической гносеологической истины, не скрыта в «дебрях» познания, а только «сокрыта»; надо только уметь ее увидеть. Эта истина, как алетейя, не есть результат познания объективного мира, внешнего и независимого от

человека; она - та заветная точка, в которой вещи и процессы открываются нам, становятся понятными в своей сущности и многообразных формах проявления. Это открытие мира далеко не всегда связано с познавательным к нему отношением; в нем всегда участвуют такие механизмы, которые трудно и, даже невозможно, выразить в категориях знания и познания.

Именно поэтому М. Хайдеггер говорит в своем знаменитом произведении «Бытие и время»: быть истинным, значит быть раскрывающим. То есть, истинность – это выражение меры открытости мира. И когда случается такое событие бытия в истине, оно переворачивает, потрясает человека [4, с.219].

Сейчас все чаще и чаще гуманитарии и религиоведы говорят о праве на существование *символической* концепции истины, которое также не укладывается в прокрустово ложе гносеологической метрики миропонимания [1].

Действительно, в гуманитарном знании и в религиоведении мы на каждом шагу убеждаемся в глубине символической и метафорической оценки мира, которое, как правило, не укладывается в метрику гносеологического видения мира. Например, суждение «Волга впадает в Каспийское море», которое часто приводится в учебниках по формальной логике, как пример предложений, истинность которого не вызывает сомнений. А теперь приведем известные слова из замечательной песни в исполнении Марии Пахомовой, хорошо знакомые нашему взрослому поколению: «Кто сказал, что Волга впадает в Каспийское море? Волга впадает в сердце мое!». По большому счету, если следовать канонам классической логики, истинно первое суждение, а второе ложно. Согласитесь, язык не поворачивается, чтобы произнести такое в отношении этой замечательной поэтической метафоры. Ведь автор этой песни и знаменитая певица правы не меньше, чем ученый, провозглашающий первый тезис.

Или, например, библейский сюжет о том, как Иисус пять хлебами и двумя рыбами накормил 5000 человек и при этом еще осталось 12 коробов. Глупо проверять данное суждение через корреспондентские механизмы соответствия или несоответствия действительности. Речь идет об искреннем и бескорыстном желании Иисуса помочь всем. Без чудес это было бы невозможно. И таких примеров в любом Священном писании великое множество. Объявлять их иллюзорными и ложными, как делает воинствующий атеизм и радикальный сциентизм, я бы не стал. Речь идет о метафорическом видении мира и символической концепции истины, на которой построена вся наша духовность, нравственная, этническая и конфессиональная идентичность.

Список использованной литературы:

1. Билалов М.И. Символическая модель истины в проблеме осмысления ислама // Исламоведение, 2016, №1. – С.59-66.
2. Магомедов К.М. Гносеологические и негносеологические концепции истины Актуальные проблемы современной науки: взгляды молодых ученых. Материалы Всероссийской научно-практической

конференции г. Грозный, 13 мая 2016 г. Махачкала: Алеф, 2016. – С.371-377.

3. Магомедов К.М. Гносеологическое и негносеологическое измерения знания и особенности метрики оценки его истинности // Поиск истины в пространстве современной культуры», СПб 24-25 октября 2017 г. – СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – С.22-27.

4. Хайдеггер М. Бытие и время. - М.: ad Marginem, 1997. – 452 с.

МИСЮРОВ Д.А.

Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК), г. Москва, Российская Федерация

ДИАЛЕКТИКА ИСТИНЫ И ЛЖИ: МОДЕЛИРОВАНИЕ С ПОМОЩЬЮ ДИАЛЕКТИЧЕСКИХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ СХЕМ И ДИАЛЕКТИЧЕСКИХ ФОРМУЛ НА ОСНОВЕ ДВОИЧНОГО СЧИСЛЕНИЯ

Проблему истины, ее развития, важно рассматривать диалектически, в диалектике истины и лжи. Имитация истины здесь относится ко лжи.

Для моделирования эволюционно-революционного диалектического развития разрешением противоречий предлагаются диалектические диалогические схемы и диалектические формулы на основе двоичного счисления [1].

В общем случае, развивающий диалектический диалог X и Y с выходами на новые уровни X' и Y' и т.д.:

$X - Y -$

$X' - Y' -$

И т.д.

Здесь зрелое противоречие X и Y разрешается скачком на новый уровень X' , и т.д.

Отрицание отрицания, где X выходит на новый уровень X' посредством Y , революционным переворотом: $X - Y - X'$

Отрицание отрицания, Y выходит на новый уровень Y' посредством X' , революционно: $Y - X' - Y'$

При формализации диалектического развития Истины и не-Истины приходим к диалектике Истины и Лжи в качестве противоположностей, к диалогическому развитию:

Истина – Ложь –

Истина' – Ложь' –

И т.д.

Разрешение зрелого противоречия первичной истины и лжи выводит на новый уровень развития истину, и т.д.

Отрицание отрицания, когда посредством лжи истина выходит на новый уровень: Истина – Ложь – Истина'.

Отрицание отрицания, когда посредством истины ложь выходит на новый уровень: Ложь – Истина' – Ложь'.

Селективная диалектика, разумный выбор между истиной и ложью в пользу истины есть культивирование истины в многоуровневом развитии:

Истина – Истина’ –

Истина’’ – Истина’’’ –

И т.д.

Отрицание отрицания: Истина – Истина’ – Истина’’.

Отрицание отрицания: Истина’ – Истина’’ – Истина’’’.

Здесь новая истина, диалектически, с взятием ценного, отрицающая предыдущую, становится базовой для критического диалектического развития следующей истины, и т.д.

Преодоление ложных теорий подразумевает взятие ценного и у них. Путь от мифа к логосу, не исключает, к примеру, учета с переработкой некоторых сказочных составляющих, в т.ч. символических, диалектических. Как верно замечено поэтом, сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам – урок.

Для диалектического диалогического развития истины (и) и лжи (л) в модели с символическими весами:

И1 – Л2 –

И’4 – Л’8 –

и т.д.

Чем весомее истина, тем весомее должна быть ложь, пытающаяся отрицать эту истину. Соответственно, для отрицания лжи важна более весомая истина, и т.д. Ложь может выборочно культивироваться, в т.ч. с превращением в товар на капиталистическом рынке:

Ложь – Ложь’ –

Ложь’’ – Ложь’’’ –

И т.д.

Поскольку имитация истины отнесена здесь к разновидности лжи, можно создать модель:

Истина – Имитация истины –

Истина’ – Имитация истины’ –

И т.д.

Отрицание отрицания, когда истина выходит на новый уровень посредством имитации истины: Истина – Имитация истины – Истина’.

Отрицание отрицания, когда имитация истины выходит на новый уровень посредством нового уровня истины: Имитация истины – Истина’ – Имитация истины’.

Модель с символическими весами:

Истина¹ – Имитация истины² –

Истина’⁴ – Имитация истины’⁸ –

И т.д.

Чем более весома имитация истины, тем больший вес должна обрести истина, ее отрицающая.

Для диалектического учета всех элементов в развитии предлагаются многоуровневые эволюционно-революционные диалектические формулы на

основе двоичного счисления, где используются доминанты (обозначены прописью, соответствие 1) и недоминанты (обозначены строчно, соответствие 0), в конце эволюционного уровня возникает зрелое противоречие доминант, разрешаемое революционным скачком на новый уровень с появлением новой доминанты, и началом нового эволюционного уровня, etc:

ух(00) – уX(01) – Yx(10) – YX(11) –
 X'ух(100) – X'уX(101) – X'Yx(110) – X'YX(111) –
 Y'x'ух(1000) – и т.д.

Соответствующая модель развития истины и лжи – это указание на возможные состояния в диалектическом развитии:

ли(00) – лИ(01) – Ли(10) – ЛИ(11) –
 И'ли(100) – И'лИ(101) – И'Ли(110) – И'ЛИ(111) –
 Л'и'ли(1000) – Л'и'лИ(1001) – Л'и'Ли(1010) – Л'и'ЛИ(1011) –
 Л'И'ли(1100) – Л'И'лИ(1101) – Л'И'Ли(1110) – Л'И'ЛИ(1111) –
 И'л'и'ли (10000) – и т.д.

Подробнее, интерпретация по эволюционным уровням и революционным скачкам:

ли – первичный, неразвитый синтез истины и лжи. лИ – доминанта истины.

Ли – доминанта лжи. ЛИ – зрелое противоречие доминант истины и лжи.

Разрешение зрелого противоречия ЛИ революционным выходом к новому уровню истины ЛИ – И'ли, с дальнейшей комбинаторной эволюцией:

И'ли – доминанта новой истины. И'лИ – диалектика доминант новой и старой истины. И'Ли – диалектика новой истины и старой лжи. И'ЛИ – диалектика, зрелое противоречие новой истины и старых лжи и истины.

Разрешение зрелого противоречия И'ЛИ революционным скачком, переворотом И'ЛИ – Л'и'ли, с дальнейшей эволюцией:

Л'и'ли – доминанта нового уровня лжи. Л'и'лИ – диалектика доминант новой лжи и старой истины. Л'и'Ли – диалектика новой лжи и старой лжи. Л'и'ЛИ – диалектика новой лжи, старой лжи, старой истины. Л'И'ли – диалектика новой лжи и новой истины. Л'И'лИ – диалектика новой лжи, новой истины и старой истины. Л'И'Ли – диалектика новой лжи, новой истины и старой лжи.

Л'И'ЛИ – диалектика, зрелое противоречие новой лжи, новой истины, старой лжи, старой истины.

Разрешение зрелого противоречия Л'И'ЛИ революционным выходом на новый уровень переворотом Л'И'ЛИ – И'л'и'ли – и т.д.

Эволюция на отдельных уровнях перебирает возможные варианты из существующих элементов (можно даже выделить эволюционные шаги между возможными комбинаторными состояниями), а революция дает скачок на новый уровень, с образованием доминанты качественно нового элемента, и т.д.

Модель, в частности, указывает, что в различных состояниях важно говорить о доминантах и недоминантах составляющих. Если принять, что вес недоминант равен нулю, то важно соотношение весов доминант. Например, в скачке Л'И'ЛИ – И'л'и'ли веса Л'8И'4Л2И1 – И''16л'0и'0л0и0.

Соответствующую модель можно составить для истины и ее имитации.

Диалектические диалогические схемы и диалектических формул на основе двоичного счисления позволяют моделировать эволюционно-революционное развитие, могут помогать в алгоритмизации исследований.

Список использованной литературы:

1. Мисюров Д.А. Моделирование развития с помощью диалектических формул на основе двоичного счисления. Москва, 2013. 352 с.

МИТРОФАНОВ А. А.

СевероКавказский социальный институт, г. Ставрополь, Российская Федерация

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Общество как социокультурная система есть органический синтез культуры и социальности, на базе которого складывается присущая только ей ментальность, собственная система истины и знания, собственная философия и мировоззрение, своя религия и образцы “святости”, собственные представления о справедливом и недолжном, специфические формы искусства, свои нравы, законы, кодекс поведения, свои доминирующие формы социальных отношений, собственная экономическая и политическая организации, собственный тип личности со свойственным только ему менталитетом и поведением. Общество как социокультурная система предполагает упорядоченную совокупность представлений членов общества и социальных групп, различающихся по уровню своего (индивидуального и общественного) сознания.

Современные социокультурные трансформации принесли с собой радикальную переоценку существовавших ценностно-нормативных систем, а смена ценностей, в свою очередь, влияет на изменения общественной системы, поскольку именно ценности лежат в основании культуры. При этом нельзя не принимать во внимание то, что множественные изменения в информационной сфере породили риски для успешного функционирования публичной сферы и значительно расширили возможность манипуляции информацией. “В нынешних условиях “поздней современности” весь мир будущих событий открыт для преобразования людьми – в тех пределах, которые, насколько это возможно, устанавливаются в результате оценки риска” [5, с. 67].

В мире, где исполнение ролей и следование нормам переносится в виртуальную плоскость, социальные институты также становятся лишь образом, частью новой “игры образов”. Виртуализация реальности, также постоянный рост сферы влияния её на реальный мир, вот две тенденции, которые явно указывают на увеличение значения виртуальности в современном мире. Специфические характеристики виртуального пространства коммуникации, темпы развития этой новой реальности заметно опережают

эволюцию объективного мира. Любые мыслимые характеристики могут лечь в основу при формировании данной виртуальной модели действующей реальности, при этом скорость построения её практически не ограничена. Каждый теперь имеет возможность создать свой собственный мир, конструировать свою реальность, основываясь лишь на своих желаниях и специфике своего восприятия, а не изменять себя, свою личность в попытках подстроиться под особенности окружающей его объективной действительности.

В современном мире господствуют симулякры, в результате чего на смену упорядоченному миру приходит другой и в результате предпочтение порой отдаётся плюралистичному и фрагментарному. Но оригинальность практической реализации заключается в умении анализировать состояние духовно нравственной жизни общества с позиции “уникальной человеческой истории” (Ж. Бодрийяр): необходимо выработать новое направление рефлексии в сознании индивида, предполагающее логику восприятия данных реальностей бытия в системе экзистенциально-ценностных отношений, выделяя впоследствии наличие особого уровня внутреннего мира человека. Разнородные по “материалу” симулякры обнаруживают глубокие структурные и стадийные сходства, их развитие происходит не как постепенный, неравномерный взаимопереход, а как общая структурная революция. Разные сферы общества меняются, используя прежнюю форму (знак) как материал для симуляции. В работе “Символический обмен и смерть” Ж. Бодрийяр сосредоточивает своё внимание на социальных сторонах симуляции и выдвигает тезис об «утрате реальности» в постмодернистскую эру, на смену которой приходит “гиперреальность”. Симуляция – понятие постмодернистской философии, фиксирующее феномен тотальной семиотизации бытия вплоть до обретения знаковой сферой статуса единственной и самодостаточной реальности. В рамках рассуждений представителей постмодернизма симулятивной становится именно темпоральность, захваченная бесплодным “колдованием репрезентации”, “самоповторением” и “самоотражением” [1]. Проблема симулякра связана с проблемой темпоральности, где разрыв, “отсроченность” создают возможность искажения, симуляции реальности.

Укоренение симуляции в социальном пространстве тесно переплетается с тем, что С. Жижек обозначил как “идеологический симптом”. Симуляция социальной действительности, поддержания видимости становится единственной возможной социальностью; ложь в идеологизированном социуме, гораздо в меньшей степени вымысел, чем истина [2]. Пространство виртуальной реальности базируется на перцептуальном типе пространства. Миф, как способ восприятия является наиболее ограниченным для человека находящегося под воздействием средств мгновенной электронной информации. Эмоционально-образное, мифологическое восприятие мира является имманентным человеческой культуре уже с первых этапов её существования. Мифологическое мировосприятие, предполагает единство человека и окружающей среды, его равнонаправленную включённость в цепь

взаимодействий, определяющей результат того или иного события. М. Кастельс, подчёркивает, что новую коммуникационную систему, основанную на цифровой, сетевой интеграции множества видов коммуникации, характеризует, прежде всего, включение и охват ею всех проявлений культуры [3]. Виртуальные социальные сети сегодня являются не только новой формой взаимодействия их пользователей, но и представляют собой принципиально новый социальный феномен, оказывающий влияние на многие сферы человеческой жизнедеятельности. “Парадигма постмодернизма и глобализации признала многообразие мира, реального плюрализма жизненных форм и предложила практически использовать это разнообразие для обобщения совокупного опыта совместного бытия людей” [4, с. 59].

Список использованной литературы:

1. Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000.
2. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000,
4. Лукьянов Г.И. Концептуальное обоснование риска в контексте социальной реальности // Философия и культура. 2011. №11(47). с. 59-65.
5. Лукьянов Г.И. Рок и риск // Философские исследования. 2004. №2(35). с. 62-70.

НОВИКОВ В.Т.

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
ДИАЛЕКТИКА ИСТИНЫ И ПОЛЬЗЫ В ХРОНОПОЛИТИКЕ

Характеризуя ценности и приоритеты общества XX века, Н. А. Бердяев писал, что «мы живем в эпоху, когда истину не любят и ее не ищут. Истина все более заменяется пользой и интересом, волей к могуществу. Нелюбовь к истине определяется не только нигилистическим или скептическим к ней отношением, но и подменой ее какой-либо верой и догматическим учением, во имя которого достигается ложь, которую считают не злом, а благом» [1, с. 288]. В этом смысле показательной является хронополитика, которая выступает как система знания и социальная доктрина, целью которой является рассмотрение влияния фактора исторического времени на политический процесс и использование этого знания в практической деятельности. Концептуальную фундированность хронополитике придают философские основания атрибутивной трактовки времени, согласно которой специфика социального времени состоит в том, что в отличие от астрономического времени оно является временем бытия людей и его течение определяется их потребностями, интересами и целями. Иными словами, не люди существуют во времени, а,

наоборот, социальная реальность зависит от действий людей. Она целенаправленно конструируется ими в их деятельности – знания об обществе не просто отражают реальность, они способны *объективироваться* и посредством материально-преобразующую деятельность изменять ее. Важной в этом смысле является позиция Ж.-П. Сартра, отмечавшего: «Мы должны понять, что ни люди, ни их действия не находятся во времени: время, как конкретное свойство истории, создается людьми на основе их изначального времяполагания» [3, с. 113].

Хронополитика ориентирована на осуществление социальных действий – экономических, политических, культурных, исходя из гармонизации скорости, ритма и темпов их осуществления. Это реальная проблема, учитывая, что в наиболее быстрые изменения происходят в сфере политической жизни и государственного устройства, заметно медленнее осуществляется реформирование и модернизация хозяйственного механизма и существенно отстают от них преобразования в сфере духовной культуры. В этой связи в быстро меняющемся современном мире актуальным является сохранение исторической памяти, основанной на освещении событий прошлого и настоящего как *истинного* знания о них. Применительно к духовному климату общества можно в таком случае сказать, что для него возникает реальная опасность исторического *беспамятства*, которое оборачивается *манкуртизмом*, суть которого в художественной литературе была раскрыта Ч. Айтматовым, а сам термин приобрел метафорический смысл. Манкуртизм как культурно-историческое явление выражается в утере духовности и, в итоге утере жизненных перспектив. Таким образом, в современных условиях возникает значимая для современного мира проблема сохранения *исторической памяти*, без чего, невозможно создание условий для достижения в обществе атмосферы взаимоуважения и единства.

Казалось бы, что эта задача должна быть приоритетной как для научной историографии, так и для общественности в целом, поскольку речь идет о национально-культурном достоянии народа, его истории. Однако реальная жизнь оказывается более сложной и свидетельствует о том, что поиск исторической истины не является самоцелью, а открытые новые исторические данные, которые рассматриваются как исторические факты и интерпретируются как исторические *истины* способны радикально изменить картину реальности и дестабилизировать общество.

В этой связи обратим внимание на взаимосвязь проблемы раскрытия и сохранения исторической истины с проблемой *забвения* событий прошлого как политической установкой государства. Тем самым, возникает дилемма, сущность которой П. Рикёр характеризует фразой «управляемая амнезия», а ее назначение усматривает в преодолении кризиса *идентичности* сообщества. В этой связи обратимся к двум историческим фактам.

В первом случае, ссылаясь на анализ «Афинской конституции» Аристотелем П. Рикёр рассматривает содержание указа, изданного в 403 году до н.э. в Афинах в результате победы демократии над олигархией «Тридцати тиранов». Он отмечает его двоякий характер: это одновременно и документ и

обязательно произносимая каждым гражданином полиса клятва. По словам философа, в ней «торжественно провозглашается, что война закончена: сражения, о которых говорит трагедия, становятся прошлым, и о нем не следует вспоминать. И в заключение анализа этого исторического факта, лапидарно, и на первый взгляд парадоксально, но, по сути, верно, формулируется инструментальное назначение данной клятвы для каждого отдельного человека и полиса в целом – «не забыть о необходимости забыть» [2, с. 627].

Второй, не менее показательный исторический факт, свидетельствующий об актуальности обращения к процедуре амнистии как средству, позволяющему, с одной стороны, сплотить людей в формирующуюся нацию на основе политики *толерантности*, а, с другой, – осуществить процедуру «управляемой» амнезии исторической памяти, относится к истории Франции Нового времени. Эта амнистия была призвана сохранить преемственность культурного развития социума, утвердить его верность традиции и, в то же время, разрешить предельно острую проблему достижения взаимопонимания и терпимости в отношениях между католиками и протестантами как представителями разных конфессий христианской религии. Речь идет о знаменитом Нантском эдикте, провозглашенным королем Генрихом IV в 1598 году и содержащим особую модель амнистии участникам религиозных войн. В нем, в частности говорится: «Мы запрещаем всем нашим подданным, независимо от их происхождения и положения в обществе, вспоминать об этом, нападать друг на друга, проявлять злопамятство, оскорблять друг друга, попрекая тем, что произошло, каковы бы ни были причина и предлог для этого, ссориться, спорить, браниться, обижать друг друга словом или действием; они должны обуздывать себя и жить совместно в мире, как братья, друзья и сограждане, а нарушители сего будут наказаны как нарушители мира и возмутители общественного спокойствия» [2, с. 627 – 628]. Здесь очевиден императивный стиль, в отличие от клятвы, характерной для государственного документа, не допускающий интерпретаций и требующий безусловного следования *сформулированному* *нормативному* акту. Следовательно, содержащаяся в Нантском эдикте модель *амнистии* участникам противостояния католиков и гугенотов во Франции, предусматривала достижение нескольких целей – преодоление последствий межконфессионального конфликта, укрепление толерантности, религиозной терпимости и разрешение кризиса идентичности формирующегося французского общества.

Таким образом, воплощение хронополитики предполагает формирование у политика умения сопоставлять, оценивать и, с учетом социально конъюнктуры и соблюдения государственных интересов, которые всегда связаны с сохранением стабильности общества, дифференцировать, различать понятия истины и пользы в освещении исторических событий. Дело заключается в том, что политика «управляемой амнезии», наряду с отмеченными достоинствами, характеризуется высокой степенью социального риска. Ведь, если бы она «могла привести — а этому, к сожалению, ничто не

препятствует – к упразднению тонкой линии демаркации между амнистией и амнезией, – пишет П. Рикёр, – то индивидуальная и коллективная память лишились бы шанса на спасительный кризис идентичности, делающий возможным новое трезвое присвоение прошлого с грузом его травмирующего опыта. Не способствуя такому присвоению, институт амнистии может отвечать только замыслу насущной социальной терапии, пребывая под знаком пользы, а не истины» [2, с. 629 – 630].

Социально-практическое значение данной проблемы очевидно, если мы обратимся к событиям, которые раскололи российское общество после Октябрьской революции 1917 года. Речь идет не только о его разделении по классовому признаку, а о том, что раскол радикально повлиял на историческую память народа, поскольку сама история возникает как нарратив, предполагая авторские интерпретации событий их участниками и потомками и допуская возможность их субъективной оценки. Применительно к исторической памяти это означает ее амбивалентный, внутренне противоречивый характер. И тут уже не соответствие исторического знания канонам научной рациональности и его *истинности*, выступает на первый план, а приоритетными становятся прагматические интересы, требующие от государства идеологической работы в пользу той версии изложения событий, которая способствует обеспечению единства общества и стабильности его динамики.

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995. 175 с.
2. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. 728 с.
3. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М., 1994. 240 с.

ОГНЕВ А.Н.

Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва, г. Самара, Российская Федерация

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В СВЕТЕ ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Философия как коммуникативная форма рационального присвоения предметности, удовлетворяющая метафизическую потребность человека как разумного смертного существа, призвана быть выражением истины, насколько последняя доступна для понимания, познания и постижения в сущностных аквизитах свободной субъективности, обобщаемых в тотальной конкретности понятия. Различие между пониманием, познанием и постижением обусловлено содержательными дистинкциями, связанными с разграничением а) подлинного, б) замещённого и с) превращённого содержания, которые, однако, могут тематизироваться при помощи одного и того же комплекта формализмов, при условии наличия форматива, гарантирующего исполнение презумпции аутентичности для исторически-проявленной тотальности большого стиля. При соблюдении этих условий имеет смысл говорить об истине в её классическом

нормативном статусе, устанавливающим эйдетиическую меру для предметного опосредствования единства бытия и мышления. Истина раскрывает себя в коммуникативной формации: 1) как интуитивно-умопостигаемое начало в эпоху архаики (когда всеобщее доминирует над содержанием самосознания), 2) как сущностная мера выражения предметного единства бытия и мышления в эпоху классики (когда достигается гармония между всеобщим и особенным) и 3) как индивидуальный аквизит самосознания в эпоху декаданса (когда субъективность модифицирует всеобщность на основании значимых ценностных предпочтений). Эти различия релевантны с точки зрения теоретического статуса истины как сущностного средоточия единства мысли и жизни, подлежащего пониманию, познанию и постижению на основании содержательных дистинкций.

Алетологическое воззрение, предполагающее возможность построения общей теории истины, утопично, поскольку оно игнорирует как формационные различия тематического диктума истины, так и различия в стилистических фазах между архаикой, классикой и декадансом. Главной иллюзией алетологии является неразличимость аксиологического и предметного (онтогносеологического) аспектов истины. В поле этой иллюзии возникает своеобразная алетологическая доксография, делающая истину сюжетной единицей и наделяющая её фантастическими агентивными свойствами, благодаря которым она предстаёт облачённой в атрибутивные ценностные эвфемизмы. Такого рода подход превращает истину в ключевой мировоззренческий антропоморфизм, вытесняющий всякое рациональное содержание и низводящий его до уровня некоего производного эпифеномена «истины». Истина становится предметом культа, переставая быть желанной и узнаваемой, а потому она становится несовместимой с приращением определённости в реальности конкретно-исторического обстояния. Тем не менее, алетологическая доксография на свой лад весьма поучительна, коль скоро в ней обнаруживается целая галерея догматизаций ценностных аспектов истины в абстрактно-метафизическом ключе в качестве потусторонних «сущностей», обладающих сакральным статусом. Важнейшими вехами на пути эмансипации истины от её мировоззренческой тени стали: 1) в античной коммуникативной формации скептицизм, 2) в средневековой – аввероистская теория двойственной истины, 3) в новоевропейской – учение П. Гассенди, избавившее истину от фатума догматической онтологизации. Однако, решающий вклад в рациональное понимание истины был внесён А. Шопенгауэром, разграничившим четыре аспекта истинности и покончившего с Истиной в культовом качестве: а) метафизическую, б) логическую, в) эмпирическую и г) трансцендентальную истинность. Стало очевидным, что назначение философской теории состоит в согласовании этих аспектов истинности, позволяющих различать три её основных значения: 1) достоверность, 2) вероятность и 3) транзитивность. Из сказанного становится очевидным, что все искажения истины будут связаны либо со смещением типологических критериев, либо с коммуникативными ожиданиями,

расходящимися с тремя названными значениями. Искажения первого рода возникают на типологической основе, а иллюзии второго рода базируются на эйдетической эмпатии. Наихудшим из искажений истины надлежит считать трансцендентальную подтасовку, соединяющую искажения первого и второго рода.

Онтогносеологическая концепция истины выходит к «полюемическому марксизму» советского философа-диалектика, эстетика, литературоведа и литературного критика М.А. Лифшица. Важнейшей вехой творческого развития М.А. Лифшица как самостоятельного марксистского диалектика стало его знакомство с Г. Лукачем, признававшим факт обратного влияния на него онтогносеологической концепции, суть которой состоит в признании универсальности реального и в раскрытии содержательного единства бытия и мышления через диалектический логос. Ведя борьбу с адептами «классовой психоидеологии», М.А. Лифшиц находился между Сциллой партийно-идеологического официоза и Харибдой критического ревизионизма, придерживаясь в качестве полемической условности формата ленинской «теории отражения», взятой им в качестве идиомы диалекта господствующей формы идеологического сознания. М.А. Лифшиц учил: «Где бытие, познаваемое наукой, лишено собственного смысла и всякой объективной связи с внутренним миром субъекта, там неизбежно явление особой «ценностно-ориентационной деятельности» самого широкого спектра – от ухода в религию до возрождения социальной утопии» [1, с. 185]. Именно в границах этого мировоззренческого спектра формируются идеологические фантазмы культурфилистерства, обольщающие разум экзистенциальными «глубинами», «диалогической открытостью» и «культурными смыслами». Так возникают, согласно М.А. Лифшицу, всевозможные имитативные практики теоретизирования, стремящиеся к установлению «участково-околоточной» [3, с. 45] истины, фальсифицирующие подлинную философию.

В средоточие онтогносеологии М.А. Лифшиц помещает учение об идентифицирующем состоянии, в котором сознание оказывается благодаря практической деятельности, обладающей статусом материального а priori, которая позволяет сознанию обнаружить в предметной коллизии опыта свойства «отражаемости», заключая, что «бытие и мышление тождественны не в бытии, не фактически, а в логосе, в разумном содержании и того, и другого» [5, с. 20]. Последнее приобретает идеальность посредством дистинкций диалектического мышления, ставящего вопрос о разумности мира в ключе классической теодицеи, но без её догматико-мировоззренческих коннотаций: «Истина есть, но лишь поскольку она включает неистину и исключает абстрактную истину» [4, с. 467]. Истина, таким образом, «даёт человеческому сознанию возможность, в меру исторического развития, подняться над конечными условиями, определяющими его возможности на старте» [2, с. 96]. В качестве сущностного признака истины в онтогносеологии выступает идеация «истинной середины», что предполагает её ключевую роль в процессе диалектического опосредствования бытия и мышления, идеального и реального, мысли и жизни. Имитативные концептуальные решения

складываются в мнимом фокусе, задаваемом в режиме трансцендентальной подтасовки. Они подлежат не просто критике, а последовательной теоретической дезактуализации вместе с теми предпосылками, которые позволяют осуществлять подмену живого содержания реальности мёртвыми абстрактными формализмами.

Список использованной литературы:

1. Лифшиц М.А. В мире эстетики. М.: Изобразительное искусство, 1985. 320 с.
2. Лифшиц М.А. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция. 2003. 368 с.
3. Лифшиц М.А. Собрание сочинений в 3-х томах. М.: Изобразительное искусство, 1984. Т. 1, 432 с.
4. Лифшиц М.А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». М.: Искусство XXI век, 2004. 512 с.
5. Лифшиц М.А. Varia. М.: Грюндриссе, 2010. 172 с.

ОСЬМИНИН В.Т.

г. Воронеж, Российская Федерация.

АБСОЛЮТНАЯ ИСТИНА И ЕЁ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

1. Трудно переоценить значение Истины и её определения в современном обществе. Ведь синонимами истины являются нравственные понятия: правда, справедливость, закон, Бог. Дав определение истине, мы сможем определиться и в таких понятиях, как ложь, заблуждение, имитация истины и других. В этой связи хочется выразить благодарность организаторам XIV Международной научно-практической конференции "Мировоззренческая парадигма в философии: истина и ее имитация" (ННГАСУ, 2018).

2. Итак, что мы можем узнать об истине и истинности утверждений из литературы и других современных источников информации?

Ниже в таблице приведены примеры часто встречающихся определений истины.

Таблица.

Примеры часто встречающихся определений истины.

п./п.	Наименование определения	Содержание определения
1	Корреспондентское или классическое	Истина – это знание, соответствующее действительности
2	Конвенциональное	Истина – это соглашение большинства
3	Когерентное	Истина – это свойство согласованности с уже принятыми

		знаниями
4	Практическое	Истина – это полезность знания
4	Религиозное	Истина – это Бог

Под Абсолютной Истиной понимается исчерпывающее достоверное знание, не подверженное изменениям. Под относительной истиной понимается ограниченное, неполное знание, обусловленное уровнем развития общества.

3. Так что же есть Истина? Это знание, соглашение, свойство, полезность, Бог или нечто другое, пока неизвестное и еще не определенное?

На помощь «западной» философской мысли вполне может прийти «восточная» мудрость. В самом начале «Дао дэ цзин» (выдающемся достижении древнекитайской мысли) находим: *«Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао»* [1, с.114]. Что, применительно к нашему случаю, вполне можно трактовать как: «Истина, которая может быть выражена словами, не есть постоянная истина». Это выражение вполне соответствует приведенному выше определению относительной истины. Но, что есть Абсолютная Истина? Что в нашем изменчивом мире можно назвать постоянным и неизменным?

4. Определение Абсолютной Истины возможно, оно соответствует действительности, содержит общеизвестные термины, не противоречит само себе и имеет практическую пользу: «Абсолютная Истина – это пустота».

Определить понятие – это значит подвести его под более широкое понятие и трудно найти более широкое понятие, чем пустота, отсутствие чего-либо, в том числе Бога, материи, большого взрыва и т.д. Пустота неизменна, по определению.

Например, известно, что первое начало термодинамики отрицает возможность существования вечного двигателя, который совершает работу, не черпая энергию из какого-либо источника. Где же находится источник, приводящий в движение Вселенную и ее части, в том числе и все процессы на Земле? Существует ли он вообще? Эти и другие вопросы, увы, пока остаются без убедительных ответов.

Практическая польза приведенного определения Абсолютной Истины заключается в том, что оно может стать ключом к новому пониманию того, как и из чего образуется мир, в котором мы живем. Взамен принципа «из ничего не может образоваться что-то», предлагается новый принцип, а именно, «всё образуется из ничего».

5. Рассмотрение этого определения Абсолютной Истины позволит решить не только «неразрешимые» научные проблемы, но и многие социальные, будет способствовать распространению здорового и трезвого образа жизни. Употребление психически активных веществ, например, алкоголя, приводит к кратковременному снятию боли, улучшению настроения, повышению творческой активности, но со временем приводит к привыканию, появлению зависимости, ухудшению здоровья и деградации личности. Знание Абсолютной Истины позволяет развенчать ложные представления о необходимости использования алкоголя в жизни, а здоровым и «зависимым» людям обрести

полную уверенность в том, что указанные выше цели можно достигать и другими способами. В современной медицине, основанной преимущественно на материалистических принципах, известно множество причин заболеваний человека. Соответственно предлагается и много различных мер по их профилактике и лечению. Однако, всё равно, болезнь приходит, как правило, неожиданно и возникает как бы из «ничего». Из «ничего» может начаться и выздоровление!

б. Выводы. Абсолютная Истина – это пустота. Данное определение, по мнению автора, соответствует всем перечисленным выше требованиям «истинности» утверждения, кроме «конвенционального». Последнее предполагает согласие большинства исследователей в этой области знания и требует времени для обсуждения и размышления. Тем более, что эта истина была уже косвенно выражена в «Дао дэ цзин» [1, с.114, п.4]. *«Дао пусто, но в применении неисчерпаемо. О глубочайшее! Оно кажется праотцем всех вещей. Если притупить его пронизательность, освободить его от хаотичности, умерить его блеск, уподобить его пылинке, то оно будет казаться ясно существующим. Я не знаю, чьё оно порождение, [я лишь знаю, что] оно предшествует небесному владыке».*

Список использованной литературы:

1. Дао дэ цзин. В переводе Ян Хин-Шуна. // Древнекитайская философия, Собрание текстов в двух томах. Том 1. М.: 1972. с. 114.

ПЕТРОВ В.П.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

ИСТИНА КАК СТРЕМЛЕНИЕ К ДОСТОВЕРНОСТИ

Проблема истины издревле волновала мыслителей. Истина – луч солнца, освещающий дорогу идущим. Не зря в одной из китайских гексаграмм говорится, что «если вокруг туман, внимательно посмотри, куда следует поставить ногу». Подчас на пути к истине возникает немало трудностей, и есть примеры её имитации. При этом необходимо понимать, в каких целях это делается, определить причины, мотивы такой имитации. В ряде случаев – это недобросовестность исследователей, заранее имеющийся замысел, отсутствие необходимых знаний, низкая квалификация. В результате мы имеем дело с искажением реальности, а истина предполагает достоверность. Поэтому стоит конкретизировать, что же является истинным, чего хочет человек, стремясь к истине.

В целом учение об истине является предметом гносеологии. Истина – это продукт познания, результат познавательной деятельности человека, то есть всех её компонентов: субъекта – объекта – средств – процесса – условий – продукта – системы – среды [1, с. 141]. Наше знание отражает объективно

существующий мир. То есть такой, каким он есть на самом деле, независимо от нашего сознания, которое принадлежит субъекту, следовательно, субъективно. Поэтому закономерно встаёт ряд вопросов: об истинности человеческого знания, о самой истине, о том, чем она достигается, каков критерий отделения истинного знания от ложного? В ходе познания человек может приходить не только к новому знанию, но и к непониманию. Поэтому возникают проблемы, требующие дополнительного исследования, оценки фактического материала, иной методологии.

Наше знание необходимо рассматривать как биполярное, оно одновременно 1) *вероятное* (гипотеза и проблема) и *достоверное* (теория); 2) *истинное* (истина) и *ложное* (заблуждение). Истина понимается как реалистическое знание, объективно и адекватно отражающее действительность, соответствующее ей, фактически удостоверенное. Ложное знание искажает реальность, неверно отражает действительность, не имеет достаточного и всестороннего фактического обоснования. Существует два вида ложного знания: заблуждение и ложь. Заблуждение – это ошибка, неумышленное, бессознательное, непреднамеренное искажение реальности; ложь – это преднамеренное, умышленное, осознанное искажение действительности.

В результате познания формируются основные его продукты: ложное знание; проблема (проблематичное знание); гипотеза (гипотетическое знание); теория (достоверное знание).

Истина представляет сложное диалектическое образование: она есть единство объективного и субъективного, абсолютного и относительного, абстрактного и конкретного. Данная поляризация необходима для понимания истины, а точнее – для понимания истинности продуктов познания.

Объективное в истине то, что её содержание не зависит ни от человека, ни от человечества; то, что содержится в истинном суждении, не зависит от сознания и воли человека (пример: вода – жидкость; свинец – металл).

Субъективное в истине то, что она является формой человеческой деятельности. Истина субъективна по происхождению и существованию: её создаёт человек, обладающий сознанием, и она существует в человеческом сознании. Истина – продукт нашего сознания, а не предмет отражения: человек познаёт не истину, а объекты, а истина как суждение – это результат его познания. Поэтому речь должна вестись не о том, что истина субъективна, а о субъективности истины (пример: понятия, которые даёт человек тем или иным предметам или явлениям).

Абсолютное в истине то, что существует неизменно, ибо в нашем объективном знании имеется нечто такое, что не опровергается последующим ходом науки, а обогащается новым объективным содержанием. Чтобы доказать абсолютность истины, достаточно указать хотя бы на одно отношение, в котором она сохраняет свою верность, истинность (пример: Земля вращается – а) вокруг своей оси; б) вокруг Солнца).

Относительное в истине то, что в каждый данный момент наше знание относительно, поскольку оно неполно отражает действительность, следовательно, является истиной лишь в определённых пределах, которые

расширяются или сужаются в ходе развития познания. Истина верна лишь по отношению к конкретным свойствам, временным и пространственным условиям, то есть по месту, времени, свойству, ситуации. Чтобы доказать относительность истины, достаточно указать хотя бы одно отношение, в котором она неверна, неистинна (пример: каждое утро начинается с рассвета. А на Севере?).

Абстрактное в истине то, что она отвлекается от конкретных обстоятельств, обладает общим и всеобщим характером. Абстрактными, то есть всеобщими или общими являются все виды познавательных выводов (пример: все люди обладают сознанием; трение рождает теплоту).

Конкретное в истине то, что она приложима к любому конкретному явлению, которое входит в класс, в тип отражённых в ней явлений (суждение: «трение рождает теплоту» относится и к трению двух деревянных предметов, и к трению колёс о поверхность дороги, и к трению ладони о ладонь).

Общий принцип в отношении истины достаточно прост с позиций диалектического метода:

- единство объективности и субъективности в истине;
- единство абсолютности и относительности в истине;
- единство абстрактности и конкретности в истине.

Иначе говоря, не может быть объективной и субъективной истины, абстрактной и конкретной истины, абсолютной и относительной истины. В каждой истине содержатся оба аспекта. Мы можем говорить лишь об объективности и субъективности истины, абстрактности и конкретности истины, абсолютности и относительности истины.

Обычно истину характеризуют как адекватное отражение действительности. Мы уточним: истина предполагает объективное отражение действительности. Истина – это объективная, достоверная информация об объекте, получаемая субъектом познания, посредством чувственного и рационального опыта.

Понятие и понимание истины, несомненно, важны для познающего субъекта. Не менее важно и то, каким путём осуществляется проверка истины, её критерии. Важнейшим элементом для этого выступает деятельность, практика, в результате которой мы можем оценить истинность достигнутого.

Практика – это материальная, чувственно-предметная деятельность, имеющая своим содержанием освоение и преобразование природных и социальных объектов. История научного познания свидетельствует о том, что вслед за практическими применениями открытий начинается активное развитие соответствующих областей знания. Естественные, технические, общественные, гуманитарные науки выходят на арену практического применения, создают тот механизм обратной связи между теорией и практикой, который становится определяющим при выборе перспективных направлений деятельности.

Практика становится критерием истинности знания. Особое значение придаётся творчеству. Получение знаний в процессе познания – творческое дело. Творчество предполагает проявление незаурядных способностей

человека. Сутью его является создание новых по замыслу продуктов деятельности (научных, технических, художественных и иных). Применительно к научному познанию – это новые понятия, методы, законы, концепции, теории, учения. Их применение способствует появлению инноваций практически во всех сферах общественной жизни: в экономике, медицине, обороне и других. Инновации основаны на новациях. В этом плане стоит особо отметить космическую технику, технологии освоения космоса. Творческие замыслы здесь реализуются на практике, подтверждая истинность достигнутых знаний [2, с. 269-271].

Список использованной литературы:

1. Зеленов Л.А. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. I. Философия. Н.Новгород: Гладкова О.В, 2006. 168 с.
2. Петров В.П. Философия: Курс лекций. Учеб. для вузов. М.: Издательство ВЛАДОС, 2018. 461 с.

ПОНОМАРЕНКО Н.В.

Оренбургский государственный медицинский университет, г. Оренбург,
Российская Федерация

МИСТЕРИАЛЬНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ БЕССМЕРТИЯ В ТРАДИЦИИ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

Феномен «имитации истины» можно обнаружить в любой постмодернистский период, к коему мы посмеем отнести появление орфического учения в Древнегреческой культуре, развивавшееся в период становления новой культурной эпохи VI в. до н.э. В этот период в картине Древней Греции намечается отказ от высших идеалов, от стремления к истинности, на смену которой приходит культ неопределённости и фрагментарности, повлёкший за собой синкретизм мистических и философских мировоззренческих традиций. В сущности древнегреческий постмодернизм просматривается в виде деканонизации, театральной мистификации и положительной иронии, которая по мнению Ихаба Хассана утверждается в плюралистической вселенной в смешении прежних жанров, являясь колыбелью для нового расцвета объединённой культуры [1].

Новые археологические открытия древних цивилизаций, истории о которых хранились в мифах и легендах разных народов мира, рисуют нам новые немислимые ранее теории о существовании потусторонней и поюсторонней жизни на Земле, в космосе, в мироздании [2], [4]. Опираясь на данные учёных, мы поставили задачу проанализировать имеющуюся мировоззренческую базу древнегреческой секты орфиков, принесших в культуру и философию Запада сакральные идеи мистификации и мистериальные обряды очищения души для выхода на новый этап жизни, в бессмертие.

В это время в полисной Греции вот уже более ста лет шла конкурентная

борьба аристократии, носительницы более глубокого культурного слоя и торгового класса. Из-за имущественного ценза, который давал больше прав одним и отнимал их у других, греков более всего занимала земная жизнь и социальные отношения, однако все они оказывались совершенно беззащитными перед внезапным обнищанием от неурожая, лицом болезней и смерти. Поэтому тема загробного мира и освобождения от мучений в жизни земной могла подарить униженным и нуждающимся надежду на посмертное воздаяние, на восстановление истинной справедливости, благ и положения, а богатым надежду на сохранение их высокого положения и в мире ином. Данный культурный период возник на базе более раннего мифологического слоя культуры и повлиял на формирование метафизической части философии как новой мировоззренческой парадигмы.

Согласно трехстадийной концепции развития общества О. Конта, интерес к эзотерике и мистике бессмертия, в нашем случае к то умирающему, то воскресающему Адонису, возлюбленному богини Венеры, возникает в определённые периоды смены культурных и соответственно научных парадигм. Аналогичную цель бессмертия преследовали разные эзотерические учения, как например секта орфиков, возникшая на переломе эпох на заре подъёма и расцвета классической Греции. Их идеи возникли на базе мифов о сыне Зевса - Дионисе, съеденного титанами. Теме жизни, смерти и воскрешению посвящён также миф о провидце и музыканте Орфее и его рано почившей Эвридике, за которой он спустился в ад и благополучно оттуда вернулся, правда без своей возлюбленной. Архаический персонаж Орфей - не обычный смертный человек, а симулякр растерзанного Диониса. Хотя Орфею не удалось пройти испытание, данное ему богами для возвращения Эвридики, его подвиг воодушевлял простых смертных. Орфей, это культурный герой - родоначальник посвящений и мистерий, показавший возможность перехода в загробный мир для лучшей жизни. Но как приблизиться к столь желаемой цели и где можно получить необходимое руководство и опыт достижения бессмертия? Такая возможность античной элите для достижения своей сверхцели предоставлялась в специализированных тайных мистериальных организациях, как гиперкомпенсации несовершенства человеческого опыта в жизни земной. Они пытались удовлетворить потребность наладить сакральную связь с потусторонним через аполлоновские техники очищения (от дионисийского экстаза до аскезы) и запрет на употребление в пищу мяса, на кровавые жертвоприношения. Культы Диониса и Аполлона преследовали посмертную цель. Однако орфики не снимают ответственности с ограниченной телом заблудшей души, которой так сочувствует Платон. Недостойная душа, рассуждают последователи орфизма, которая не уделяла должного внимания наработке добродетелей, господствующих в греческом обществе, подвергается десятикратной очистке в кругу тяжких посмертных страданий. [5]. Если кто-то умрет доблестным, получает великий удел и великую честь и становится даймоном [доброжелателем]. Орфики более радикально подходят к припоминанию бессмертия души. Главной причиной метемпсихоза они

считают любые привязки к земной жизни. Утоление обычной жажды из реки «Забвения» тесно связаны с желанием последующего воплощения в телах, от которого можно избавиться путём припоминания душою всех ловушек царства мёртвых в загробном мире. Такая теория возможно имеет общие с Египтом загробные мистические традиции, вследствие активного торгового взаимодействия с этим царством.

Целью всей жизни орфиков, и возможно пифагорейцев, считалось освобождение души от греховности титанической природы, и от страстного тела – «гробницы души», исключая путь самоубийства, как надругательства над собственной божественной природой. Те, кому удалось сохранить свою память с загробном мире, способны оказаться на небесах вместе с Богами, если они способны прервать круг мучительных реинкарнаций, и выйти на новый уровень покоя и наслаждения, о коем мечтали люди видимо и в те времена. В учении последующих школ духовного самосовершенствования, уже не так ярко звучал мотив противоборства между душой и телом. Стремясь к «гармонии тела», они разработали строгую систему образования и подготовки своих адептов к лучшей жизни через уравнивание страстей и потребностей души.

Популярное учение орфиков о возможности лучшей реинкарнации бессмертной души было зафиксировано в теогонических фрагментах «Орфические аргонавтики», более поздних по времени написания работах философа Платона, упоминавшего о существовании орфического учения, основанного на дуализме двух начал «титанического» и «дионисийского», отражённого в поэме «Нисхождение Орфея в Аид» (3, с. 293–296).

Установление тайных связей с идеальным бытием через определённые магические ритуалы и участие в мистериях было лучиком надежды адептов орфического круга. Не совсем ясен вопрос о том, разделяли ли орфики душу и тело, либо они верили в возможность их гармоничного единства в ином загробном мире?

Стремление к бессмертию – это попытка прежней культурной элиты, стоящей на перепутье хтонической и новой олимпийской эпох, сохранить себя, самые ценные знания для будущих поколений и утраченный контроль. Итак, на допарадигмальной стадии зарождения научной мысли можно выделить, согласно закону О. Конта, период перехода от теологической или фиктивной стадии, коей соответствуют феномены мистериальной мистификации в учениях орфиков, к метафизической, т.е. философской.

Список использованной литературы:

1. Hassan I.H. The Dismemberment of Orpheus: Toward a Postmodern Literature. - Madison: The University of Wisconsin Press, 1982. - 315 p.
2. Kern O. Orphicorum Fragmenta. -Berlin, 1922. - 407 S.
3. Kern O. Orphicorum fragmenta. - Berolini, 1963, 2nd ed. 1982
4. Les Argonautiques d'Orphée / texte établi et traduit par G. Dottin. Paris: Les Belles Lettres, 1930.
5. Афонасин Е.В. Папирус из Дервени; – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/papirus-iz-derveni>

6. Дайс Е. Гимны Орфея / Пер. Екатерины Дайс: Джон Фаулз и мистериальная традиция. - М.: Клуб Касталия, 2011. -244с.

РЫБАКОВ Н. С.

Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация

ИСТИНА И СМЫСЛ

Проблема истины – одна из центральных в эпистемологии. Среди массива знаний (любого вида и типа) особую роль играют знания результативные, ведущие к достижению поставленной цели. Такие знания называются истинными, они жизненно значимы для человека. Смысл познавательной деятельности заключен в производстве именно истинных знаний.

Казалось бы, везде и всюду истина выступает на первый план. Но так ли это? В частности, Ф. Ницше утверждал, что ложные суждения для нас – самые необходимые. А.С. Пушкин заявлял, что «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Истины бывают порой нелюбимыми, обман же способен утешить, вселить надежду. Так, к чему же стремится человек? Всегда ли истина для него желанна? И не является ли ложь такой же позитивной ценностью, что и истина?

Истина и ложь в познавательном процессе сопутствуют друг другу. Обращаясь к текстам, мы обнаруживаем, что имеют место суждения не только истинные или ложные, но и частично истинные, частично ложные, т.е. их истинность носит ограниченный характер. Неопределенно-истинными, ни истинными и ни ложными, являются высказывания о будущем. Совокупность суждений, каждое из которых в отдельности может быть полностью или частично истинным, неопределенно-истинным или ложным, в целом не может быть квалифицирована только как истинная. Потому возникает проблема отличия истинных знаний от ложных. Вместе с ней вопросы, что есть истина и ложь, какова их природа, как вообще возможна истина и др. оказываются в центре острых дискуссий.

Отвечая на данные вопросы, одни будут утверждать, что истина возможна, существуют надежные пути ее достижения; другие скажут, что истина имеет место лишь при определенных условиях; третьи заявят, что об истине и речи быть не может, ибо всегда найдутся факторы, деформирующие путь к истине. Каждая из этих позиций опирается на определенный опыт и не лишена оснований. Так что проблема истины – сложнейшая, равно как сложны пути, ведущие к ней. Это осознавалось уже в античности. Известно высказывание Демокрита, что истина спрятана на дне моря.

Существует множество определений и концепций истины. Огромное количество работ посвящено ее исследованию. В европейской философии утвердилась аристотелевская формула: истина есть соответствие знаний действительности. Она является классической. Но при всей своей внешней

ясности она оказывается весьма неопределенной, порождающей разнообразие интерпретаций, вплоть до альтернативных. [3, с. 42-54]. Указанная формула имеет двойственный характер. Так, истиной называют соответствие знаний действительности. Потому истина – это квалификация отношения между знаниями и действительностью, но не знания и не действительности самих по себе. Вместе с тем знания, соответствующие действительности, называют истинными, то есть истина с отношения переносится на один из членов отношения. Отношение же одновременно принадлежит двум членам и возникает вопрос о правомерности переноса истины также и на действительность.

Видимо, можно говорить о соответствии: а) понятия вещи (истина понятия); б) вещи понятию (истина вещи). Напрашивается и третье звено, синтезирующее эти два, в результате чего возникает понятие синтетической истины, охватывающей означенную разнонаправленность соответствия. [1, с. 74-81]. Синтез неизбежно ведет к проблеме соотношения бытия и идеи, к проблеме их тождества, ибо сама возможность синтеза требует единой основы. Смысловое совмещение бытия и идеи – оптимальный путь раскрытия тождества этих разных по своей природе феноменов, образующих в структуре мира нерасторжимое единство, дающий ключ к пониманию истины.

Выразим классическую формулу на языке субъект-объектного отношения. Знание предстает в определенных познавательных формах, которых довольно много. И потому отношение знания к действительности должно представляться как отношение, скажем, факта, теории, парадигмы и т.д. к действительности. Но и действительность предстает в разнообразных формах объектов, с которыми имеет дело субъект и которые он сам же и выделяет в деятельности. Познавательная форма – это некий совокупный образ, который сопоставляется не с действительностью во всем ее разрезе, а лишь с определенным ее ракурсом, фрагментом. Потому отношение знания к действительности становится селективным, где формула фиксирует отношение между объектом и его образом. Субъект же здесь присутствует как бы в фоновом исполнении, что дает повод говорить об объективности соответствия, стало быть, и истины. На самом же деле и объект, и образ генерируются деятельностью субъекта, потому вопрос о чистой объективности всех этих членов оказывается дискуссионным: субъект творит и объекты, и образы.

Не менее проблематично и соответствие как многоступенчатый, нелинейный, а то и вовсе бифуркационный процесс. В одних ситуациях оно устанавливается более-менее однозначно, например, в случае зеркального отражения предмета, но в микромире, в социуме прямолинейные соответствия уже не проходят.

Весьма спорны представления о линейно-асимптотическом приближении к истине. М.К. Мамардашвили отмечает неудачность энгельсовской метафоры асимптоты и пишет, что этого не может быть по природе самих понятий: «Внутри мира нет подобий или каких-то приближений, любое состояние одинаково предельно и одинаково далеко от бесконечности» [2, с. 148]. Любое понятие существует в суперпозиции смыслов, и поскольку познавательный

процесс есть установление отношений между смысловыми полями познавательных форм, постольку ни о каких асимптотических приближениях к какому-либо понятию (познавательному образу) в процессе установления истины речи просто не может быть. «Движение» в сфере смысла отнюдь не равнозначно бегу по прямой, где финиш строго фиксирован, и спортсмен четко знает направление движения. Соответствие объекта и образа устанавливается субъектом, который руководствуется мотивами, предпочтениями, идеями, ценностями и другими факторами. Потому истина представляет собой социально-ценностный феномен, который предстает в качестве нормы отношения к сущему. И в этом качестве истина оказывается производной от субъекта как актора.

Истина открывается не в потоке прямых и косвенных сопоставлений субъектом образа и объекта, а в смысловых конструкциях бытия и его многообразных внутренних отношениях. В этом случае постижение истины есть выход в сферу смысла, в сферу бытия идей, где не только пребывает истина как таковая, но и обнаруживается возможность генерирования многообразных истин. Пребывание истины в сфере смысла означает, что она существует вне субъекта, независимо от него. Это означает что истина имеет бытийно-смысловую природу, которую невозможно адекватно описать в терминах исключительно субъект-объектного отношения. Сфера смысла соизмерима со сферой бытия вообще; бытие рождает эту сферу, которая и становится всеобщим условием и необходимостью самореференции бытия, т.е. представления его в самом себе, но в иной, вне-бытийной ипостаси. В свете сказанного истина, по-видимому, представляет собой особую сферу выразительного смысла с множеством собственных градаций (степеней истинности, меры определенности/неопределенности), которая внешне разворачивается и функционирует по своим собственным законам.

На самом деле в сфере выразительности ввиду постоянного генерирования бытием как подлинного, так и неподлинного сущего, обнаруживающегося в виде, скажем, симулякров, также генерируются разнообразные формы подлинной и неподлинной истины, что и открывает возможности появления истин-имитаций, истин-симулякров, всевозможных двойников истины, вплоть до фейковых форм, столь бурно плодящихся ныне на просторах Интернета. Ценность подлинной истины – в ее неискаженности и неискажаемости воспроизводимого бытия. Чем меньше степень искажаемости, тем выше ценность истины.

Но есть ли в таком случае ценность у лжи? Есть. Ибо там, где истина абсолютна, она имеет значение 1, значение же лжи равно 0, в этом случае ценности у лжи нет. Но как только появляется возможность искажения, то тотчас появляется – как отраженный блеск – ценность лжи, взятая в относительной степени. И этот зазор между нулем и единицей заполняется всевозможными инобытийными формами истины.

Список использованной литературы:

1. Ким В. В., Рыбаков Н. С. О природе истины // Эпистемы. Материалы межвузовского семинара. Альманах. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998.
2. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990.
3. Рыбаков Н. С. Познание как предмет философского исследования. Псков, 1993.

САЗОНОВ В.Н.

Председатель секции РФО «Философские основания духовной природы бытия», г. Фрязино Московской области, Российская Федерация

ТРАНСФИНИТНАЯ ПРИРОДА ИСТИНЫ И ЕЁ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В МЕТАФИЗИКЕ ДУХА

Истина - адекватное отражение действительности в сознании человека - глубинная потребность человека, предмет его поисков на протяжении веков. Она должна отвечать на главные вопросы существования человека: что такое мир, как он произошел, кто он – человек, каково его предназначение. Только зная истинные ответы на эти вопросы, можно уверенно (верно) выстраивать личную и общественную жизнь. Наука ищет ответы на эти вопросы, определяя действительность, как данность (Универсум), мыслимую на основании опыта, объясняя её из неё самой. Поэтому диалектико-картезианская методология науки (универсализм) позволяет только отдельно изучать структуры физического мира, физиологию, психологию человека, устанавливать практические (позитивные) правила поведения человека. В результате представления человека о мире раздроблены. Он не может осознать (понять) действительность как целое. Отказывая человеку в поиске глубинных основ жизни, идеология, практика универсализма ограничивает его мировоззрение рамками вещественного мира. Унифицируя человека, искореняя в нем потребность в поиске истины, универсализм превращает его жизнь в функцию социального общежития с консенсусом в вопросах истины вместо неё самой.

Методология метафизики духа (МД), её трактовка действительности [4] антиномна универсализму. Она исходит из того, что природа действительности проявляет себя по мере возникновения. Вселенная, видимый мир в МД - этап беспредельного становления Мироздания. Субстратный элемент Вселенной – первичная духовная сущность (ПДС) – продукт синтеза бесконечно малых корпускул субстрата Духовной Реальности [5,6]. Существование последних объясняет беспредельная делимость материальных форм (постулат МД). Она признается многими учеными и философами. В результате природно-исторического процесса синтеза, самоорганизации ПДС возникают преемственные, радикально различные Реальности Мироздания [4,6]. Духовно-эвристическая природа ПДС определяет духовно-системную методологию их самоорганизации: внутреннюю активность ПДС, их стремление к

саморазвитию в интересах становления вышестоящей иерархии. Объясняя становление Реальностей Мироздания саморазвитием их субстратного элемента (сущностей), МД исходит из их беспредельной потенции к саморазвитию путем самоорганизации [4,6].

Трактовка становления нашей действительности самоорганизацией её сущностей означает выход наших представлений о мире за пределы эмпирического - в сферу трансцендентного. Однако из этого не следует иррациональность представления действительности в МД. Его рациональность обусловлена созданием математической модели становления Вселенной [5] на основе теории множеств, её учения об актуальной бесконечности [1]. В соответствии с ней ПДС в МД представлена упорядоченным, актуально бесконечным множеством первичных сущностей, её трансфинитным числом \aleph , имеющим мощность счетного множества (алеф ноль) [1]. Число в модели отображает границы созидания естественного процесса синтеза сущностей, порядка их классификации. Математическая модель становления Вселенной позволила рационально обосновать исходные метафизические рассуждения МД [4]. В соответствии с ней наша действительность, её становление может быть представлена алгеброй трансфинитных чисел [1,2]. Мощность множества, составляющего континуум Вселенной, определяется мощностью множества ординалов счетного множества, их порядком при классификации и взаимодействия между собой. Она определяется двукратным возведением алеф ноль в степень алеф ноль [6].

Обладая вне числовым содержанием (по терминологии А. Лосева [3]), духовной природой в соответствии с МД, трансфинитные числа активны [5], как отображающие активные сущности Мироздания. Их саморазвитие путем классификации подобно математическим операциям, инициируемым активностью \aleph . Поэтому классификация множества ординалов \aleph континуума, преобразуют его в мыслящую субстанцию – Логос [6]. Логос в МД – субъект, творец Мироздания, его духовно-активная, пространственно-числовая матрица, осуществляющая глобальную эволюцию Мироздания [6]. Тожество бытия и мышления Логоса обусловлено событийностью его мышления: результаты мышления воспроизводятся событием. Классы ПДС в Логосе, ведомые духовно-системными принципами причинности (активность, саморазвитие, иерархичность [4]), инициируют синтез все более сложных духовных сущностей вплоть до их вещественных форм, духовно-вещественных образований минерального, растительного, животного миров и человека. При этом сущность человека, его духовная структура должна стать субстратным элементом следующей за Вселенной Метафизической Реальности, формирование которой составляет предназначение человечества.

Представления о действительности, как содержания истины, охватывают процесс возникновения Вселенной от Её первоначала до создания Ею Метафизической Реальности. При формировании такого представления МД исходит из безусловности тезиса о беспредельной делимости материальных форм. Деление материальных форм не может завершиться нулем (ничем),

поэтому существование бесконечно малой, инобытийно конечной величины, названной в МД первичной сущностью, не должно вызывать возражений. Только обладая указанными духовными качествами, первичные сущности смогли обеспечивать становление нашей действительности. Привлечение учения об актуальной бесконечности, представление ПДС трансфинитным числом позволило сформировать адекватное (истинное) представление действительности. Истина в нем – целостный, естественно исторический процесс происхождения нашей действительности, его ценностная ориентация на созидание человека, его духовной структуры. Действительность трансфинитна как во времени, так и в пространстве, поэтому ее можно определить в конечных понятиях. Декларируя действительность как истину и соответствующие ей требования к человеку, необходимо признать, что реальная действительность истинна только тогда, когда она соответствует её глобальным ценностям и целям. Если с таким критерием подходить к современной социальной действительности, со свойственными ей враждой, войнами, сопутствующими им явлениями, то её следует признать не истинной. Она нуждающейся в коррекции в соответствии с системными принципами причинности. Им соответствуют ценности и цели поведения человека, провозглашенные в метафизическом гуманизме [7,8]. Руководствуясь ими, человек может организовать социальную жизнь на основе любви, счастья, единения с миром, стремления к бессмертию. Осуществляя свое предназначение, человек формирует духовную структуру, которая становится для Метафизической Реальности тем же, чем являются первичные сущности для Вселенной.

Действительность, как объект осознания человеком Вселенной истинна (истина), Её саморазвитие происходит в соответствии с системными принципами причинности. Вселенная триедина: Духовный мир – Её первоначало; Логос – мыслящая, творящая Её субстанция; Метафизическая Реальность – цель, высший иерарх Её саморазвития. Современная социальная действительность, являясь сферой компетенции человека, средой формирования духовной структуры человека не истинна, так как руководствуется идеологией универсализма. Коррекция социальной действительности должна включать: трансформацию социальной жизни в самоорганизацию людей, индивидов; человек должен руководствоваться в своем поведении духовно-системными принципами. Эти принципы подлинная истина для человека, соблюдение их человечеством сделает социальную жизнь истинной.

Список использованной литературы

1. Кантор Г. Новые идеи в математике. СПб «Образование», 1914.
2. Комаров В.М., Татур В.Ю. Бесконечность и гармония. «Академия Тринитаризма», М., Эл №77-6567, публ.17233, 19.01, 2012.
3. Лосев А. Ф. Хаос и структура. М. Мысль, 1997г. с. 101/252.
4. Сазонов В.Н. Духовно-эвристическая концепция бытия – метафизика духа. Saarbrucken, 2013

5. Сазонов В.Н. Самоорганизация активных чисел как математическая модель бытия (становления) Вселенной. Материалы 7 Российского философского конгресса. 2015.

6. Сазонов В.Н. Метафизика Мироздания как саморазвитие Его духовного первоначала. Труды РФО, 2018.

7. Сазонов В.Н. Метафизический гуманизм как методология ценностного саморазвития личности человека. Сб. «Антология современной русской философии» т. 2, М. 2018

8. Сазонов В.Н. Актуализация метафизического гуманизма как переход от универсалистской модели социального развития к атомистической. Труды РФО, 2018.

СЕРОСТАНОВА О.Б.

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. ЛУГАНСК

СИМУЛЯЦИЯ ОБМЕНА КАК ИЛЛЮЗИЯ ОТНОШЕНИЙ

Гипертекстуальности и интерактивность – главные качественные составляющие современного информационного пространства. Повседневный актуальный образ текущих событий в мире и акцент на соприкосновение событийности с реальностью становятся основой мозаичного восприятия картины действительности. Культура, религия, литература, — становятся своеобразным интертекстом, продуцирующим образы и смыслы в постоянно изменяющуюся реальность общества.

Клиповое мышление, брендируемое визуальное пространство городов и мегаполисов, непрекращающееся ни на минуту путешествие по окнам операционной системы Windows, является той реальностью, в которой существует современный человек. Наше будущее существование во многом зависит от того, насколько мы сможем осознать сущность процессов и явлений этого бытия. В этом контексте становится актуальным исследование «рационального», «воображаемого» и «гиперреального» в обменных отношениях.

Стоит отметить, что под обменными отношениями понимается вид коммуникации, создающий многомерное культурное пространство на основе возмездности и замещения дефицитной информации [3, с. 24]. Особая значимость этих взаимодействий объясняется эвристическим потенциалом на пути формирования диалогового режима межкультурных коммуникаций. В то же время в период расцвета массмедийных технологий, мы говорим о сосуществовании общества в реальном и виртуальном пространстве.

Жан Бодрийяр, размышляя о ирреферентности образов отмечал, что «симуляция ставит под сомнение отличие «реального» от «воображаемого» [1]. При этом «воображаемое» уже не есть «иррациональное». Следовательно мы сталкиваемся с совершенно иной реальностью, в которой также

развертываются обменные отношения как особый вид коммуникации.

Если иррациональные компоненты обмена возможно постичь через историю человечества, культурное его наследие, то «воображаемое» становится полноценным наряду с существованием «реального». Обращаясь к работе Йохана Хёйзинге, мы увидим, что данный вопрос решается через противопоставление «игра — серьёзное» [4]. Стало быть определяя реальность отношений, мы прибегаем к этическому взамен ускользнувшей логической составляющей коммуникации. Нравственное чувство призвано служить критерием истинности действий человека. Понятие чувство истины и справедливости нивелирует смысл действий.

В таком случае, как обнаружить «воображаемое» в обмене?

Бронислав Малиновский, исследуя аборигенов Тихого океана, описывал обряд «Кольцо Кула» «...обмен кула всегда должен быть подарком, за которым следует ответный подарок» [2, с. 351]. При этом, предметом обмена являлась не драгоценность, а обычный браслет из морских камней. Человек нашего времени вряд ли наделил бы его какой-либо ценностью. В то же время, этот браслет имел символическую значимость, постижение которой зависело от силы воображения тех племен, которые участвовали в его обмене. Его сохранение для последующего обмена являлось делом чести племени, а потеря — сродни утрате имени и родового статуса, нравственное чувство. В этом и заключается сила обряда — его ценность и непостижимость в реальном мире. Это симуляция, в которой наглядно отображается утопия принципа эквивалентности. Именно поэтому так ценен в обменных отношениях принцип возмездности. Оба принципа есть две крайние противоположности, которые фактически противостоят друг друга, ибо принцип эквивалентности присущ симуляции, в то время как принцип возмездности есть реальность.

Малиновский в работе «Агронавты Тихого океана» показывает, что в архаичных обществах обмен осуществляется ради самого обмена. Воображаемое в обмене проявляется через мистификацию социальный действий, их ритуализацию и эмоциональную окраску. В обряде «Кольцо Кула» мы сталкиваемся с «инстинктивной формой владения» [2, с. 83]. Перенесемся в современный мир виртуальной реальности и определим какие характерные черты присущи обменным отношениям между людьми. Присущ ли им символизм? Современный мир слагает реквием давно утраченным ценностям и морали наряду с попыткой отыскать в этой реальности человека. Об этом свидетельствует отношение к искусству, религии, литературе, — всему тому, что создавалось и создается человеком. Происходит мифологизация повседневности, игра смыслами и знаками. Разнообразные формы мифов и иллюзий как фундамент иррационального, воображаемого существования становятся такими же реальными, как и сама реальность. Параллельно, ускоренными темпами, человечество находится в погоне за материальными ценностями, которые держат его в неореальности, создают иллюзию преимущества социальной памяти и сохранения духовно-производственных институтов.

Современная культура все более абстрагирована от исторических и

географических условий и реализует себя в медиaprостранстве электронных коммуникаций, где создаются аудиовизуальные гипертексты. Следует говорить о проявлении гиперреального во взаимоотношениях. Обменные отношения, как и другие виды коммуникации, сохраняют направленность на удовлетворение жизненных потребностей наряду с потребностью быть частью гиперреальности.

Симуляция в жизни общества становится неотъемлемым компонентом его существования. Снова и снова мы мифологизируем не только историю, но и современность, консервируя ее в нашей попытке ухватиться за иллюзию безопасности, обеспеченности, комфорта. Люди играют мифами, а затем превращают их в предмет обмена. Информационное общество не имеет границ. Если ранее, проявлялось стремление к реальному прикосновению к прекрасному, то виртуальное пространство сегодня предлагает альтернативу. Никому не составит труда, сидя дома, щелкнув пару раз по мышке, очутиться на экскурсии по Лувру, Прадо, по художественному музею в Уффици, Пикассо, Дали и т.д. Одно прикосновение — и ты уже летишь в любую точку планеты, наслаждаясь с экранов мониторов красотами природы. Каждый человек Земли прикасается к всеобщему театру действий и становится зрителем мировых шоу, опять-таки благодаря виртуальному пространству. Искусство перестало быть недостижимым. Искусство творит каждый, окунаясь в мир воображаемого и гиперреального. За подобными действиями скрывается опасность порождения и распространения симулякров. Homo ludens XXI века играет в обмен знаками и смыслами, создавая миры отношений за гранью реального и воображаемого. Человек создает искусственный разум и наделяет его жизнью, призвание которого служить человечеству. Однако, может ли человек наделять искусственный интеллект чувствами? Или же мы вновь сталкиваемся с симуляцией отношений, прогресса и всеобщей эры реальности? Возможно ли считать обмен знаками и смыслами между человеком и машиной? Человек может сказать искусственному разуму «дай мне стул» и последний отреагирует и даст ему стул. Но если человек скажет «дай мне то, на что можно присесть», будет ли это верно интерпретировано искусственным разумом?

В мировой культуре нового типа глобальные культурные образцы и стили жизни, пропагандируемые через искусство рекламы, соединяется с региональной идентичностью, которая сегодня приобретает большую значимость наряду с политической и классовой. Для становления медиaprостранства новой глобальной культуры характерна диффузия стилей жизни, свойственных разным этническим группам и культурным традициям. В массовой культуре большинства стран доминируют образцы, являющиеся типичными для западной, преимущественно, американской медииндустрии. В локальных условиях эти образцы трансформируются под влиянием локальных норм, приобретая гибридные формы. И эти образцы ложатся в основу обменов как иллюзии отношений.

Список использованной литературы:

1. Бодрияр, Ж.Ж. Симулякры и симуляция [Текст]/ Ж.Ж. Бодрияр

[Электронный ресурс]// Режим доступа: <https://www.rulit.me/books/simulyakry-i-simulyaciya-read-458016-10.html>

2. Малиновский, Б. Избранное: Агронавты западной части Тихого океана [Текст]: пер. с англ. / Б. Малиновский. — М.: РОСПЭН, 2004. - 552 с.

3. Серостанова, О.Б. Философия обмена в зеркале массовой культуры Японии [Текст] / О.Б. Серостанова // Общество и личность: гуманизация в условиях информационной и коммуникационной культуры: сборник научных статей преподавателей, обучающихся вузов, научно-практических работников - Саврополь: АНО ВО СКСИ, 2018. - С.24-28.

4. Хёйзинга Й. Homo ludens. Статьи по истории культуры [Текст]: составитель, переводчик и автор вступительной статьи Д.В. Сильвестров/ Йохан Хёйзинга [Электронный ресурс]// Режим доступа: http://lib.ru/FILOSOF/HUIZINGA/huizinga.txt_with-big-pictures.html

СПАССКИЙ ИГОРЬ ДМИТРИЕВИЧ

Одесский национальный экономический университет, г. Одесса, Украина
**ЛОГОСНОЕ, ЭНЕРГИЙНОЕ И СУБСТАНЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
 ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИКИ
 ДУХОВНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Онтологическое познание, основанное на различении и, одновременно, синтезе логосного, энергийного и субстанционального начал раскрывает глубину и многомерную динамику бытия. Бытийный уровень философского осмысления реальности на самом общем уровне раскрывает сущностные процессы актуализации на различных уровнях действительности, позволяет осмыслить отологизацию различных бытийных уровней на амортологическом уровне. Это в свою очередь позволяет раскрыть сотериологический контекст онтологизации на логосном, энергийном и субстанциональном уровнях бытия.

Осмысление многомерности бытийных пространств, в которых осознанно или неосознанно пребывает человек [1], [2] позволяет проследить сложнокомбинированные онтологические динамики и их результирующие [3] в жизни как отдельного человека, так и человеческого общества [4]. Однако сотериологический контекст предполагает не только познание и осмысление онтологической многомерности человека, но и его соучастие в духовном преображении множественных бытийных слоев [5], [6].

Осмысление бытия в сатериологическом контексте строится на ряде личных трансцендентных переживаний и осознаний, т.е. онтологической основой является ряд личных трансцендентных бытийных опытов, соотнесенный с корпусом святоотеческой аскетической традиции. В трансцендентных бытийных касаниях Бог одновременно предстает как: 1) тончайшая, глубокая Любовь; 2) Предел Истины - Солнце Правды; 3) тончайшая духовная радость; 4) онтологическая глубина смыслов; 5) Господь Христос; 6). Отец Небесный; 7) Источник Чистого Бытия в его первозданной

интенсивности. Онтологическая осознанность позволяет расширить имеющийся онтологический репертуар человека, т.е. свободу его экзистенциализации через осознание различных слоев бытия личности. Затем становится возможным сотериологическое освоение различных бытийных слоев [7], [8], [9]. Под духовной трансформацией понимается синергичное действие в различных слоях бытия нетварных энергий Святого Духа и человеческих сил [10]. Онтологическая осознанность - возможность воспринимать и наблюдать те или иные бытийные пространства.

С позиции сотериологии свойства бытийных пространств характеризуются духовной восприимчивостью, которая выражает их способности к трансформации. Существуют инструменты, помогающие усилить духовную восприимчивость тех или иных бытийных пространств. Такие способы содержатся в аскетической традиции [11]. Они могут широко применяться в сотериологических целях в конкретной практике, создавая благоприятные условия для осуществления духовной трансформации на различных бытийных уровнях. Выражение духовной трансформации в социальной среде, связано с бытийными слоями на которых осуществляется взаимодействие между людьми и группами в обществе. Духовная трансформация слоев бытия людей на уровне которых осуществляется взаимодействие в обществе соответственно изменяет и социальные динамики. Духовные символы - феномены действительности, позволяющие в материи открыть действие Духа [12], [13], [14]. Онтологические возможности духовных символов могут быть основой создания сотериологических кластеров, примерами которых являлись средневековые монастыри и университеты [15]. Техническую реальность, давящую над человечеством уже несколько веков, можно осмыслить как пространство бытия технической культуры. Данный бытийный слой детерминирован как особенностями бытия человека, так и социальными процессами. Взаимодействие человека со слоем бытия техники меняет онтологические характеристики обоих субъектов взаимодействия. Сменяют друг друга фазы увеличения и снижения онтологической чувствительности, расширения и сужения осознаваемых бытийных границ. А это в свою очередь влияет на возможности духовной трансформации различных бытийных слоев. Феномен онтологической недостаточности и недоопределенности бытия [16], а также возможности ее коррекции через соприкосновение с трансценденцией выражает онтологическое осуществление сотериологических смыслов и целей. Давление онтологического страха небытия или танатофобии как-бы парадоксально рождает увеличешние онтологической недостаточности. В отличии от биологических механизмов выживания, включающих резервные ресурсы и формы адаптации организма. Влияние страха смерти на объем внимания, выражает усиление онтологической недостаточности через танатофобию. Отсюда вытекает необходимость соответствующей коррекции и в сотериологическом контексте.

Желание, как движущая сила внешнего бытия человека, модулированное страхом смерти, онтологической недостаточностью основного инстинкта,

порождает общество потребления, имеющее особые онтологические характеристики. В частности, экономических отношений и господствующего экономизма. Протекание бытия имеет свою циклическую периодичность (образ Хроноса) и особую ритмичность или пульсацию (образ вдоха и выдоха). Познание циклического ритмичного бытия предполагает расширение онтологической осознанности и позволяет более эффективно осуществлять раскрытие сотериологических целей, действуя в едином онтологическом темпе как различных слоев бытия, так и их результирующих (на уровнях человека, групп, общества).

Осмысление бытийного пространства в форме онтологической сотериологической игры в евангельском контексте «Будьте как дети» и соответствующих способов действия порождают особые формы сознания, способные через соприкосновение с трансцендентным снизить онтологическую недостаточность и, соответственно, повысить онтологическую интенсивность в контексте сотериологии. В отношении человека сотериологический контекст состоит в открытии-инициации Божьего бытия и онтологического соединения с Ним максимально большим числом многомерных бытийных составов, другими словами, раскрытие евагельской динамики предельного бытийного соединения Бога и человека в бытийном раскрытии, соединении и углублении.

Список использованной литературы:

1. Хмелевская Э.В. Проблема многомерности человека: философский анализ // Гуманітарний вісник Запорізької державної інженерної академії: Збірник наукових праць / Гол. ред. В.Г. Воронкова. - Вип. 35. - Запоріжжя: Вид-во ЗДІА, 2008. - 243 с.
2. Курбанов М.Г. К многомерности человека // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 108-111.
3. Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. – М.: Мысль, 1988. – 415 [1] с.
4. Иваненко А.И. Динамика духовных сфер // Вестник Омского университета. - Омск, ОмГУ, 2011. №1 (59). - С.32-36.
5. Преподобный Иустин (Попович) Христианство по учению преподобного Макария Египетского // Реж. доступа: http://www.hesychasm.ru/library/makari/iust_mak.htm;
6. Симеон Новый Богослов, преподобный. Слово 63, 1 // Симеон Новый Богослов, преподобный. Слова: В 2 т. Т. 2. М., 1890.
7. Серафим Саровский, преподобный. О цели жизни нашей христианской. Беседа преподобного Серафима Саровского с Н.А. Мотовиловым, I, II. Сергиев Посад, 1914.
8. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. Изд. 2-е, исправленное и переработанное. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2013. Ч. 1: Мистическое богословие.
9. Попов И.В., профессор. Идея обожения в древневосточной Церкви // Попов И.В., профессор. Труды по патрологии: В 2 т. Сергиев Посад, 2004. Т. 1, ч. 1: Святые отцы II–IV вв.;

10. Панайотис Неллас Обожение Основы и перспективы православной антропологии. Москва · «Никея» · 2011;
11. Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. СПб., 1907. 722 с.
12. Захарян Т. Б. Сакральный символ в языке религии. Дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2006. - 164 с.
13. Асламазишвили Д. Н. Роль символа в духовных процессах культурных переходов. Дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2007. - 163 с.
14. Воронина Н. Н. Экзистенциально-онтологическое осознание символа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки», 2008, №4(12). -С. 95-99.
15. Ньюмен, Дж. Г. Идея Университета. Дж. Г. Ньюмен; пер. с англ. С. Б. Бенедиктова; под общ. ред. М. А. Гусаковского. - Минск: БГУ, 2006. - 208 с., ил. - (Universitas).
16. Захарова Е.В. Онтологическая недостаточность человека и теория сознания // ВЕСТНИК ОГУ No7 (126) /июль`2011.

СТОЯН А.А.

Мурманский государственный технический университет, г. Мурманск,
Российская Федерация

СИМУЛЯЦИЯ КАК БАЗОВЫЙ ЭЛЕМЕНТ СОЗДАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОСТИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Современное общество, развитое технологически и поставленное на рамки требующего постоянного возрастания статусного потребления, де-факто, с завершением Холодной войны, перешло в состояние деидеологизации. По сути, внедренная система потребления выводит на первый план экономические факторы, минимизируя политические. Получается, что политическая идеология не имеет той роли в структуре общественных отношений, как ранее имела в XX веке. Как и партии, стремящиеся охватить как можно больше избирателей и внедряющие в свою репрезентативную систему такие элементы, которые еще недавно не могли быть совместимы с их идеологической основой, политика сводится лишь к представленности в органах власти заинтересованных в лоббировании интересов определенных лиц. В соответствии с этим, влияние властной функции ослабевает, ее роль сводится лишь к обеспечению и поддержанию процесса стабильного экономического роста и связанного с ним потребления. Теряя реальное управление над общественными процессами, власть начинает трансформироваться в симулятивный институт, обеспечивающий репрезентативность интересов определенной группы лиц и декларирования целей общей направленности, но фактически не способный напрямую исполнять свои функции и, тем самым, осуществлять реальные перемены в системе общественных отношений.

По мнению Жана Бодрийяра, за условным фасадом постмодерна скрывается общество, подверженное тотальной симуляции. Система власти, обретшая определенную условность и фактическую неспособность действительно осуществлять свою непосредственную функцию, это всего лишь один из базовых симулятивных элементов. Отныне объективная реальность перетекает иную структуру, где между настоящей и условной реальностью нет разницы: они настолько друг с другом связаны, что практически неотличимы друг от друга [1, с. 33]. Находясь в постоянном движении и создавая постоянную взаимозависимую систему, они образуют новую реальность, в которой существуют как реальные объекты, так и условные знаки, но для любого индивида, живущего по ее коду, между объектами и знаками нет никакой разницы. Общественный институт, например, орган власти – из реального объекта сначала превратился в знак, узнаваемый референт, символизирующий индивиду существование этого объекта. Стирание границы между реальным объектом и условным знаком приводит к появлению новой структуры – симулякра, который, по сути, копирует знак, но в своей основе уже ничего не имеет, не исполняет наложенные на него функции, переводя объект в символический образ.

Многочисленная совокупность симулякров определяет единственно возможную систему их существования – симуляцию, в которой все процессы виртуализированы и исполняются условно, не доводя до эффективного действия. Происходит парадоксальная ситуация: вместо смысла и реальности лишь система условных знаков, производящих только симуляцию собственной функциональности. Симулятивный характер присущ теперь даже опыту человеческого существования. Симулякры, исполняющие роль функциональных институтов не только не отражают реальность, но даже не пытаются воспроизвести ее подобие. С другой стороны, они не скрывают эту реальность, вся задача сводится к сокрытию факта отсутствия релевантности действующего понимания действительности со стороны индивида по отношению к существующей реальности [1, с. 71].

В итоге, появляется новая условная реальность, основу которой составляют симулятивные элементы, обозначенные системой знаков. Функционирование, поддержание и восприятие этой системы проходит через средства массовой информации и культуру (в постмодернистском варианте касается только популярной культуры), это создает ощущение витальности и определенности этой условной реальности. Симулякры настолько заменили реальные институты и функциональные блоки системы общественных отношений, что перенасыщение подобными конструкциями приводит к условности, незначительности и быстрой переменчивости любого смысла.

Симулякр не является итогом или промежуточным звеном рассмотренного на историческом отрезке развития образа, логическое построение эволюции которого помогает формировать личностную реальность. Теперь формирование реальности подчинено прецессии симулякров – ситуации, когда симулякр с его условностью в системе общественных отношений предваряет реальность и оказывает основное воздействие при

формировании личностного понимания реальности у субъекта [3].

Феномен состоит в другом: если ранее позднеидеологическое общество перед переходом в постидеологическое определило в качестве своей движущей силы массового человека, занятого удовлетворением собственных потребностей и участвующем в гонке потребления, то затем она начала этой основы лишаться. Будто ощущая некоторый подвох, массовое общество трансформировалось в именуемое Бодрийяром молчаливое большинство, которое приняло уничтожение соотнесенности, снос референтов и создание симулякров вместо реально воздействующих общественных институтов, однако, перестало давать так необходимую для симуляционного общества обратную связь. Если ранее симулякр мог успешно имитировать исполнение своего функционала, то далее, без обратной связи, постепенно лишается даже своего условного смысла (реальный смысл, как и функциональность были потеряны еще на стадии превращения реального общественного института сначала в условный знак, а затем и в симулякр) [2, с. 94].

Единственное, что пока реально – это материальное производство, один из столпов, на котором держится постидеологическое общество потребления. Однако, за этим скрывается потеря полного соотнесения с настоящей действительностью и создание условной реальности, состоящих из пытающихся изображать активность симулякров, а также множеств других субреальностей на уровне субъекта, который, с одной стороны, частично принимает условную реальность, а с другой, противится возможности обратной связи с ней и создает иные точки восприятия действительности, не связанные ни с условной, ни с фактической реальностями.

Список использованной литературы:

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / перевод с фр. А. Качалова. М.: Рипол-классик, 2015. 240 с.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / пер. с фр. Н. В. Сулова. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 129 с.
3. Самарская Е. Жан Бодрийяр и его вселенная знаков // Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Вершина, 2006. С. 251-264.

ТИМОЩУК А.С.

Владимирский государственный университет, г. Владимир, Российская Федерация

НАРРАТИВ КАК СОЦИАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

В традиционных культурах нарратив – это главный концентратор символических комплексов, задающих смысловые коды культуре. Из повествований соткана ее смысловая ткань. Авеста, Библия, Веды, Коран, Тора,

Трипитаки служат опорными точками духовно-символического пространства традиции. Как правило, сакральные тексты тщательно оберегались от разглашения или кодировались так, что доступна была профанная часть, а сакральная – нет. Нарратив представляет собой архаичный текст, выполняющий сложные функции в традиционном обществе – коммуникативную, когнитивную, политическую, легитимизирующую, досуговую и иные. Это универсальная форма коммуникативной рациональности, которая укоренена в опыте, языке, установлениях культуры. Нарратив – носитель единицы культурной информации, задействующий описательно-эмоциональную функцию человека в его рефлексии мира и общества. Нарративное знание удовлетворяет потребность в личностном, эмоциональном познании мира и связывает общество прочными скрепами в виде ключевых текстов, определяющих на века дискурс культуры [3].

Текст в традиционной культуре носит длительный характер, поэтому речь будет идти о нарративе. Нарратив имеет высокую степень присутствия в любой культуре, ибо повествовательность отражает протяженность бытия. «По мысли Лиотара, *modernity* есть последнее традиционное общество, основанное на легитимации с помощью метанарративов (*grand narratives*) – иначе говоря, универсальных систем ценностной ориентации. Основные метанарративы *modernity*: во-первых, рационалистическое мировоззрение как метанарратив познания и, во-вторых, либеральный прогресс, эмансипация как метанарратив власти – они, как доказывает Лиотар, потеряли в современном, постиндустриальном западном обществе кредит доверия, что породило делегитимацию всей системы» [2, с. 109].

В мире нарастающей сложности традиционные нарративы, – сакральные тексты, уже не обеспечивают легитимацию и универсализацию социальных ценностей. Глобализированное общество разобщено в своих генераторах смысла. Исторические ключевые тексты культуры уже не обладают такой силой макронаррации. Ценностно-смысловые коды культуры весьма разобщены. В этих условиях имеет место пролиферация нарративов. Сегодня нарративизации подвергается политика (неомифотворчество), наука (междисциплинарный, повествовательный и развлекательный стили подачи естествознания), предпринимательство (дневник бизнесмена, истории успеха). Формируется целое направление нарративной экономики, в которой рассматривается легитимизирующая и стимулирующая роль дискурсов в создании экономических эффектов; так влияет мотивация ключевых текстов на паттерны потребления, корпоративное поведение, рыночный обмен и распределения благ [1].

Ж.-Ф. Лиотар объяснял специфику нашего времени ревизией макронарративов, которые после Освенцима утратили свою функцию обосновывать господство существующего политического строя. Отныне социальные кластеры стремятся сохранять свою целостность через микронаррации. Суть микронарраций всё та же – это социальная мифология, легитимизирующая различные системные общественные скрепы. В дополнение к традиционной, харизматической и рациональной легитимности пришёл

особый вид коммуникативной легитимности, соединяющей в себе черты конвенционализма и коммуникативного действия (Ю. Хабермас).

Большие нарративы обнаруживают свою неконкурентноспособность в условиях пролиферирующей индивидуации. Индивидуация – это процесс ценностно-смыслового расслоения, эксфолиации плана возможностей, доминанты полифуркации над бифуркацией. Индивидуация – это нелинейная антропология. Она означает становление номадического коллективного субъекта, который обнаруживает себя в молниеносных ситуациях одномоментного выбора одинаковых габитусов, рассыпающихся в следующее мгновение. Индивидуация считается продуктом из европейского супермаркета, однако ее объективные причины располагаются в системогенетике глобальной культурной неоднородности. Нарратив тесно связан с социокультурной феноменологией, которая анализирует общество как совокупность жизненных миров, генерирующих и транслирующих свои тексты, артикулирующих идентичность этой группы [4]. Взаимодействие жизненных миров приводит к умножению автономных смысловых горизонтов. Эти умелости суть сложные конструкции, опосредованные современными медиа и ключевыми фигурами нарративизации: *opinion makers, gate keepers, art managers, web designers, bloggers*.

В этой ситуации интегрирующую нагрузку в информационном обществе несут именно медиа, поддерживающие социальную целостность. Субъект, находящийся среди самоорганизующихся смысловых религиозных систем, обращается к их смысловым горизонтам как к средству фокусировки своей идентичности. Однако для коллективного выживания необходимо секуляризованное пространство медиа.

В условиях кризиса больших нарративов, закон берёт на себя функции метанаррации, создания единых ценностных требований. В традиционном обществе роль метанарративов выполняли священные писания, в царской России – нарратив «православие, самодержавие, народность», в советском обществе – учение о коммунизме. Сегодня от них остались лишь винтажные и ретро наррации «великой династии Романовых», «великого советского прошлого». В условиях эксфолиации этноконфессиональных и иных нарративов возрастает потребность в государственной политике создания единого ценностно-смыслового пространства через образование, право, медиасферу.

Список использованной литературы:

1. Вольчик В. В. Нарративная и институциональная экономика // *Journal of Institutional Studies*. 2017. Т. 9. № 4. С. 132-143.
2. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. Екатеринбург, 1997.
3. Тимощук А.С. Древнеиндийский эпос: сущность и существование // *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова: Серия Эпосоведение*. 2018. №3 (11). С. 5-19.
4. Тимощук Е.А. Дискурсивный анализ как феноменологическая

стратегия социокультурного описания // Вестник Пермского университета. Серия «Философия. Психология. Социология». 2012, № 4. С. 66-73.

ТИМОЩУК Е.А.

РАНХиГС, г. Владимир, Российская Федерация

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ ПОЗНАНИИ

Феноменология в своём первом определении описывалась как «теория иллюзии» и понималась как дисциплина, изучающая все модусы сознания, включая воображение, грёзы, кажимости. Феноменология сродни методу Оккама, только это скорее кисть, нежели бритва для устранения заблуждений [4, р. 13, 14, 17]. В процессе чистого описания происходит не только дескрипция фактов, но и всевозможного недоверного знания. То, что может сблизить науку, индивидуальную судьбу, человеческую историю под зонтиком феноменологии, – это избавление от иллюзий. «Избавление от иллюзии» звучит как негативная гносеология, однако речь идёт о положительном процессе всё более ясного понимания мира, человека, общества, природы. Этот процесс можно с полным основанием считать универсальным, а в условиях информационного общества он стал глобальным и более ускоренным в связи с усилением научного познания и светского образования за последние [100-200 лет].

Терминологический аппарат описания генезиса заблуждений очень широк. Он начинается свою историю от разделения понятий «алетей» и «докса» в античности, развивается в духовных традициях Запада и Востока (гьяна и майя, престиж как обман), проходит через идолов Ф. Бэкона и особенно развивается в психологии (стереотипы, шаблоны, схематизм, редукция, обобщения). Психоанализ связал появление разных комплексов с негативным детским опытом (насилие, игнорирование эмоциональных потребностей, наблюдение аморального поведения близких). Холотропная психология, нейрофизиология генетических энграмм вслед за индуизмом, буддизмом указывают на возможность переноса кармических импульсов (самсары, скандхи), трансляции родовой памяти как устойчивых иллюзорных комплексов и установок.

Особое место феноменологии науки заключается в критике религиозных иллюзий, к которым относятся восприятие Другого (иноверие, тоталитарная секта, деструктивный культ и другие виды гипостазирования), а также богословские стереотипы, которые возводятся по нескольким моделям: 1) апофатика – отрицание у Бога тех качеств, которые есть у человека (тело, пол, желания); 2) аналогия – перенесение свойств животных или человека на Бога (критику зооморфных и антропоморфных мифов провёл представитель элейской школы Ксенофан в VI в. до н.э.).

Вклад феноменологии в науку – терпимость к противоречиям, многозначности и неоднородности в познании, у которых, несомненно,

существует и тёмная сторона. Феноменология видит в противоречиях источник естественности и развития бытия.

Не только религия поддерживает свою устойчивость направленностью сознания участников контактной группы. Одним из типов социокультурных объектов выступают научные представления. Наука получает материал из реального бытия (эмпирические факты), а также идеального бытия (теоретические установки), обрабатывает результаты исследования в поле идеального бытия и стремится воплотить результаты исследования в реальном бытии. И научные, и социорелигиозные объекты имеют сходные зависимости: они имеют своим источником сознание и зависят в своей качественной определённости от работы сознания. Однако, поскольку наука и религия имеют разные цели, которые в самом общем виде можно определить как инструментальную и экзистенциальную, идентичность этих объектов хранится разными социальными средами. Демаркация религии и науки идёт на пользу поддержанию их самотождественности.

Идеальные объекты науки не нуждаются в точной материализации, более того, она невозможна (идеальный газ, число, линия). Попытка физикализации идеальных объектов вызывает улыбку, как это гротескно выразил В. Хлебников в произведении «Скуфья скифа»: «Я знал, что $\sqrt{-1}$ нисколько не менее вещественно, чем 1; там, где есть 1, 2, 3, 4, там есть и -1, -2, -3, и $\sqrt{-1}$, и $\sqrt{-2}$, и $\sqrt{-3}$. Где есть один человек и другой, естественный ряд чисел людей, там, конечно, есть и -человека, и -2 людей, и -3 людей и n -людей = $\sqrt{-n}$ людей... Мы взяли $\sqrt{-1}$ и сели в нем за стол...» [3]. Однако наука не может отказаться от идеальных объектов. Юриспруденция невозможна без понятий объективности, истинности, справедливости, хотя никто не может найти в природе эти объекты. Без идеальных объектов математики, геометрии невозможна архитектура, информатика, современное естествознание.

Наука сегодня вынуждена учитывать онтологическую неоднородность. Социальное памятование уже не может осуществляться через универсальность, общезначимость. Существование культурных ценностей и смыслов продолжается в разнородных художественных, религиозных и иных группах благодаря интенциональности сознания. Поэтому одной из важнейших компетенций в области общественных дисциплин должно быть понимание открытости теории, её незавершённости, контекстуальности. В этом смысле политика тотального тестирования в современном образовании не учитывает специфику гуманитарных наук. Только эксперт лично в той или иной области социогуманитарного знания может компетентно оценить способности и навыки учащегося.

Социокультурная феноменология политики может помочь нам дать ответ на феномен современного общества. При всём разнообразии его идентичностей – глобальное, постиндустриальное, массмедийное, секулярное, открытое, информационное, постмодернистское, постсексуальное, *posthuman*, *transhuman*, технократическое, нам не хватает итогового концепта для его понимания. Возможно, такой характеристикой выступила бы такая характеристика, как

сложность. Вместе с тем древние цивилизации Египта и Шумера также были в своём смысле сложными, и этот структурный принцип не даёт нам специфики отличия обществ. Скорее, такой существенный признак, как нелинейные процессы социодинамики и управления, отличает современное общество от классического иерархического общества.

Политика с точки зрения социокультурной феноменологии предстаёт как коллективная ценностно-смысловая среда, опосредующая свою истинность посредством включения/исключения участников коммуникации. Поскольку человек не может реализовать смысловую интенциональность вне общества, интересубъективность выступает априорной генерализующей структурой сознания, трансцендентальной предпосылкой любого эмпирического сообщества [1, с. 466].

Социокультурная феноменология по своей оснастке представляет наибольшие возможности для включённого наблюдения изучаемого объекта. Благодаря таким категориям, как интенциональность, конституитивность, интересубъективность, конкретизация, она когерентно описывает сложные социокультурные объекты современного общества, с пониманием их значимости и особенностей, что делает социокультурную феноменологию ценным гуманитарным инструментом.

Список использованной литературы:

1. Гайденоко П. П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.
2. Тимошук Е.А. Феноменологический подход в контексте современных образовательных тенденций // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2018. № 3. С. 29-32.
3. Хлебников В. Творения [Электронный ресурс]. URL: <http://fictionbook.in/velimir-hlebnikov-tvoreniya.html?page=148> (дата обращения: 11.10.2017).
4. Sharma A. *To the Things Themselves: Essays on the Discourse and Practice of the Phenomonology of Religion / with the foreword of Jacques Wardenburg* Berlin. N. Y.: De Gruyter, 2001. 315 p.

ХАРИТОНОВ А.М.

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток,
Российская федерация

О НЕКОТОРЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ИМИТАЦИИ ИСТИНЫ В НАУЧНОЙ СРЕДЕ НА ПРИМЕРЕ НОРМАНИЗМА И АНТИНОРМАНИЗМА

Не только ученые в день 1 апреля любят разыгрывать легковерных журналистов. В октябре 2018 г. в интернете появились сообщения об очередном розыгрыше уже зарубежными журналистами своих ученых коллег в

некоторых весьма солидных научных журналах. При этом одна из псевдонаучных статей даже завоевала престижную премию! Впрочем, как отмечают сами авторы весьма небезобидного розыгрыша, подобное положение в целом характерно для ряда изданий общественно-политической тематики, где нахождение в научном тренде зачастую перевешивает ценность приводимой информации. Впрочем, грешат этим же порой и другие науки. Правда, наличие в списке литературы явно выдуманных журналистами же работ, «подтверждающих» ученое мнение, все же есть свидетельство и низкого качества рецензирования в подобного рода изданиях. Кроме того, в исторической среде не принято, чтобы произведения историков по исторической географии визировали ... географы. Действительно, историческая география считается историками всего-то вспомогательной исторической дисциплиной наряду с нумизматикой, геральдикой и т.п. И это при том, что географы считают историческую географию самостоятельной дисциплиной на стыке истории и географии [см. 2, 3 и др.]. Впрочем, географы в критику концепций по исторической географии обычно не вмешиваются, а чаще пользуются сочинениями современных историков, порой даже не подозревая, какие в них встречаются геополитические выверты.

Учитывая вакантность местонахождения исторической географии в системе общественно-политических наук, не мудрено, что это место оказалось занято именно геополитикой в том негативном смысле, который ей приписывали еще в советские времена. Впрочем, уже тогда наиболее продвинутые представители общественных наук предупреждали историков КПСС, что они являются не столько историками, сколько пропагандистами. Это же положение характерно и для современных представителей норманизма и антинорманизма.

Отстаивая зачастую устаревшие положения классиков своих наук, многие из них начисто лишены критического мышления в отношении мнения этих самых признанных ими классиков. Особенно это касается положения, когда подобная критика исходит со стороны представителей иных наук. Между тем, основные положения их исторической науки можно было бы погубить одной фразой о том, что история Древней Руси, Скандинавии и даже Средней Азии в античности и в раннее средневековье созданы историками на месте ... «белого географического пятна» этих времен! Но стоит только об этом заявить, как большинство представителей исторических дисциплин тут же прекратят с вами общение. - Достаточно с нас всякого рода Фоменко и т.п., - думают, вероятно, они. При этом как-то забывают задать хотя бы «сакральный вопрос»: - А ты, мол, кто такой вообще, чтобы подобное заявлять? Впрочем, некоторые задавшие подобный вопрос, возможно были бы неприятно удивлены, что это утверждает на полном серьезе и даже с некоторыми историческими фактами в руках профессиональный географ. Но что возьмешь с этого представителя вспомогательной (т.е. весьма второсортной) исторической дисциплины? – подумали бы при этом другие.

Между тем, прими мы подобное положение за истину, и выяснятся

весьма любопытные факты, которые рано или поздно приведут к краху не только норманизма, но и антинорманизма, основанного на той же геополитической платформе, но с отечественным уклоном. Современная история преподносит нам территорию Древней Руси как громадное пространство от современной столицы Украины до Великого Новгорода. Вот только есть одна малюсенькая географическая деталь, которая все портит и на поиск которой у автора данного сообщения ушло почти четверть века. Дело в том, что территории холодного климатического пояса еще в античной географии считались необитаемыми, а именно к ним должны быть отнесена вся территория Древней Руси, за исключением небольших анклавов в Причерноморье. Ведь даже арабская (самая передовая!) средневековая география считала земли к северу от реки Дон «необитаемыми пустынями севера» [1]! И продолжала это считать, даже выяснив, что античная география ошибочно причислила к необитаемым и экваториальные области земного шара.

Это проигнорировала европейская историческая наука по одной простой причине – жившие на этих самых «необитаемых землях севера» уже не одно поколение германские историки решили исправить ошибку античности и совершили новую, еще более ужасную, даже не заметив ее. Вместо того, чтобы опираться в своих изысканиях на географические ограничения античной географии, они распространили античную ойкумену на территории, которые та заведомо не могла знать! Именно это и преподносится как новейшее достижение исторической науки до сих пор. Именно по этой причине с современной географической наукой и не желают считаться историки – им так удобнее!

Но новая теория должна доказывать свою работоспособность и давать нам новые же знания. Однако теория норманизма вызывает чаще лишь жесткую критику со стороны того же антинорманизма. Так, уже не одно столетие идет спор о месте расположения трех частей Древней Руси в арабской исторической литературе. Из них только Куява не вызывает разночтений – все историки считают ее летописным Киевом и соотносят с современной столицей Украины, тогда как о месте нахождения Славии и Арты (Арса) мнения порой диаметрально расходятся.

Но если знать, что Древняя Русь располагалась где-то в Причерноморье, то тогда Славия вполне совмещается с ... Дунайской Болгарией со столицей Преслав (Переяславль предлагался некоторыми авторами в качестве Славии). Ведь Славиями европейские авторы того времени называли славянские государства Балканского полуострова (чаще, впрочем, Склавиниями), а Болгария была наиболее крупной среди них. Арта в таком случае, вероятно, Орда (ср. Гарды), что сближает наше видение с некоторыми разработками Л.Н. Гумилева и данными непризнанной наукой болгарских летописей. При этом выясняется, что современная столица Украины и древний Киев явно разные города с одним и тем же именем, что и породило путаницу. Вполне возможно, что несоответствие картины затмений в «Повести временных лет» географическому положению украинского Киева, выясненное еще дореволюционными отечественными астрономами, вызвано как раз данным

обстоятельством. Да и Варяжское море, которое отождествляется историками с современной Балтикой, арабский ученый Ал Хараки считал ... Меотидой (Азовское море).

Наличие в Крыму топонима Варанголимен (Варяжский залив) вполне можно сопоставить с такой трактовкой. Ведь Азовское море вполне можно считать заливом Черного. Кстати, отечественный историк А.Г. Кузьмин уже давно подметил сходство «Балтики» в европейских описаниях с Азовским морем по перечню обитавших на его берегах народов средневековья, но не придавал этому особого значения.

- Но уж готы-то прибыли сюда с берегов Балтики, - заявит вам на это какой-нибудь историк. А вот автор данной работы в этом не уверен. Остров готов-гетов (правильнее – тирагетов) хорошо известен античной географии, да и река Висла (Вистула), упоминаемая в связи с перемещениями готов, явно созвучна Истру (античное название реки Дунай) [4].

Налицо возможность иной хорошо согласующейся с античными данными географической трактовки событий отечественной и мировой истории. Вот только будет ли принята данная трактовка историками? Ведь она полностью перечеркивает современные геополитические установки исторической науки. Будет ли она принята за истину, или мы все еще будем пережевывать старую географическую и историческую имитацию нашей истории?

Список использованной литературы:

1. Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 430 с.
2. Максаковский В.П. Историческая география мира. М.: Экопрос, 1997. 584 с.
3. Харитонов А.М. Глобальные проблемы исторической географии и ее место в системе социально-политических наук // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания. М.: Экон-информ, 2014. С.199-203.
4. Харитонов А.М. Представление о месте Древней Руси на карте мира в арабской географической литературе средних веков // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. / гл. редактор Л.Н. Мазур; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Вып. 18. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С.276- 282.

ЧЕРНОВА Я.С.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская федерация

НАРРАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ПОНИМАНИЕ САМОСТИ В КОНЦЕПЦИИ П. РИКЕРА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках

научного проекта № 16-33-00048-ОГН «Проблема понимания иных культур: философско-методологический анализ»

Французский мыслитель современности Поль Рикер (1913-2005) во многих своих трудах анализирует поворот, который должен быть предпринят субъектом, чтобы понять истинность самости, своего бытия. Кто является субъектом, если это не чисто формальная правда? Кто тот, кто понимает и интерпретирует себя? Кто я, кто говорит «я»?

На этот вопрос мы отвечаем, выделяя наши черты характера, наши способы бытия, одним словом, то, что остается фиксированным, и идентифицирует нас как одного и того же человека, несмотря на изменения. Но эта форма идентичности имеет свои пределы. Потому что, строго говоря, постоянство во времени того, что я есть, не отвечает на вопрос «кто я?», а отвечает скорее на вопрос «что я собой представляю?» Рикер, чтобы противостоять этому сдвигу, предлагает различать два типа идентичности: эквивалент латинского *idem* (тождественность) и *ipse* (самость). Он неоднократно заявляет, что самость не есть тождественность. Идентичность-одинаковость представляет ценность для любого объекта, который существует во времени [2]. Но если субъект не существует просто в виде стула или камня, его личность не может быть сведена к личности *idem*. Скорее, это относится к измерению самости, конкретно проявляемому добровольным самосохранением других людей. Кстати, человек ведет себя так, что «другие могли рассчитывать на него». То, что иллюстрирует Рикер, - это символическая фигура обещания, в котором я убежден в том, кто я есть, а не в том, что я есть.

Два звена одной цепи

Самость не заменяет однообразие предмета, а дополняет его. И именно здесь вмещивается нарративная идентичность, то есть развертывается диалектическое отношение, объединяющее полюсы *idem* и *ipse*. Это понятие, впервые появившееся в заключении книги «Время и рассказ», основано на идее, что каждый человек соответствует самости в нарративе [4, р. 381]. Речь идет не об объективной истории, а о том, что писатель и читатель своей собственной жизни рассказывает о себе. Таким образом, личностная идентичность формируется посредством рассказов, которые она производит и постоянно интегрирует. При этом, не будучи закрепленным в твердом ядре, «я» трансформируется через свои собственные истории, а также через те, что передаются традиционно или в литературе, которые там прививаются, продолжая реструктурировать личную историю.

«Рассказывая о цели настоящей жизни, писатель дает читателю узнаваемые черты любимых или уважаемых персонажей», пишет Рикер в книге «Я-сам как другой». Нарративная идентичность удерживает вместе два звена одной цепи: постоянство во времени характера и поддержания самого себя. Но поскольку нарративная идентичность допускает несколько рассказов (нарративов), также как и их постоянную перестройку, то она никогда не является окончательной и, таким образом, обогащает обычное понимание человека, которое впредь задумывается как персонаж, который нарративно

борется с рассеянием своих собственных переживаний [4].

Исходя из понятия *ipse*, Рикер приводит нас к гибкой и динамичной концепции идентичности, которая иммунизирует от опасности возвращения, даже если косвенно, к «сильному» я, понимаемому как твердое ядро. Часто используемый литературными исследованиями анализ Рикера также позволяет вести диалог с политической философией, особенно с канадским философом Чарльзом Тейлором, для которого «я» берет свое начало из интерпретирующего и исторического контекста [5].

Жизнь как рассказанная история

Достаточно хрупким результатом союза истории и художественной литературы является присвоение индивидом или сообществом определенной идентичности, которую можно назвать их нарративной идентичностью. «Идентичность» рассматривается с точки зрения практики. Сказать идентичность человека или сообщества – это значит ответить на вопросы: кто совершил данное действие? кто является агентом, автором? Самым простым решением для нас является называние кого-либо именем собственным. Но что при этом мы понимаем под именем собственным? Является ли оно постоянным и достоверным? Чем подтверждается сохранение субъектом действия своей самости в течение всей жизни, которая простирается от рождения до смерти? Ответ может быть только нарративным. То есть в данном контексте ответить на вопрос «кто?», это значит рассказывать историю жизни. Именно рассказанная история повествует о субъекте действия. Идентичность кого-либо является исключительно нарративной идентичностью. Без помощи повествования проблема личностной идентичности на самом деле ведет к антиномии без ее разрешения: либо рассмотрение субъекта, как идентичного самому себе в многообразии своих состояний, либо, следуя за Юмом и Ницше, как субстанциональную иллюзию [3]. Дилемма исчезает, если понимание идентичности, взятой как *idem*, заменяется идентичностью, понимаемую в смысле самого себя (*ipse*); разница между *idem* и *ipse* - это не что иное, как разница между существенной или формальной идентичностью и нарративной идентичностью. Самость может избежать дилеммы тождественного и Другого, поскольку ее идентичность основана на временной структуре, соответствующей модели динамической идентичности, вытекающей из поэтического состава повествовательного текста [1,2]. Таким образом, самость может быть переделана рефлексивным применением описательных конфигураций. В отличие от абстрактной идентичности нарративная идентичность, составляющая *ipse*, может включать изменение или переменчивость в жизни. Затем субъект появляется как читатель и писатель своей жизни. Как подтверждает литературный анализ автобиографии, история жизни постоянно перерабатывается различными правдивыми или фиктивными историями, которые субъект рассказывает о себе. При подобной рефигурации жизнь представляет собой рассказанную историю.

Список использованной литературы:

1. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1-2. М.-Санкт-Петербург, 2000.
2. Рикер П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
3. Ricoeur P. Temps et récit V. III, Paris : Seuil, 1985.
4. Sophie-Jahn Arrien. Qui est "je" ? Dans "Temps et récit", le philosophe évoque une entité mouvante qui se transforme au fil des récits // Le Point.fr. 2017.
5. Taylor Ch. Sources of the Self: The Making of Modern Identity. Harvard University Press, 1989.

ЧЕСНОКОВА Л.В.

Омский государственный университет путей сообщения, г. Омск,
Российская Федерация

ЛОЖЬ КАК КОММУНИКАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

«Все лгут», - говорил один известный персонаж американского сериала. Невозможно представить себе общество, где люди, не задумываясь о последствиях, говорили бы кому угодно всё, что они в действительности думают. Ложь – не только социальный феномен, но и социальная стратегия, которая постоянно используется в процессе повседневной коммуникации. По мнению П. Экмана, ложь можно отнести почти ко всем сферам деятельности. «Некоторые могут содрогнуться от такого утверждения, поскольку считают ложь достойной всяческого осуждения. Я не разделяю этого мнения. Положение, что ни в каких человеческих отношениях не должно быть лжи, слишком примитивно» [6, с. 10].

Ложь состоит в преднамеренном искажении действительности, предпринимаемом с определенными целями. Так, ложь «из вежливости» служит сохранению социального мира, так как делает общение чужих, порой неприятных друг другу людей, более выносимым. Искражение фактов в свою или чужую пользу позволяет сохранить собственное лицо и пощадить самолюбие другого человека. Соккрытие истинной информации о себе служит самосохранению – так как другой всегда может превратиться во врага или конкурента. Ложь оставляет пространство для социального маневра, позволяя не выставлять напоказ то, что может быть неприятным другому. Наконец, соккрытие истинных мыслей и чувств маркирует нахождение в публичном пространстве, где все играют предписанные им социальные роли.

Ложь позволяет добиться определенных целей (например, социального одобрения) или помогает избежать нежелательных последствий. Существует такое явление, как фальсеоинтеракция - социальное взаимодействие, в основании которого лежит «осознанность фальши (обмана, лжи) обеими сторонами взаимодействия и одновременно принятии ими этих правил игры» [4, с. 11]. В подобной интеракции происходит соккрытие реального под маской одобряемого всеми участниками.

Интернализация сложных правил поведения в обществе, включая навыки

социальной лжи, является важным условием успешной социализации. Ребенка с ранних лет обучают социальному маскараду («улыбнись тете»). Здесь он сталкивается с парадоксом: с одной стороны, искренность и правдивость считаются одобряемыми качествами, а с другой стороны, они часто противоречат требованиям вежливости, этикета и умения вести себя в обществе.

Публичное пространство характеризуется именно требованиями инсценировки, контроля над самопрезентацией, необходимостью выполнять социальные ожидания, демонстрацией того, «как должно», а не «как есть на самом деле». На публике человек все время носит социальную маску из стремления произвести вовне определенное впечатление. Само слово персоне» в своем первоначальном значении означало «маска». Обман и лицемерие повсеместно распространены и являются центральными стратегиями социальной коммуникации.

В эпоху Нового времени в результате урбанизации устанавливается четкая граница между частным и публичным, естественным и наигранным поведением, жизнью в обществе и жизнью в семье. Публичная жизнь – это социальный театр, *theatrum mundi*, где все отыгрывают роли. Поведение в обществе предполагало «безличное общение, наполненное универсальными любезностями, которые существовали как форма, не зависящая ни от говорящего, ни от слушающего. Человек-актер дистанцируется от своего внутреннего мира, от своих истинных мыслей и эмоций» [5, с. 46]. Теперь считается, что естественность и искренность в проявлении чувств должны иметь место не в публичной, а в частной сфере.

Для воплощения этой коммуникационной стратегии человек выступает в повседневной жизни как актер. Прежде всего И. Гофман показал этот механизм в своих исследованиях, используя метафоры спектакля и сцены для описания техник коммуникации в публичном пространстве. Одним обманывающего он называет исполнителем, нескольких – труппой, адресатов обмана – зрителями и т.п. Он рассматривает жизнь в обществе как театральное представление, а управляемое драматургическими принципами. Индивид в своей повседневной жизни стремится создать и проконтролировать впечатления о себе. Человек играет роль, а также «приспосабливается к ролям, исполняемым другими присутствующими и эти другие составляют также и публику» [1, с. 29-30]. В сценический образ входят мимика, жестикация, осанка, поведение и одежда. Каждый человек заботится о своей самопрезентации и старается приукрасить, а то и замаскировать свой облик, свои мысли и планы. Общество требует от своих членов самодисциплины, самообладания и сохранения дистанции.

Подобное фальшивое поведение, социальный маскарад, с одной стороны, шалдят чужие границы («ты хорошо выглядишь» вместо «как ты располнела»), а с другой стороны – защищают собственную частность, хрупкость, уязвимость, тайну, которая в результате коммуникации подвергается опасности быть поврежденной. Публичное пространство, где взаимодействуют чужие друг для друга люди, – сфера конкуренции и борьбы. Неизвестно, как при

определенных обстоятельствах поведет себя наш партнер по общению – выступит как конкурент, соперник, противник? Поэтому важно сохранять невозмутимость, не демонстрировать собственные слабости, прятать свой внутренний мир от публичности, от наблюдения и вопросов, от непрошеного участия и любопытства.

Личные страдания, болезни и слабости скрываются, чтобы они не могли быть использованы другими в собственных интересах. Чужое участие и сочувствие могут быть в тягость. Когда наличие некой социальной стигмы становится очевидным для окружающих, носитель этой стигмы оказывается беззащитным перед вторжением в его приватную сферу. Он испытывает дискомфорт «в результате разговоров с посторонними людьми, считающими себя вправе завязать с ним разговор и принимающимися интересоваться подробностями его существования или предлагать помощь, в которой он не нуждается или которой не хочет» [3, с. 13].

Правила приличия и такта создают необходимую для жизни в обществе дистанцию, облегчающую мирное сосуществование членов общества друг с другом. Взаимная вежливость помогает общаться даже с неприятными людьми. Вместо истинного содержания, которое может быть довольно неприглядным, мы демонстрируем вовне форму – представляем себя с помощью ритуалов вежливости такими, какими должны были бы быть.

Человек в публичном общении демонстрирует вежливость и тактичность чтобы сохранить и свое лицо, и лицо партнеров по коммуникации, давая им возможность разыгрывать выбранные ими роли. Он «прибегает к велеречивости и прямому обману, тщательно формулируя реплики, чтобы сохранить хотя бы лицо других, если не свое собственное благополучие [2, с. 31]. От человека ожидается тактичная подслеповатость по отношению к событиям, которые могут поставить его партнера по коммуникации в неудобное положение.

Умение вести себя в обществе, правила приличия, хорошие манеры, соблюдение конвенциональных норм общения дает индивидам символическое свободное пространство как форма цивилизованной дистанции, необходимая в социальном контексте. Подобная сдержанность является важной социальной компетенцией, помогающей провести границу между публичным и приватным.

Однако постоянное ношение социальной маски довольно утомительно. Поэтому каждому требуется приватное пространство, где он бы мог расслабиться, на время отказаться от своей социальной роли, чтобы - отдохнувшим – вновь вернуться в публичное пространство.

Список использованной литературы:

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А. Д. Ковалева. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. - 304 с.
2. Гофман И. Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / пер. с англ. под ред. Н. Н. Богомоловой. М.: Смысл, 2009. – 319 с.
3. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью / пер. с англ. М. С. Добряковой. [Электронный ресурс]. URL:

https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf (дата обращения 30.09.2018).

4. Каширина М. В. Фальсеоинтеракция как особая форма социального взаимодействия // Социум и власть. 2013. № 6 (44). С. 11-16.

5. Чеснокова Л. В. Сферы частного и публичного как дихотомия природы и культуры // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. 2018. № 2 (19). С. 44-49.

6. Экман П. Психология лжи. Санкт-Петербург: Питер, 2007. - 270 с.

ШРЕЙБЕР В.К.

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

ЧТО ТАКОЕ СОЗДАТЕЛЬ ИСТИНЫ?

В силу внутренней напряженности отношений между верой и знанием религиозные философы и богословы весьма чувствительны к новейшим эпистемическим трендам и сюжетам. Одной из таких активно обсуждаемых на Западе тем с 80-х гг. XX-го века и до сегодня является *truthmaking*, буквально *созидание истины*. Поисковик «Академии» дает цифру в полторы тысячи работ, в которых упоминается «создатель истины». Это изобилие публикаций и, соответственно, связей, в которых обсуждается этот феномен, отнюдь не способствует достижению ясности относительно того, что под этим словосочетанием подразумевается. Для отечественных философов предмет тем более интересен, что разработчики теории созидания истины усматривают в идее *truthmaking* эвристический потенциал для развития онтологии или - в более привычном для западных авторов языке - метафизики. Цели предлагаемых заметок следующие: 1) ввести в проблематику созидания истины; 2) познакомить с максималистской трактовкой создателя истины; 3) обозначить трудности, с которыми сталкиваются попытки найти создателя истины для отрицательных и универсальных утверждений и 4) уточнить отношение между теорией создания истины и теориями истины. Вследствие ограниченности формата особенности потенциальных кандидатов на роль создателя истины в рамках религиозного опыта рассматриваться не будут.

1. Созидание истины и его структура

Грамматически «создатель истины» или *truthmaker* образован двумя корнями: *truth* – истина и *make* – делать, создавать, конструировать. *Maker* – это существительное, образованное от глагола *make* и обозначающее того, кто делает. Чтобы как-то локализовать смысл «создателя истины», начнем с того, что в этом словосочетании понятнее, то есть с истины и примем, что истинность есть характеристика суждения. Алетически суждения делятся на истинные и ложные. Те, что истинны априори, отложим *пока* в сторону. Остальные истины условны; они могут оказаться ложными. Теперь спросим:

когда суждение S является условной истиной, *что делает его истинным?* Едва ли достаточно сказать: « S истинно — и точка». Разумнее полагать, что его истинность является реляционным свойством. Мир как совокупность всех объектов, которые существуют на самом деле, — этот мир и делает S истинным. Или, поскольку очень немногие истины предназначены для описания всего мира, какая-то часть мира делает данное утверждение истинным. Где-то внутри мира S имеет своего *создателя истины*. Иными словами, есть некое событие, e , такое, что, если e существует, то S необходимо истинно. Возможно, что существует несколько вещей, любой из которых будет достаточно, чтобы сделать суждение S истинным. Любая кошка — по крайней мере, если она кошка — является создателем истины для утверждения, что нечто является кошкой [4, p.217].

Сегодня под теорией создания истины (СИ) подразумевается раздел философии, исследующий отношения между тем, что истинно, и тем, что придает истинность: «принцип создателя истины гласит, что всякая пропозиция, которая является истиной, должна быть сделана истинной посредством чего-то» [3, p.1]. Семантическая конструкция, которая приобретает свойство истинности, получила название *носителя истины* (truthbearer). То, что придает это свойство, назвали *создателем истины*. В стандартных случаях этим создателем выступают факты (Рассел) или состояния дел (Армстронг).

Носителем истины могут служить предложение, высказывание, репрезентант убеждения (belief token) или утверждение, которые могут быть поставлены в соответствие той сущности, благодаря чему носитель обретает свойство истинности (ложности). Рассел и Витгенштейн чаще обращаются к термину *пропозиция*, понимая под ним семантический инвариант всех языковых конструкций, которые производны от предложения. Создатели истины могут принадлежать к онтологически различным формам и структурам: вещам, тропам, состояниям и свойствам. И точно также категориально пересекающимся является отношение созидания; оно может устанавливаться между онтологически разными видами, в частности, между сущностью и пропозицией (к примеру, между Сократом и суждением *Сократ существует*).

Таким образом, знакомство с составом (структурой) процесса создания истины обнаруживает различие с классической гносеологической моделью, в которой сторонами познавательного отношения выступали субъект и объект. В теории создания истины субъект как бы отступает на задний план, и теоретическая схема приобретает семантическую (семиотическую) окраску. Эта модификация, действительно, могла способствовать обнаружению новых аспектов философского исследования.

2. Максимализм и проблема отрицательных суждений

Всякий ли носитель истины нуждается в её создателе? Знаменитое «одно и то же есть мысль и то, о чем мысль существует» Парменида нередко читается как свидетельство авторских наклонностей к объективному идеализму. Но в плане нашей темы их можно прочесть как тезис об обязательности создателя истины для носителя, поскольку в противном случае носитель истины вообще

ни о чем. Соответственно, создателем ложной пропозиции должны служить те черты сущего, благодаря которым пропозиция является ложной или её ложность допускается.

Эта интерпретация получила название принципа максимизации создателей истины (*truthmaker maximalism*). Согласно этому принципу все истинные утверждения имеют своих создателей истины. Ярким сторонником максималистской концепции был австралийский философ Дэвид Армстронг. Хотя он признавал, что не имеет достаточных аргументов в пользу своего убеждения [1, p.7]. Концепцию критикуют по трём основаниям. Во-первых, потому что своих создателей нет у логических истин и законов науки (считается, что, будучи необходимыми универсальными истинами, законы науки не зависят от того, на что мир походит). Второе: «максималисты» испытывают трудности при вопросе, чем могут быть создатели истины для этических, модальных или математических носителей истины. Наконец, сохраняется проблематичность создателей истины для отрицательных суждений. Они либо не существуют, либо, по крайней мере, не найдены [5]. Понятно, что тот, кто глубоко привержен идее создателей истины и одновременно сомневается, что для определенных носителей истины можно найти творца истины, будет отвергать истинность этих носителей. Те же, кто находят интуицию Парменида убедительной, рассматривают её как перспективную методологическую установку при поиске создателей истины для пропозиций всех видов. Для Армстронга, к примеру, создатели истины действуют как «онтологическое основание»: это вещь объективного мира и её существование придает суждению статус необходимой истины [1, p.190; 2].

Пока самым спорным остаётся вопрос о создателях истины для отрицательных экзистенциальных суждений. Рассмотрим отрицательную экзистенциальную истину *единороги не существуют*. На первый взгляд, это предложение верно не потому, что существует какая-то вещь, а, напротив, именно потому, что её нет. Однако с точки зрения «максималистов» в случае отрицательного экзистенциального суждения создателем его истинности должна быть некая сущность, наличие которой исключает существование единорогов и объясняет их небытие. Но в мире «позитивных» сущностей нет ничего, что могло бы гарантировать отсутствие единорогов. Армстронг здесь вводит идею целостности состояний дел; в данном случае этой целостностью будет совокупность всех существующих животных. К сожалению, эта идея не гарантирует отсутствия единорогов. Ибо этот набор животных может существовать, и все же будет истинным, что в дополнение к ним существуют единороги. Только если максималист сумеет доказать, что данная совокупность исчерпывает *всех* животных, которых можно встретить, он найдет подходящего создателя истины для отрицательного экзистенциального высказывания.

Рассел в этом контексте обращается к понятию негативных фактов, Армстронг модифицирует свою позицию, вводя состояние дел второго порядка. Льюис пытается обойти трудность с помощью гипотезы возможных миров. Есть и другие варианты. Все они требуют специального анализа. Но

общепринятого решения пока не видно.

4. Природа истины и теория создания истины

История теории СИ тесно связана с пониманием истины как корреспонденции. Метафизические амбиции логического атомизма Рассела были коррелятом корреспондентской теории истины, к которой он начал благоволить примерно в то же самое время. И в наши дни теория создания истины иногда рассматривается как модернизированная база теории корреспонденции. Особой загадки тут нет. Для сторонников корреспонденции пропозиция истинна, если и только если она состоит в соответствии с какой-то сущностью реального мира. Согласно теории созидания истины, пропозиция истинна, если и только если у неё есть создатель истины, то есть она стоит в отношении созидания истины с какой-то реальной сущностью. Если отношение создания истины идентифицировать с отношением корреспонденции, а набор создателей истины (фактов и т.п.) с набором объектов корреспонденции, то, похоже, что теория СИ лежит в основаниях корреспондентной версии истины.

Такое толкование строится на максималистской предпосылке. Ибо в этом варианте разработку теории истины следует начинать с постулата, что каждая истина имеет своего создателя. Отсюда любой пробел в создателях истины становится проблемой для тех, кто пытается объяснить природу истины посредством создателей истины. Тот факт, что максимализм является факультативным условием теории СИ, означает, что обращение к теории создателей истины как предпосылке теории истины также необязательно.

Дефицит СИ - не единственная трудность для тех, кто пытается определить истину языком СИ. Для теоретика созидания, X является создателем истины для y , если истинность y возникает только при существовании x . Иначе говоря, описание отношения СИ предполагает понятие истины, - получается круг. Отсюда теория СИ не может служить теорией самой истины.

Если теория СИ опирается на концепцию истины, не могут ли такую основу дать дефляционные или, по-другому, минималистские теории? Согласно дефляционистам, истина вообще не является существенным свойством утверждения с алетической модальностью. Предложение *снег бел* истинно не из-за того, что снег обладает некоторым сущностным свойством, или потому что предложение находится в соответствии с определенным объектом. Для дефляциониста нет ничего более близкого истине *снег бел*, чем белизна снега. Соответственно, дефляционные теории истины можно рассматривать как неявное отрицание теории создателя истины. Теория СИ несовместима с дефляционными теориями и должна предполагать субстанциональную теорию истины. Однако остается неясным, что именно в теории СИ противоречит дефляционным концепциям. Во всяком случае признание создателя истины в принципе означает, что истина коренится в мире или в реальности. Это «или» составляет проблему для современных натуралистов. Понятие реальности многозначно и тем самым сохраняет перспективу нескончаемых споров.

Список использованной литературы:

1. Armstrong D. M. Truth and Truthmakers // Cambridge, etc. CUP. 2004

2. Armstrong D. M. *A World of States of Affairs* // Cambridge, etc. CUP. 1997
3. Beebe H. & Dodd J. (eds) *Truthmakers: Contemporary Debates* // Oxford. Clarendon Press. 2005
4. Lewis D. *Papers in Metaphysics and Epistemology* // Cambridge, etc. CUP, 1999
5. Simons P. *Negatives, Numbers, and Necessity: Some Worries about Armstrong's Version of Truthmaking* // *Australasian Journal of Philosophy* 82. 2 (2005): 253–61.

Раздел III

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ:

ВЫСТУПЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ, МАГИСТРАНТОВ И АСПИРАНТОВ

ВОЛЧЕНКО В. В.

Международный юридический институт Волжский филиал, г. Волжский, Российская Федерация.

РИСК И СИМУЛЯКР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В современных условиях повышается динамика изменений в процессах трансформации всех основных элементов и звеньев структур социальной реальности таким образом, что социум утрачивает признаки тотальности, структурированности. В определённой мере он проявляется как переменчивая совокупность локальных фрагментов, слабо сообразованных друг с другом, вследствие этого закладываются предпосылки многообразия сценариев его дальнейшего развития. Острая кризисная ситуация в современном мире, глобальная информатизация и развитие сетевого коммуникативного пространства существенно расширили спектр рисков и угроз социальной безопасности личности. “Феномен риска – это форма проявления человеческой субъективности в объективных социальных ситуациях, когда последние выступают либо как предопределённость, либо как неопределённость и требуют от социального субъекта выбора своего поведения в ответ на угрозы и вызовы” [4, с. 90].

Всегда ли угроза и, соответственно, риск являются реальными? Как показывает социальная практика, существует два вида превращения угрозы и риска в симулякры. Во-первых, это может быть сознательным манипулированием общественным сознанием со стороны правящих кругов; во-вторых, это может быть добросовестным заблуждением самих масс. Стремительное развитие информационно-коммуникативных технологий инициировало широкую экспансию термина “виртуальная реальность”, его популярность и повсеместное употребление, в особенности, в научном дискурсе, и его смысловую полифонию. Реальность, обозначаемая этим термином, стала важным фактором развития культуры, частью бытия человека, особой средой, с которой оказывается прямо или косвенно связанными все сферы человеческой жизнедеятельности.

Виртуальная реальность – это компьютерным образом смоделированная квази-реальность, созданная искусственными средствами аудиовизуальная смысловая среда, которая выдаётся или принимается субъектом за подлинную или близкую к подлинной и которой придаётся мысленные признаки видности. Виртуальная реальность всегда имеет среду своего существования (среду действия или среду анализа) и некоторое постоянно воспроизводимое

отношение к этой среде. Термин “виртуальная реальность” обязан своим появлением не только развитию современных информационно-коммуникативных технологий, но и смене парадигм, благодаря которой осуществляется переосмысление реальности. Происходит трансформация понятия реальности: она рассматривается, как сложная, нелинейная, отсутствие чёткого разграничения субъекта и объекта, их взаимообусловленность.

Методологической основой раскрытия сущности виртуальной реальности в рамках постмодерна (Ж. Бодрийяр, Ф. Гваттари, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко) становится теория симулякров. Репрезентативная модель симулякров наиболее наглядно иллюстрируется на примере концепции Гигатона, где симулякр выступает как ослабевающее подобие. В русле непрезентативной модели симулякров противопоставление копии оригиналу больше не имеет смысла, утрачивается понятие подлинности. Особую жизненную силу пониманию симулякра придаёт образ, лишённый подобия живущего различием, проявляющего свою сущность в вечном изменении. Ж. Делез с одобрением приводит тезис: “Симулякры – это конструкции, включающие угол зрения наблюдателя так, что в любой точке, где находится этот наблюдатель, воспроизводится иллюзия... В действительности акцент делается не на определённом статусе небытия, а скорее на этом едва заметном разрыве, на едва заметном искажении реального образа, происходящем в точке, занятой наблюдателем и дающим возможность построить симулякр” [1, с. 333].

Специфика социальной реальности такова, что копии и симулякры наделяются самостоятельным бытием. Таким социальные конструкты остаются внутренне присущими социальной реальности, но лишь в виде второго мира, как бы второй действительности – наряду и вместо бытия самих людей. Эти формы повсюду “наделяются притязанием быть заместителями людей, их ожившими “тенями”. Современные информационные технологии преобразуют как основы общественной жизни, так и принципы индивидуальной экзистенции. В первом аспекте они как бы сжимают время, тем самым лишая общество временных последовательностей и деисторизируя историю. Доминантные ценности и интересы конструируются безотносительно к прошлому или будущему, во вневременном ландшафте компьютерных сетей и электронных средств коммуникаций, где все выражения или мгновенны, или лишены предсказуемой последовательности. Как иронично замечает М. Кастельс, современное общество похоже на операционную систему Windows, которая сохраняет вид реальности, симулируя на экране монитора нажатие кнопок калькулятора или размещения карточек каталога в ящике” [2, с. 44].

О развеществлении общества можно говорить постольку, поскольку сущность человека отчуждается не в социальную, а в виртуальную реальность. Человек, погруженный в виртуальную реальность, увлеченно “живет” в ней, сознавая её условность, управляемость её параметров и возможность выхода из неё. В любого рода виртуальной реальности человек имеет дело не с вещью (располагаемым), а с симуляцией (изображением). Перспектива того, что отношения между людьми примут форму отношений между образами и есть

перспектива развеществления общества. Индивид является не только создателем, но и носителем и получателем информации. Владение информационным ресурсом и контроль над информационными потоками создаёт для властных элит беспрецедентные возможности для тотального влияния на большинство населения. В информационном обществе она становится вписанной на фундаментальном уровне в культурные коды, которые формируются посредством информационных технологий и на основе которых люди представляют социальную реальность, на основании которых принимают решения. Эта виртуальность есть сегодняшняя реальность вследствие того, что именно в этом поле вневременных, лишённых места символических систем социальные субъекты конструируют категории и формируют образы, определяющие поведение.

В настоящее время глобальная сеть Интернет переживает “коммуникативный” этап своего развития: пользователю предлагаются различные виды виртуальной коммуникации, дающее удобную иллюзию бытия-в-мире совместно с “Другими”. Человек стремится в виртуальный мир, чтобы избавиться от мучительного чувства одиночества, фундированного изначальным обстоятельством со-бытия с “Другими” человека в мире. Однако в виртуальном пространстве наблюдается преимущественно такой способ бытия, когда человек оказывается замаскированным под диалог монологом. Контакты, общение, наполненная эмоциональная жизнь в виртуальном мире лишь иллюзия. “Именно человеку в первую очередь приходится постоянно рисковать, приспособляясь к новым условиям, проявлять самостоятельность, принимая, порой незамедлительно, неординарные решения, искать ответы на сложные вызовы действительности, рассчитывая, прежде всего, на себя, на свой опыт, на свой природный дар интуитивного предчувствия и силу интеллектуального прозрения” [3, с. 60].

Глобальный социальный контекст активно формирует свой собственный глобальный дизайн. Сущность человека всё более отчуждается не в социальную, а в виртуальную реальность. Риск того, что отношения между людьми примут форму отношений между образами и есть перспектива не только развеществления общества, но в определённом смысле и потери человеческой экзистенции.

Список использованной литературы:

1. Делез Ж. Логика смысла. Екатеринбург, 1998.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
3. Лукьянов Г.И. Концептуальное обоснование риска в контексте социальной реальности // Философия и культура. 2000. №11(47). с. 59-65.
4. Лукьянов Г.И. Риск: диалектика реального и ирреального // Философские исследования. 2004. №1(34). с. 89-95.

ГЛЕБОВ О.А.

НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИМИТАЦИИ ИСТИНЫ

Чтобы раскрыть вопрос основания возможности имитации истины нам придется погрузиться в онтологическую проблематику отношения бытия и сознания. Здесь условно существуют 2 взгляда, из которых мы будем исходить: онтологический и экзистенциальный [2, 3].

При онтологическом подходе мы принимаем за бытие продукт сознания, т.е. сформированный и конституированный человеческим сознанием объект, не соответствующий действительности. Такая операция называется объективацией. Например, по Хайдеггеру, Бытие, которое рассматривалось всеми начиная с Платона как сущность сущего представляет собой объективацию (сам Хайдеггер использует иной термин – онтологизм, неаутентичное экзистирование). Ведь сущность сущего не может наличествовать в самом сущем, она должна быть внеположена [9]. Отсюда следует, что все философы принимали за бытие его объективацию, т.е. подменили действительное и аутентичное конструктом сознания и занимались тем, что существует лишь в сознании. Получается, что при подобном рассмотрении феномена мы заменяем его сознанием о феномене и работаем не с самим феноменом, а с репрезентацией его в сознании, т.е. объектом. Такой способ сознания навязывает смысл данному в присутствии и не позволяет ему раскрыться, т.к. положение объекта начинается с положения границ, а границы представляют собой основу различения, благодаря которому возможно само понятие. Ведь основа понятия есть различение. Этот способ мышления делает феномен пассивным, т.к. фиксирует или конструирует определенные элементы феномена делая его статичным. Сам аутентичный феномен, как проявление бытия элиминируется, т.е. заменяется на сконструированный предмет, на смысл, положенный в нечто, что в расчет не берется. Мысль о предмете равна предмету. Концепт и есть то, что действительно существует. В данном подходе не существует человека как активной личности, существующей вне границ положенного сознанием смысла. В данной системе есть субъект (который мы воспринимаем структурно, т.е. тот Кто, через которого все рассматривается. Концептуальный персонаж по Делезу [7, с. 71 – 97.]), который может выступать в роли мирового духа Гегеля или Декартовского субъекта, обладающего свойствами неделимости, рациональности, самоценности или Хайдеггеровского Dasein, с множеством экзистенциалов, но важно то, что это не живой и активный человек, который может взаимодействовать с бытием напрямую. Всегда есть посредник, роль которого является центральной. Он всегда элиминирует живого и активного человека, заменяя его собой.

Экзистенциальный подход к решению проблематики противоположен

онтологическому. В данном подходе учитывается объективирующее свойство мышления и в нем мышление не равняется бытию. Бытие существует автономно от мышления, т.к. мышление объективирует и уводит от бытия, от сути дела, от присутствующего в действительном феномена. И с учетом этого вырабатывается персоналистическая и антропоцентрическая трактовка бытия. Т.е. поскольку бытие, включающее в себя все феномены, не может являться объектом в виду объективирующей природы сознания, скрывающей действительное, то оно может быть субъектом, причем субъектом не объективированным (не концептуальным персонажем), а экзистенциальным субъектом, т.е. активным и персоналистичным. Человек является частью бытия, и он является активным и личностным, отсюда следует, что бытие также активно и личностно, но активность его проявляется в человеке и через человека. В такой оптике мы мыслим исходя из феномена и учитываем его динамику. При таком подходе смысл феномену не навязывается, а позволяет раскрыться. И именно такая оптика позволяет допустить истину. Лишь в экзистенциальном контексте может проявиться истина, т.к. горизонт такой оптики соподрозумевает наибольшее количество потенциальностей [5, с. 62 - 64], т.е. различных предполагаемых, также, как и свободных проявлений феномена.

Онто-гносеологический горизонт является открытым и лишенным гносеологического насилия-объективации. Совокупность соподрозумеваемых потенциальностью операций сознания допускает большее количество очевидностей и это условие позволяет широкой интерпретации истины существовать в моменте присутствия и наличествования, т.е. открываться.

Онтологическому аспекту из-за наличия основной операции положения границ достаются лишь подмена и «остатки», т.е. в виду динамичности сущего, объективирующее сознание, во-первых, принимает конструированные сознанием предметы и их смыслы за действительный (наличествующий) предмет, т.е. это подмена, имитация; во-вторых, сужает горизонт интерпретации и набрасывания смысла, благодаря которым возможно иное проявление феномена. Из-за этого горизонт сужается и предмет как данное в присутствии (экзистенциальный предмет, т.е. вещь) умалется, превращаясь в эрзац или симулякр.

Итак, условием возможности имитации истины является онтологизм, который проявляется через гносеологические операции как объективация. Через нее происходит подмена наличной вещи на конструктор сознания, который полагает границы и наделяется смыслом. Такая репрезентация представляет собой не более чем игру [10], ведь содержание и сам субстрат феномена определяется сознанием. Истина может развернуться лишь в экзистенциальном плане в виду открытости интенционального горизонта.

Список использованной литературы

1. (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами // Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. — М.: Академический проект, 2014.

2. Бердяев Н. Дух и реальность. // Мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2018.
3. Бердяев Н. Я и мир объектов. // Мультимедийное издательство Стрельбицкого, 2018.
4. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Пер. с нем. А. В. Михайлова. Вступительная статья В. Куренного // – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
5. Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. с нем. В.И. Молчанов. // - М.: Академический проект, 2010.
6. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия. Введение в феноменологическую философию //СПб.:«Владимир Даль», Фонд Университет. – 2004.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. Зенкина С. Н // - М.: Академический проект, 2009.
8. Кант И. Предполагаемое начало человеческой истории // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука. – 1980.
9. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. // – М.: Академический Проект, 2013.

Литература на иностранных языках:

10. Gadamer H. G. Truth and method (J. Weinsheimer & DG Marshall, trans.) //New York: Continuum. – 1989.
11. Rosenzweig F. et al. The new thinking // Philosophical and Theological Writings. – 1999.
12. Tillich P. Systematic theology // – University of Chicago Press, 2011. – Т. 3.

ГОРБУНОВА М.В.

Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА В ОБЩЕСТВЕ РИСКА: СТАНОВЛЕНИЕ ИЛИ СИМУЛЯЦИЯ?

Правосознание – часть правовой жизни, и оно не эпизодически «включается» при совершении или трактовке юридических действий, а служит каждодневному поддержанию, изменению или разрушению правопорядка. Природа закона – это часть природы самопонимания человека, то есть того, как он понимает общество. Именно это понимание и его разновидности порождают многообразие конкретных вариаций универсального и необходимого для любого развитого государства института права, хотя отдельные законы могут восприниматься как неприемлемые в различных обществах и даже группах. Следовательно, общество риска, характеризующееся как нестабильностью системы правовых норм, так и неустойчивостью по отношению к деформациям, нуждается в прояснении различных типов понимания природы закона,

концепций права и их совершенствовании.

Цель данной статьи состоит в выяснении того, как индивидуальное правовое сознание гражданина, юриста и должностного лица осознает и оценивает единство и многообразие международной правовой системы в условиях общества риска. Один из факторов риска на мегауровне социальности – признание действий различных субъектов права законными или противозаконными (соответствующими «истинной» идее права, «духу закона»), что иногда определяется или испытывает влияние не только национального правосознания, но и моральных или религиозных факторов.

Любая идея индивидуальна; неудивительно и даже закономерно, что существует и политический фактор признания международных правовых норм, поскольку волюнтаризм сочетается с традиционной идеей государственного суверенитета, враждебной тому, что чья-то чуждая ли просто внешняя идея нравственности станет источником собственных юридических обязанностей. Так, бомбардировка Организацией Североатлантического договора (НАТО) в Косово в 1999 г. была незаконной, поскольку она не была ни санкционирована Советом Безопасности ООН, ни тем более актом самообороны (защиты). Большинство юристов в мире сходятся на том, что, даже если ее можно было морально оправдать, сами действия НАТО все же были незаконными [1].

На сегодняшний день еще нет исследований в философии и даже юриспруденции, посвященных возрастанию значения международного права и глобальных правовых стандартов (как и прав человека) в легитимности, «истинности» и справедливости национальных законодательств. В международной юридической теории и в еще более высокой степени в практике господствует волюнтаристско-позитивистское представление о том, что содержание международного права вытекает из консенсуса или согласия государств. Отсюда «несогласные», бывает, не следуют правовым нормам в межгосударственных вопросах, что создает очаги нестабильности и поводы для вмешательства в дела иных государств. Таким образом, в глобализирующемся обществе проблема обоснования права получает новое измерение. Является ли международное право системой права, и обязаны ли его субъекты подчиняться нормам международного права? Или же единство и обязательность данной системы симулируется теми правовыми субъектами, которые «экспортируют» юридическую и материальную ответственность, налагая ограничения на действия иных глобальных субъектов?

Гуго Гроций отграничил естественное право от гражданского (позитивного), показав, что последнее, в отличие от первого, добровольно [2]. Таким образом, для Гроция, есть две правовые истины: с одной стороны, существуют мораль или естественное право, а, с другой стороны, нормы, вытекающие из актов воли. Следуя логике Гроция, если международное право отличается от широко толкуемого естественного права, то оно основано на актах воли (как и любое позитивное право в трактовке Гроция). Даже в течение XX в. английские правовые позитивисты, вслед за Бентамом, также видели источник права в «команде» государства; немецкие правовые позитивисты тоже доказывали, что закон «установлен» актом законодательной воли [3; 4].

Разумеется, верно, что никакие государства не связаны международными договорами без наличия согласия. Однако государства выполняют свои договорные обязательства лишь при условии верховенства закона, которое само по себе не является вопросом воли государств или, по крайней мере, вере в него. Попробуем доказать, что международное право является правовой системой. Его правила и принципы (нормы) действуют в отношении и должны толковаться в контексте, общем для других правил и принципов. В качестве правовой системы международное право не является случайным набором таких норм – между ними существуют значимые отношения. Качественные отличия отношений в формате обычного права, договорных отношений и общеобязательных норм объясняется следующим фактом. Нормы могут существовать на различных иерархических уровнях, их формулировки могут иметь различные уровни общности и специфичности, и степень их обоснованности может указывать на более ранние или, напротив, высокие уровни развития. На наш взгляд, позитивистский и волюнтаристский подходы скорее описывают более ранний этап развития международного права, когда оно еще являлось обычным правом. Договоры между отдельными государствами и, тем более, негосударственными субъектами права (неправительственные организации) являются не отдельными источниками права, а, скорее, соглашениями, обязательными в силу принципа обычного международного права, *pacta sunt servanda*. Кроме того, если отдельные договора противоречат нормам международного права, они не должны иметь силы. Поэтому каждая норма международного права высокого порядка имеет прямое действие. Нет такого второстепенного элемента (договора или нормы обычного права) в системе международного права, в силу которого иерархически более высокие правила и принципы перестали бы действовать, то есть подчинились бы ему.

Международное право как обычное право возникает, когда представители определенных государств сходятся в убеждении, что определенная практика должна иметь статус закона [5] и, соответственно, начинают рассматривать ее как закон или включают в число законов. После этого достаточно, чтобы другие субъекты рассматривали данную практику в соответствии с законом. Однако в современном взаимозависимом мире вера какого-либо одного правового субъекта, пусть и государства, в то, что эта практика является законом, не должна быть зависимой от установок или действий других субъектов международного права. Иными словами, в обществе риска все еще существуют различные трактовки тех или иных действий, однако ни сами трактовки различных субъектов права, ни принципы взаимного существования этих субъектов не должны зависеть от того факта, сколько государств считают, что это закон. Так же и на внутригосударственном – национальном – уровне действующей правовой системы судьи, профессора права, юристы и прокуроры не оглядываются друг на друга, проверяя, что они думают о законности, моральной приемлемости и степени обязательности выполнения тех или иных правовых норм в каждый конкретный момент или в зависимости от

обстоятельств. Все эти субъекты исходят в своей деятельности из того, что конечные критерии юридической силы обычно не меняются ежечасно и радикально.

Конечно, законы могут претерпеть и революционные изменения. В такие периоды субъекты права больше не могут руководствоваться старыми нормами, чтобы обосновать свои убеждения о критериях юридической силы. Тогда юридические должностные лица каким-то образом достигают консенсуса или компромисса в течение достаточного количества времени, вырабатывая конечные критерии достоверности (пример – те, которые изложены в новой конституции) взамен промежуточных или нуждающихся в пересмотре (пример – конституционные нормы, которым традиционно следовали). Должностные лица склонны дискутировать в процессе определения юридической силы. Как только принят новый закон, субъекты права признают правила, которые приняты и действуют в качестве юридических норм среди официальных лиц потому, что он есть, а не по какому-либо соглашению.

Государство, не соблюдающее международные и иные правовые нормы, «посылает сигнал» о том, что только слабый и глупый будет следовать закону, и, если это несоблюдение в интересах самих нарушителей – заинтересованных лиц – это особенно разрушительно. Поэтому аргумент в пользу соблюдения международного права прост. Каждый акт несоблюдения становится частью новой модели растущего, как снежный ком, массового несоблюдения, которое не делает противоправное поведение нормой.

Список использованной литературы:

1. International Law Commission (ILC). Conclusions of the Work of the Study Group on the Fragmentation of International Law. UN Doc. A/61/10.2006. P. 251.
2. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
3. Харт Г. Л. А., Позитивизм и разграничение права и морали. // Правоведение. 2005. № 5. С. 104-136.
4. Чистое учение о праве Г. Кельзена. Сборник переводов. Вып. 2 / Отв. ред.: Кудрявцев В. Н., Разумович Н. Н. М.: ИНИОН РАН, 1988. 213 с.
5. Koh, H. H. Why do nations obey international law? // Yale Law Journal. 1997. №1(106). С. 2599-2659.

ДАУТОВА А.А.

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, Российская Федерация

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СТИВЕНА ХОКИНГА

В нашем веке, когда казалось бы у людей есть множество способов для личностной реализации, многие не пользуются ими, не хотят их замечать. Почему же здоровые люди считают, что они имеют право опустить руки? Но те, кто лишён многих радостей жизни и не может жить без посторонней

помощи, проявляют невероятную силу духа?

Как они находят цель своего существования, где то, откуда они черпают идеи для творчества? Ведь жизнь без творчества невозможна: все решения, которые мы принимаем в своей жизни, являются результатом созидания. Британский учёный Стивен Хокинг является ярким примером мужественного подвига как научного, так и волевого. Инвалидность заставила его развиваться в новых направлениях. Несмотря на паралич всего тела, он вёл активную научную и общественную деятельность, наполняя смыслом каждый день.

Стивен Уильям Хокинг был английским научным деятелем и теоретиком в области физики и космологии. Специализировался на астрофизике, занимался изучением теории чёрных дыр и возникновением Вселенной после Большого взрыва.

В двадцатилетнем возрасте Хокингу поставили диагноз боковой амиотрофический склероз - неизлечимое заболевание, при котором разрушаются двигательные нейроны, что приводит к параличу и атрофии мышц. Врачи утверждали, что жить ему осталось не более трёх лет, однако прогресс заболевания проходил намного медленнее.

Со временем тело Стивена было полностью парализовано, и он был вынужден начать пользоваться коляской. Позже после воспаления лёгких Хокинг полностью утратил способность. После потери речи Стивен Хокинг полностью замкнулся в себе, перестав общаться с семьёй и близкими.

И всё же он смог побороть эту проблему, найдя способ общаться с окружающими при помощи специального компьютера. Болезнь не остановила его от занятия любимым делом, учёный даже находил в ней положительную сторону: «Не могу сказать, что моё физическое состояние помогает в работе, но оно позволяет сконцентрироваться на исследованиях». Болезнь не помешала Хокингу, стать отцом, вести научно-популярные программы или совершить полет в невесомости, Хокинг написал более 20 книг, а так же читал лекции по физике, вёл активный образ жизни, много путешествовал и давал интервью. По этим источникам мы можем судить о философии Стивена Хокинга.

1. Взгляды Стивена Хокинга на жизнь:

В 2015 году во время австралийской лекции Хокинг говорил: «Помните, нужно смотреть на звезды, а не себе под ноги. Пытайтесь понять смысл того, что вы видите. Размышляйте над тем, что позволяет нашей Вселенной существовать. Будьте любопытными. И какой бы тяжёлой ни казалась жизнь, всегда остаётся возможность в чем-то преуспеть и чего-то добиться. Самое главное, что вы не сдаётесь».

Стивен с детства был смекалистым, его всегда всё интересовало. Он был увлечён пониманием того, как всё работает: от игрушечных поездов до нашей Вселенной. Во время семейных ужинов за столом велись дискуссии на темы теологии и нравственности. Так родители хотели привить своим детям чувство нравственности и интерес ко всему окружающему. А когда Стивен стал подростком, родители научили его всегда исследовать вещи и мыслить масштабно.

Цель – это то, что движет людей, ради неё мы совершаем поступки, меняем реальность вокруг нас и меняем себя. Имея определённую цель, человек может пережить что угодно.

Свою цель, мировоззренческую позицию, Стивен Хокинг сформулировал так: «Моя цель проста. Это полное понимание мироздания: почему оно такое, какое есть, и почему оно вообще существует». Учёный искренне желал познать мир и не собирался отчаиваться. С. Хокинг на своём примере доказывает, что заветной цели можно добиться несмотря ни на что, главное – никогда не терять надежды. Иногда может казаться, что цель недостижима или на пути к ней появляются, казалось бы, непреодолимые препятствия. В таком случае люди опускают руки и сворачивают с пути, ведущей к этой цели. Но невозможно добиться чего-либо, не приложив усилий. Для достижения любой цели необходимо упорство и трудолюбие. Как сказал французский писатель Оноре де Бальзак «Чтобы дойти до цели, человеку нужно только одно. Идти».

2. Отношение Стивена Хокинга к религии и науке:

Интересно наблюдать за развитием отношения С. Хокинга к Богу.

Впервые он рассуждал о Боге в своей книге «Краткая история времени. От Большого взрыва до черных дыр» (1988 год), в которой допускал место Бога в создании Вселенной. Он писал: «Если мы откроем универсальную теорию, это станет абсолютным триумфом человеческой мысли, потому что в этом случае мы узнаем, что такое разум Бога».

«Господь не играет в кости» — говорил Эйнштейн. Но Хокинг, приводя в пример черные дыры, утверждал, что «Господь не только играет в кости, но и бросает их туда, где их никто не сможет увидеть». Исходя из этих суждений, становится ясно, что в этот период своей жизни Хокинг допускал существование высшей силы – создателя Вселенной.

Позднее в 2001 году в одном из интервью, С. Хокинг сказал «Если вы верите в науку, как я, то вы верите, что есть определённые законы, которые всегда выполнялись. Если вам хочется, вы можете сказать, что эти законы являются работой Бога, но это будет скорее определением того, что есть Бог, чем доказательством его существования». Следовательно, учёный начал ставить свои прежние убеждения под сомнение в своей работе по Теории Большого взрыва.

Потеряв речь и ловкость рук, ему пришлось путешествовать через Вселенную с помощью разума и пытаться визуализировать то, как она работает. В 1967 году Стивен Хокинг доказал вероятность появления сингулярности, если продолжить обратно по временной шкале любое решение общей теории относительности, которая описывает процесс расширения Вселенной. Космологической сингулярностью называют состояние Вселенной в определённый момент в прошлом, когда невероятно высоки были плотность энергии/материи и кривизна пространства-времени. Хокинг говорил: «Результаты наших наблюдений подтверждают предположение о том, что Вселенная возникла в определённый момент времени. Однако сам момент начала творения, сингулярность, не подчиняется ни одному из известных законов физики».

Как же тогда появилась точка, которая вследствие Большого взрыва превратилась в нашу Вселенную? По мнению некоторых учёных (в числе которых Стивен Хокинг), Вселенная могла возникнуть из ничего (абсолютного вакуума).

Время как таковое начало существовать в момент Большого взрыва. Поэтому можно утверждать, что попасть в момент до Большого взрыва недопустимо, так как самого времени тогда еще не было. Выходит, у Творца не могло быть времени для того, чтобы создавать Вселенную. Есть ли тогда Создатель, если его существование противоречит Теории Большого взрыва? Для Стивена Хокинга, очевидно, ответ был «нет».

К примеру, в своей книге «Кратчайшая история времени» он писал: «Пока мы полагали, что Вселенная имеет начало, роль создателя казалась ясной, но если Вселенная действительно полностью автономна, не имеет ни границ, ни краёв, ни начала, ни конца, то ответ на вопрос о роли создателя перестаёт быть очевидным».

Но, не смотря на это противоречие, Стивен Хокинг косвенно признает идею создания мира богом, он всегда использовал слова «нет необходимости в Боге», но не заявлял, что «Бога нет». Главным принципиальным отличием между религией и наукой ученый считал то, что религия основывается на авторитете, в то время как наука – на наблюдениях и разуме. Он считал, что наука одержит верх. Стивен Хокинг не верил в судьбу и предопределение. В шутку он отмечал, что «даже ярко выраженные фаталисты все-таки смотрят по сторонам, прежде чем переходить дорогу».

3. Отношение Стивена Хокинга к смерти

Из-за своего положения, научного деятеля никогда не покидала мысль о смерти. В своём интервью газете TheGuardian в 2011 году он сказал: «Я жил в ожидании скорой смерти последние 49 лет. Я не боюсь смерти, но я не спешу умирать. У меня столько всего, что нужно доделать. Я считаю мозг компьютером, который прекращает работать, когда его составляющие части дают сбой. Нет никакого рая или загробной жизни для сломанных компьютеров. Это сказка для тех, кто боится темноты».

Так как он не верил в загробную жизнь, он считал важным понять, что у нас очень мало времени и мы должны взять от него всё. Такой же точки зрения придерживался американский писатель Генри Ван Дейк, который говорил: «Некоторые люди так боятся умереть, что просто не начинают жить».

(Отношение Стивена Хокинга к смерти напоминают идеи Эпикура: «Смерть не имеет к нам никакого отношения, когда мы живы, смерти ещё нет, когда она приходит, то нас уже нет» (Письмо к Менекею 125). Эпикур утверждал, что нам не стоит бояться смерти, поскольку душа после смерти рассеется и освободится от страхов и душевных тревог, придёт к атараксии. Этическая система Эпикура основывается на утверждении о том, что «наслаждение есть начало и конец блаженной жизни». Цель нашей жизни – обрести счастье.)

Он ценил свою возможность жить и заниматься научной деятельностью,

он призывал к свободе выбора в вопросе эвтаназии для людей с ограниченными возможностями. "Жертва должна иметь право прекратить свою жизнь, если она этого хочет. Однако я думаю, что это было бы большой ошибкой. Все равно, какой бы плохой жизнь не казалась, всегда есть что-то, что вы можете сделать и достичь успеха. Пока есть жизнь, есть надежда", - цитата из People'sDailyOnline, июнь 2006 года.

Стивен Хокинг был одним из самых знаменитых физиков-теоретиков современности. Его личность использовали при создании персонажей для большого количества произведений и фильмов. Благодаря его исследованиям, физика вышла на новый уровень, и миллионы людей изменили свои взгляды на мир, на физику и человеческие взаимоотношения. Он стал примером свободы разума, воли к жизни и вечно молодого чувства юмора. Сталкиваясь с проблемой, он продолжал бороться и стал человеком, в голову которого приходили самые тяжёлые мысли.

Целью всей его жизни была популяризация науки, для того чтобы вдохновлять людей думать о космосе и их месте в нём, интересоваться Вселенной и причиной её возникновения. Он стремился расширить кругозор человечества, и в перспективе, надеялся на освоение человеком новых планет и галактик.

ИВАШКЕВИЧ П.С.

Витебская духовная семинария, г. Витебск, Республика Беларусь

САМООБМАН VS ОБЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ

Немногие знают, что понятие «социальная сеть» появилось в 1954 г. Ввел его социолог Джеймс Барнс. Тогда это явление не имело ничего общего с интернетом. С появлением интернета (1969 г.) научная концепция Джеймса Барнса стала набирать популярность. Это привело к развитию социальных сетей в мировой паутине. Первая социальная сеть с использованием компьютерной техники появилась в 1971 г. Она использовалась военными для передачи информации через ARPANET. Спустя 17 лет, в 1988 г., финский ученый Ярко Ойкаринен изобрел протокол «IRC» — ретранслируемый интернет-чат — и программное обеспечение для его реализации. Теперь стало возможным общаться друг с другом в реальном времени. После этого прошло много времени, и все это время технологии развивались и развились в то что мы сейчас видим.

В век развитых информационных технологий компьютеры и смартфоны стали не только обязательным атрибутом повседневной жизни, но и неотъемлемой частью ее. Вернувшись с работы или учебы, многие из нас по привычке включают компьютер и заходят в Интернет, чтобы посетить новостные сайты, посмотреть популярные видео или просто в поисках интересующей нас информации самого разнообразного характера. И совсем необязательно, что это будут различные сайты, специально предназначенные для вышеперечисленных целей. Сегодня пользователи всё чаще

ограничиваются только социальной сетью. Социальная сеть – это веб-сайт, предназначенный в первую очередь для общения интернет-пользователей.

«Бот» (сокращение от «робот») – это программа, имитирующая деятельность человека. Чат-бот, соответственно, это виртуальные собеседники, программы имитирующие живого человека. В основу работы положен алгоритм искусственного интеллекта. Взаимодействие обычно проходит через интернет-чат.

Первопроходцем в этом деле стал американец Джозеф Вейценбаум, профессор Массачусетского технологического университета. В 1966 году он написал первого бота, — «Элиза». Это был виртуальный собеседник, который сразу задал высокую планку. Далеко не все пользователи смогли определить своего визави такого как компьютер. С тех пор идею подхватили, значительно усовершенствовав первые разработки. Особенно чат-ботами заинтересовались при появлении интернета в конце 90-х. Уже тогда многие понимали, что электронный собеседник гораздо удобнее и надежнее. С конца 90-х идет гонка за лучший ИИ (искусственный интеллект), и теперь мы имеем массу вариаций чат-ботов, которые постоянно учатся.

На сегодняшний день чат-боты очень развиты и благодаря своим качествам приобрели большое распространение. В список возможностей входят консультирование по вопросам: медицины, закона и права, страхования, покупок и продаж, инвестирования и других областей. Безусловно это все положительная сторона, но зачастую чат-ботов используют в качестве собеседника, друга. И это не может являться однозначным аспектом. Порой определенные группы людей создают чат-ботов не в увеселительных целях, примером того являются такие чат-боты как «момо», «синий кит».

Все начинается с того, что бот под названием «Момо» неожиданно появляется в списке контактов подростка и начинает его запугивать. «Момо» отправляет пользователям различные картинки, которые наводят настоящий страх и ужас. Помимо только страха, «Момо» предоставляет реальную угрозу. Стоит только написать или ответить этому боту и вся ваша личная информация: фото, видео, контактные данные, геопозиция, станет народным достоянием. Эксперты утверждают, что «Момо» является вирусом, который посредством взлома ID, вашу личную информацию может сделать общественным достоянием. И используя эти данные, чат-бот запугивает часто интересующимся и пишущим ему детей. Более страшным чат-ботом был предшественник - «Синий кит».

По словам создателя игры «Синий кит» Филиппа Будейкина, благодаря игре жертвы чувствовали столь недостающее им когда-то внимание, любовь, уважение и ощущали свою принадлежность к чему-то важному. «Синий кит» в отличии от других онлайн игр ставит для участников реальные жизненные задачи. По словам специалиста, из-за этого жизнь игрока становится полностью связанной с игрой и приказами «кураторов». Подтолкнуть же человека, особенно ребенка, к нанесению себе вреда очень легко.

«Синий кит» является игрой забирающей жизни, так заявляют СМИ.

Первые сообщения о подобных играх появились в 2015 году — "ВКонтакте" открылись группы суицидальной направленности, в которые мог вступить любой подросток, разочарованный в жизни.

Скандал вокруг "Синего кита" разгорелся в России в 2016 году — российские СМИ писали о смертельных виртуальных играх жертвами которой, как сообщалось, стали 130 подростков, погибших при разных обстоятельствах с ноября 2015 года по апрель 2016 года.

Причина почему дети пишут этим ботам? Дети ищут общения, развлечения, так как в реальном мире они уже не могут общаться не только со своими родителями, но и даже со сверстниками. Ощущение нехватки общения и приводит к замене его, иллюзии нужности, признания, потому что именно это и дают боты. Но не все боты дают только лишь иллюзию общения, как мы выяснили некоторые весьма опасны.

Кроме этого, социальные сети также негативно сказываются на коммуникативных качествах человека. Чем больше времени люди проводят в сети, тем меньше остается на живое общение. Подростки теряют навыки общения, им сложнее выражать свои мысли нормальным языком. В обыденную жизнь вторгается интернет-сленг, а чтение книг вообще дается с большим трудом если не вовсе пропадают из жизни.

Не имея возможности встречаться со своими друзьями в реальности, пользователи общаются в социальных сетях, заменяя реальных друзей. В социальной сети понятие «друг» сильно отличается от своего значения в реальной жизни. Общение в Интернете совсем не подразумевает того, что люди находятся в дружеских отношениях в реальной жизни. В социальной сети пользователь формирует представление о жизни своего «друга» именно по тем данным, что размещены на его странице. Можно без труда создать себе именно такой образ, какой хочется, пускать пыль в глаза, присвоить себе всевозможные успехи, потому что малознакомый человек не станет ничего проверять.

Такие «друзья» также имеют свои негативные черты. Обычно для такого типа пользователей, которым крайне важно создать о себе «преуспевающий» образ в сети, или они просто хотят быть популярными, востребованными, такие «друзей» является еще одним самообманом. Такие люди рассуждают по принципу «главное не качество, а количество». Увеличивая число «друзей» до нескольких сотен (хотя с абсолютным большинством из них они вообще мало знакомы или никогда не виделись вживую), пользователи пытаются показать, что их жизнь насыщена общением и интересна множеству людей. Но с течением времени люди понимают, что среди всех этих бесчисленных «друзей» нет ни одного настоящего друга, человек впадает в отчаяние и уныние, и находит (как ему кажется) выход в тех самых чат-ботах.

Список использованной литературы:

1. cyberleninka.ru // Влияние социальных сетей на психологию личности [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: // <https://cyberleninka.ru/article/v/vliyanie-sotsialnyh-setey-na-psihologiyu-lichnosti>

Дата доступа : 13. 10. 2018.

2. sputnik // Игра Синий кит 2017 [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: // <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20170419/235658446/Igra-Sinij-kit-2017-poslednie-novosti-i-dannye-o-smertjah.html> Дата доступа : 14. 10. 2018.

3. Иносми.ру // «Синий кит»: игра, забирающая жизни детей [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: // <https://inosmi.ru/social/20180102/241094549.html> Дата доступа : 14. 10. 2018.

4. Habr // Русскоязычный чат-бот Voltoon: создаем виртуального собеседника [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: // <https://m.habr.com/post/340190/> Дата доступа : 14. 10. 2018.

5. SCIENCEPOP // История социальных сетей: появление и развитие [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: // <https://sciencepop.ru/istoriya-sotsialnyh-setej-poyavlenie-i-razvitie/> Дата доступа : 14. 10. 2018.

КОЖУХОВСКАЯ А.А.

Челябинский государственный университет, Челябинск,
Российская Федерация

ПРОБЛЕМА ФАЛЬСИФИКАЦИИ СВОЙСТВ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ МЕДИЦИНСКИМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ

С каждым годом на фармацевтическом рынке появляется множество новых лекарственных препаратов. В условиях резкого увеличения количества лекарственных препаратов и их медицинского значения, у современных врачей возникает насущная потребность в объективной и достоверной информации относительно свойств, побочных эффектах, противопоказаниях. Врачу нужны не только частные сведения об отдельных лекарственных препаратах, но и фундаментальные знания, позволяющие наиболее целесообразно использовать возможности фармакотерапии.

Рациональная фармакотерапия предусматривает умение врача «фармакологически мыслить у постели больного», и актуальная информация о лекарственных препаратах должна ему при этом всемерно помогать. Под лекарственными препаратами (от лат. *remedium = medicamentum*) понимают «вещество (или комбинация веществ), вступающее в контакт с организмом человека или животного, проникающее в органы, ткани организма человека или животного, применяемое для профилактики, диагностики, лечения заболевания, реабилитации, для сохранения, предотвращения или прерывания беременности и полученное из крови, плазмы крови, из органов, тканей органов человека или животного, растений, минералов методами синтеза или с применением биологических технологий» [1, с. 132].

Лекарственные средства в виде лекарственных форм, применяются для

профилактики, диагностики, лечения заболевания, реабилитации, для сохранения, предотвращения или прерывания беременности [2]. Очевидно, что медицинские и фармацевтические работники должны своевременно получать информацию о новых препаратах, появившихся на современном рынке.

Эти знания включают в себя: знание фармакологического действия вещества, включенного в препарат, его фармакокинетику (раздел фармакологии, изучающий процессы поступления в организм (всасывания), распределения, депонирования, связывания с белками, биотрансформации и выведения лекарственных средств из организма), фармакодинамику (раздел фармакологии, изучающий эффекты, вызываемые лекарственным веществом, а также механизмы его действия), побочные действия, показания и противопоказания.

Общее количество лекарственных препаратов, созданных в XX в., весьма велико. Если в начале века число индивидуальных химических соединений, применявшихся в качестве лекарственных средств, исчислялось единицами, то к 1994 г. с этой целью было предложено свыше 12 тыс., а к настоящему времени их количество исчисляется многими тысячами [3].

Специалисты должны знать полную информацию о лекарственном препарате, чтобы грамотно и безошибочно назначить препарат, и осуществить его отпуск. Но, как медицинские и фармацевтические работники должны преуспевать изучать новые препараты, несмотря на свой и без того плотный график работы? На помощь врачам и провизорам приходят медицинские представители различных фармацевтических компаний. Они консультируют врачей в больницах и поликлиниках, провизоров – в аптеках, рассказывают о новых препаратах, выдают рекламные буклеты, а иногда и пробные продукты.

Довольно часто медицинские представители фармацевтических компаний устраивают обучающие конференции для врачей и провизоров. Главная проблема заключается в том, что доклады медицинских представителей не несут полной информативности. Они, как правило, озвучивают только достоинства препарата, но информацию о его побочных действиях и их последствиях на здоровье человека, как правило, умалчивают. Можно сказать, что в процессе презентации препарата предоставляется ложная информация или фальсификация.

Фальсификация «означает (позднелат. falsification от falsificato подделывать); 1) Злостное, преднамеренное искажение каких-либо данных; 2) Изменение с корыстной целью вида или свойства предметов, подделка» [4, с. 743]. Медицинские представители фармацевтических компаний должны предоставлять медицинским работникам достоверную и объективную информацию, основанную на результатах научных исследований, а не использовать непроверенные данные, выдавая желаемые результаты (например, быстрое и безболезненное исцеление без побочных эффектов) за истину.

В правовом аспекте (в соответствии со ст. 67.1 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ) фармацевтические компании в отношении медицинских работников и руководителей медицинских организаций не вправе предоставлять недостоверную и (или) неполную информацию о лекарственных

препаратах [5]. Но фармацевтический бизнес является весьма доходным и перспективным направлением деятельности и при этом с очень высокой рыночной конкуренцией, что и приводит к использованию фальсификации на рынке продвижения новых лекарственных препаратов.

Задачей фармацевтических компаний является достижение высоких продаж их продукции. Для реализации поставленной задачи компании используют незаконные, неэтические, негуманные способы продвижения своей продукции. С целью извлечения большей прибыли фармацевтических производителей не затрагивает проблема здоровья населения, которая с гуманной точки зрения должна быть ведущей на всех этапах фармацевтического дела. Назначение препарата без учёта всех противопоказаний и нежелательных побочных действий может быть угрозой здоровья и жизни человека.

Для решения вышеизложенной проблемы необходимо предпринимать меры на законодательном уровне. Представителей фармацевтических компаний нужно привлечь к ответственности за свою деятельность. Должны быть составлены требования о надлежащем предоставлении информации о лекарственном препарате.

Список использованной литературы:

1. Куликов, Ю.А. Фармацевтический энциклопедический словарь / Ю.А. Куликов, А.И. Сливкин, Т.Г. Афанасьева / Под ред. Г.Л. Вышковского, Ю.А. Куликова. М.: Веданта, 2015.
2. Федеральный закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ. (ред. от 04.06.2018). «Об обращении лекарственных средств». Статья 4. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе.
3. Машковский М.Д. Лекарственные средства. М.: РИА «Новая волна»: Издатель Умеренков, 2008.
4. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Прохоров А.М. М.: Большая российская энциклопедия, 2000.
5. Федеральный закон от 12.04.2010 N 61-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об обращении лекарственных средств».

МОРОЗОВ К. Е.

Магнитгорский государственный технический университет имени Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Российская Федерация

СИМУЛЯКР КАК СРЕДСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Понятие «симулякр», введённое в философский оборот Жоржем Батаем и популяризированное Жаном Бодрийяром, используется для обозначения особого феномена эпохи постмодерна. Симулякр — это семиотический знак, не имеющий обозначаемого объекта в реальности, «копия без оригинала».

Симулякры подменяют истинную реальность её имитацией, создавая таким образом гиперреальность. Со становлением общества постмодерна симулякры стали сопровождать нас повсюду, просочившись во все сферы общественной жизни, и в особенности в политическую сферу [2].

Подмена реальности симуляцией остаётся одним из средств ведения политической борьбы между сторонниками разных течений и идеологий. Любая политическая сила стремится максимально распространить свою собственную интерпретацию реальности, нередко прибегая к созданию в массовом сознании симулякров и имитаций. В первую очередь это касается истолкования тех или иных политических теорий и концептов.

Ярким примером подмены реальности симулякром служит термин «неолиберализм», который активно используется многочисленными левыми теоретиками, но по возможности практически полностью игнорируется самими либералами. Дело в том, что и сам неолиберализм — это симулякр, подмена реального объекта его не имеющей оригинала в реальности копией. Некогда понятие «неолиберализм» действительно служило в качестве самоназвания группой западногерманских экономистов, в которую входили Вальтер Ойкен, Франц Бём, Ганс Гроссманн-Дёрт и некоторые другие [11]. Однако в современном обществе нет людей, которые использовали бы слово «неолиберал» для самообозначения [1]. Обычно под неолиберализмом современные критики подразумевают воззрения либеральных экономистов Милтона Фридмана [5] и Фридриха фон Хайека [6], а также проводившуюся на основе этих воззрений экономическую политику в США при Рональде Рейгане, Великобритании при Маргарет Тэтчер, Чили при Аугусто Пиночете и некоторых других странах [7]. Именно здесь и происходит подмена реальности симулякром, после чего левые политики и мыслители берутся критиковать уже не настоящие воззрения Фридмана и Хайека, а их симуляцию — неолиберализм.

В действительности же Хайек и Фридман характеризовали свои взгляды как классический либерализм, то есть либерализм в своём изначальном понимании, восходящий к Джону Локку, Адаму Смиту и другим классическим либеральным теоретикам [12, с. 29][4]. В современной политологии Фридмана и Хайека также нередко классифицируют как видных представителей и идеологов либертарианства — политической философии, противопоставляющей себя любым формам государственного вмешательства в экономику и частную жизнь граждан, в пределе доходящая до отрицания самого института государства (анархо-капитализм Мюррея Ротбарда) [10]. И, несмотря на то, что взгляды Фридмана и Хайека послужили основой для экономической политики Рейгана, Тэтчер и Пиночета, никто из них не был последовательным сторонником ни классического либерализма, ни либертарианства. Рейган и Тэтчер — это консервативные политики, которые сочетали умеренный экономический либерализм с ограничением некоторых гражданских свобод, что противоречит идеалам Фридмана и Хайека. То же самое касается и Пиночета, который вошёл в историю как диктатор. Фридман отмечал, что, начав в Чили рыночные реформы, хунта Пиночета пошла против

своих истинных принципов. Также Фридман считал, что экономическая свобода, которую даёт людям рыночная экономика, является необходимым, но недостаточным условием для свободы политической, которая имеет для классических либералов не меньшую ценность [12, с. 33].

Так, происходит подмена истинных взглядов Хайека и Фридмана на их симуляцию, для которой нет уже никакой существенной разницы между свободно-рыночными идеалами двух экономистов и их далеко не полной реализацией в некоторых странах. Это создаёт не имеющий аналога в реальности конструкт под названием «неолиберализм», посредством которого ответственность за все недостатки рейгановского и тэтчерского капитализма, а также преступления чилийского режима перекладываются на либеральных экономистов. Это значительно упрощает задачу критики либерализма, поскольку позволяет привязать к либерализму те недочёты, которые напрямую с ним не связаны.

Подобным образом симуляция политической реальности становится инструментом для политической борьбы против либерализма. Конечно, подобные манипуляции не являются чем-то уникальным для левых, критикующих либерализм. Практически все современные политические силы стремятся подменить мировоззренческие установки своих истинных оппонентов на некие симуляции, которые будут наиболее удобны для их критики.

В качестве примера, противоположного критике классического либерализма через его подмену неолиберализмом, можно вспомнить критику уже социального либерализма классическими либералами и либертарианцами. Здесь также происходит подмена реальности симуляцией, но на этот раз в роли симулякра выступает понятие всё-таки имеющее определённый обозначаемый в реальности объект, хотя понимание этого объекта критикуемой стороной несколько отличается от того, что этим понятием принято обозначать. Речь идёт о том, что нынешние классические либералы отрицают какую-либо связь социального либерализма с либеральными ценностями и идеалами, считая его мимикрирующей под либерализм формой социализма. То есть в качестве симулякра выступает маркировка социального либерализма социализмом, подмена реальной сущности объекта симуляционной.

Социальный либерализм действительно отходит от базовых положений либерализма классического, но подобное развитие либеральной мысли протекает всё ещё в рамках либеральной парадигмы, а не социалистической. Признавая необходимость регуляции свободного рынка для последовательной защиты прав и свобод личности, социальный либерализм тем не менее отрицает базовую основу классического социализма — отрицание института частной собственности. Социальный институт признаёт и частную собственность, и капитализм, но вносит в них элементы коллективизма и эгалитаризма, что по мнению социальных либералов (таких как Джон Роулз, Джон Кейнс, Мортимер Адлер и другие) необходимо для защиты самой главной ценности либеральной философии — прав и свобод личности [3]. Социальный либерализм исходит из

утилитаризма, опираясь на идеи классического либерала Джона Стюарта Милля [8].

Либертарианцы же в свою очередь отрицают какую-либо связь социальных либералов с изначальным либерализмом, обвиняя всех, кто хоть в какой-то степени поддерживают даже самое минимальное вмешательство государства в экономику, в социализме и «левачестве».

В конце концов мы можем наблюдать, что почти все способы политической демаркации в большинстве случаев несут в себе определённый отпечаток политических взглядов человека, создавшего этот способ демаркации. Таким образом политическая демаркация становится инструментом для подмены реальной политической обстановки её симулякром, созданием особой гиперреальности, которая должна обслуживать интересам демаркирующей группы.

Главным практическим выводом из подобных наблюдений является то, что нам следует быть более осмотрительными, когда дело заходит о спорах касательно политической теории и терминологии. Верная дефиниция спорных понятий помогает нам избежать от определённых предрассудков, которые затрудняют адекватное восприятие объективной политической реальности. Многие политические силы стремятся манипулировать сознанием масс, прибегая к симуляции политической реальности и создавая неадекватные ей образы и знаки. Эти образы в конечном счёте становятся симулякрами, которые делают нашу политическую арену полем противоборства симуляций, а нас самих — потенциальными жертвами всевозможных манипуляций над сознанием. Избежать этого можно только с развитием критического мышления и политической грамотности.

Список использованной литературы:

1. Global Fortune: The Stumble and Rise of World Capitalism / Ed. by I. Vasquez. Washington, DC, 2000.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция = Simulacres et simulation / пер. с англ. А. Качалова (2011). — М. : Рипол-классик, 2015. — ISBN 978-5-386-07870-6. — ISBN 978-5-91478-023-1.
3. *Галлямов А. Т.* Справедливость в либеральной политико-правовой идеологии // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-v-liberalnoy-politiko-pravovoy-ideologii>
4. *Заусаева Н. А.* Фридрих Хайек и его политическая философия: между либерализмом и консерватизмом // Известия АлтГУ. 2000. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fridrih-hayek-i-ego-politicheskaya-filosofiya-mezhdu-liberalizmom-i-konservatizmom>
5. *Каримов А. В.* Неолиберализм Милтона Фридмана как учение о свободе // Социально-экономические явления и процессы. 2013. №3 (049). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoliberalizm-miltona-fridmana-kak-uchenie-o-svobode>
6. *Каримов А. В.* Неолиберальная концепция свободы Ф. А. Фон

Хайека // Социально-экономические явления и процессы. 2012. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neoliberalnaya-kontseptsiya-svobody-f-a-fon-hayeka>

7. *Коряковцев А. А.* Предпосылки институционального этапа развития социальной работы // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2008. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-institutsionalnogo-etapa-razvitiya-sotsialnoy-raboty>

8. *Мамонтов В. Д.* Экономический либерализм Джона Стюарта Милля как проект формирования социального государства // Вестник ТГУ. 2013. №8 (124). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-liberalizm-dzhona-styuarta-millya-kak-proekt-formirovaniya-sotsialnogo-gosudarstva>

9. *Мизес Л.* Социализм. Экономический и социологический анализ = Socialism. An Economic and Sociological Analysis. — -- Москва: Catallaxy, 1994. — 416 с. — ISBN ISBN 5--86366--022--8. URL: http://www.libertarium.ru/l_lib_socialism0

10. *Поляков Д. Б.* Анархо-капитализм. Безвластие и экономика свободного рынка // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2015. №4 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/anarho-kapitalizm-bezvlastie-i-ekonomika-svobodnogo-rynka>

11. Теория хозяйственного порядка. Фрайбургская школа и немецкий неолиберализм. Под ред. В. П. Гутника. — М.: Экономика, 2002.

12. *Фридман М.* Капитализм и свобода / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2006. — 240 с

РОВБО М. В.

Белорусский государственный университет, г. Минск, республика беларусь

ТРАКТОВКА ИСТИНЫ КАК ИЛЛЮЗИИ В ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ

Без преувеличения можно утверждать, что в истории философии Ницше является одним из самых противоречивых мыслителей: одно и то же понятие могло получать совершенно различные значения не только в разные периоды его творчества, но и даже в пределах одной книги. Объяснить подобное можно Ницшевским стремлением рассматривать то или иное понятие с различных «перспектив» видения. Тем не менее трактовка Ницше истины как иллюзии, хотя и не является единственной перспективой рассмотрения истины, но является достаточно статичной: возникнув еще в ранних сочинениях философа, оно продолжало сохраняться вплоть до последних его работ. Цель данной статьи — выявить сущность трактовки истины как иллюзии в философии Ф. Ницше.

Представление, что истина — это иллюзия, сложилось в философии Ницше вместе с оформлением его онтологии: учения о дионисийском и

аполлоническом началах. Аполлон — бог сновидений, иллюзорности, образности, он — возвеститель грядущего. Именно с аполлонизмом связано «чувство меры, соразмерности, упорядоченности». За дионисом, богом творящих сил природы и экзальтации, закрепляются противоположные черты: сомнение в сновидении, в прекрасной иллюзии явлений, в принципе индивидуации и т.д. Человек, ставший «спутником» Диониса «переживает восторг и блаженство самозабвения и выхода из размеренного и узаконенного мира» [2, с. 984].

В эпистемологическом аспекте дионисийское заключает в себе суть и импульс к познанию, аполлоническое же – есть оформление познанного, придание соразмерности между знанием и человеческим Я. Отсюда сугубо аполлонические требования «познай самого себя» и «сторонись чрезмерного!» [4, с. 70]. Для того чтобы возможно было суждение о мире, а не только лишь синтетическая вовлеченность в него, необходима процедура разделения, обнаружения различий. Всякое же разделение порождается иллюзией при наличии у отдельных индивидов потаенного чувства, что за «покрывалом майи» скрыта иная реальность, единая и превосходящая любое явление. Это вызывает сомнение в действительности познавания мира явлений, определенного принципом индивидуации.

Бог иллюзий аполлон творит миф, в котором уже преодолен посредством ограничения дионисийский хаос, но пока что нет понятий и строгости логики, а есть пластическая точность и генеалогическая гармония отдельных образов. «Без мифа всякая культура теряет свой здоровый творческий характер природной силы... только мифом спасаются от бесцельного блуждания» [4, с. 149] - замечает Ницше: аполлоническое также необходимо для жизни, оно стоит на страже у края дионисийской бездны. Аполлоническое начало упорядочивает жизнь, позволяет приобрести, пусть и иллюзорную, устойчивость, а также высказывать истинностные суждения о мире.

В союзе двух сил главенствующая роль все же принадлежит дионисийскому, степени выраженности которого измеряется способность к философствованию вообще. В «Рождении трагедии» Ф. Ницше пишет об этом: «философски настроенный человек имеет предчувствие, что и под этой действительностью, в которой мы живем и существуем, лежит скрытая, вторая действительность, во всем отличная, и что, следовательно, и первая есть иллюзия» [4, с. 60]. Тот дар, по которому «человеку и люди, и все вещи представляются временами только фантомами» есть признак философского дарования. Иными словами, в дионисийском происхождении философии можно выделить, во-первых, тяготение нераздельного сознания к первоединому, не знающего границ в себе, во-вторых, отсутствие слепой прельщенности миром явлений – философ всегда будет стремиться перешагнуть через видимый мир.

Внеаполлоническое познание, выходящее за грань видимых (а значит, иллюзорных) истин, характеризуется Ницше как наиболее трагическая деятельность, превосходящая даже искусство, ведь она являет собой преступление перед природой. «Только став выше природы, можно освободиться от ее железных цепей, разгадать ее законы, понять ее

стремления» [1, с. 185] – так трактуется деятельность мудреца-гения, но отнюдь не ученого. Такова разрушительная мудрость Эдипа и превосходящая меру мудрость Прометея.

В результате рокового поворота греческой культуры, в котором Ницше винил то Анаксагора, то Сократа, то Платона, дионисийское безумие стало презираемо, как презираема и наличная действительность. Изменяется прежнее соотношение между миром явлений и реальностью первоединого, т.к. изменяется и соотношение между дионисийским и аполлоническим, и вторгается третья сила — сила сократизма. Ранее мир явлений, т.е. Реальность аполлонического мифа, не мог стать объектом пренебрежения, так как был сакральным творением божества, но после рокового поворота действительность раскололась на два радикально различных по степени ценности мира. Означает это, в первую очередь, то, что человеческая посюсторонняя жизнь сама по себе начинает обесцениваться: она может быть оценена лишь в степени своей направленности на потустороннее. Здешняя жизнь облагается привнесенными извне правилами, постепенно угасают все ее способности, не сообщающиеся с потусторонним или вовсе препятствующие приобщению к нему.

Ввиду сказанного истина «теоретического человека» для Ницше это — «затасканная химера» европейской культуры, «предрассудок, по которому можно узнать метафизиков всех времен» [3, с. 242]. У истины метафизиков особое происхождение – она не «из этого непрочного, обманчивого, ничтожного мира, из этой путаницы безумия и жадности... в недрах бытия, в незыблемом, скрытом божестве, в «вещи в себе» – вот где должны лежать основы, и более нигде» [3, с. 309].

Неверно полагать, что так Ницше подводил к утверждению о безусловном вреде диалектической истины для жизни – на самом деле взаимоотношение жизни и такого рода истины более сложное. Об этом свидетельствуют хотя бы следующие строки Ницше: «за всякой логикой и ее кажущейся самостоятельностью движения скрывается также оценка, точнее говоря, физиологические требования ради сохранения известного рода жизни. Например, что определенное ценится более неопределенного, обман ценится менее правды, – подобного рода оценки... суть только известного рода глупость, которая, пожалуй, нужна для сохранения таких существ, как мы» [3, с. 310]. Таким образом, Ницше предвосхищает прагматическую концепцию истины: что полезно, то и истинно. М. Хайдеггер, весьма скрупулезно изучавший тему воли к истине, на этот счет пишет, что сам Ницше чистосердечно убежден: «истина является той строительной основой и основной структурой, в которую впускается и должна быть впущена жизнь как таковая...» [5, с. 235]. Во что может трансформироваться жизнь, если в ней не станет абсолютно никакой позиции, никакой веры, соотношения себя с чем-либо?

И вместе с тем, сближая истину с заблуждением философ еще раз подчеркивает, что люди *на самом деле* не любят истину: «положим, мы хотим истины: почему же лучше не лжи? Не сомнения? Ни незнания?» [3, с. 308].

Реальность первоединого и превосхождение границ «мира идей» страшит как обывателей, так и «сократических» философов. Истиной, если вообще применять такой нагруженный смыслами концепт к философии Ф. Ницше, становится сама жизнь, или мир становления. Уловить, и артикулированно, однозначно выразить истину едва ли возможно – это момент неуловимости в общем потоке жизни, на который «должны и хотят полагаться люди, это то непреложное, с помощью которого они отделяют себя от всякого вопрошания и всякого дальнейшего беспокойства и тревоги» [5, с. 170].

Таким образом, в истории философии, по убеждению Ницше, истина как иллюзия была конституирована дважды: впервые — в образах аполлонического мифа, а после — в идеях сверхчувственного мира. На ранних этапах творчества философа понимание истины как иллюзии было обусловлено его онтологией (учением о дионисийском и аполлоническом началах), затем интерпретация Ницше иллюзорности истины стала приближаться к прагматической концепции истины.

Список использованной литературы:

1. Волынский а. Литературные заметки: аполлон и дионис // Ницше: pro et contra. Спб., 2001. С. 180–205.
2. Лосев а. Ф. Фр. Ницше // Ницше: pro et contra. Спб., 2001. С. 981–992.
3. Ницше, ф. По ту сторону добра и зла // собр. Соч. : в 2 т. М., 1996. Т. 2. С. 238–406.
4. Ницше, ф. Рождение трагедии из духа музыки // собр. Соч. : в 2 т. – м., 1996. Т. 1. С. 47–157.
5. Хайдеггер, м. Ницше: в 2 т. Спб., 2006. Т. 1.

РОМАНЫЧЕВА Л.А.

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма, г. Москва, Российская Федерация

ИМИТАЦИЯ И/ИЛИ ИСТИНА: КРИТЕРИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Формирование нового типа социальности диктует переосмысление мировоззренческих проблем. Роль имитации в жизни общества, ее сущность, связанная с процессами социального действия, направленными на подмену предметно-смысловой реальности, ее коммуникативно-символическая природа – это тема, не теряющая актуальности, несмотря на достаточно подробное исследование ее различных аспектов в социально-гуманитарном знании [3, с. 4].

Феномен имитации не может быть понят вне соотнесения его с истиной и ложью. Для того, чтобы разобраться в данном феномене, отправной точкой послужат понятия, что есть истина и что – ложь. По словарю М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина, истина – есть верное, правильное отражение действительности в мысли, проверяемое, в конечном счете, при помощи критерия практики. [2, с. 176] Ложь – высказывание, искажающее действительное положение вещей.

Гносеологически ложь определил еще Аристотель, считая ложным то, что находится в противоречии с действительностью: если суждение соединяет то, что разъединено в действительности, или разъединяет то, что в действительности соединено, то оно ложно [2, с. 242]. Ключевым словом здесь является – действительность, а для определения истинности ее или ложности, понимания ее объективной реальности при субъективном отношении, существуют критерии истины.

Критерий истины – это способ, с помощью которого можно узнать, является ли информация истиной. Рассмотрим основные критерии истины:

1. Опыт (эмпирический критерий) – основан на данных чувственного познания

2. Разум (рациональный критерий) – новые знания выводятся из общих посылок по законам логики

3. Практика – эксперимент или практическое взаимодействие с другими предметами.

В переводе с латинского – *imitatio* – значит подражание, подделка, т.е. мы имеем дело с подражанием либо истине, либо лжи. Очевидно, чтобы имитация выполняла функцию истины, необходимо функционирование по тем же критериям. Правомерным, в данном случае, является вопрос: имитация истины, установившая достоверность свою посредством критериев истины, не есть ли истина?

Логический критерий связан с требованием согласованности набранных знаний. Согласованность знаний предполагает их логическую непротиворечивость. Обоснование ее обычно опирается на логическое доказательство. Доказанные суждения условно истинны. Таким образом, логическое доказательство – есть способ переноса истинности с исходных посылок на делаемые из них выводы. Однако можно строить логически правильные выводы из необоснованных и даже заведомо неверных посылок. Непротиворечивое знание – «претендент» на звание истины. Зато противоречивость знания есть достаточный (но не необходимый) критерий его ложности.

Практический критерий истины выводит проверку истинности знания за пределы сознания и психики вообще. Практика есть способ взаимодействия человека с действительностью. В противоположность логическому критерию истины, который «работает» с тем, что находится «внутри» сознания, практика обнаруживает, насколько знание соответствует объективным, существующим вне нашего сознания условиям жизни человека в материальном мире – условиям, которые фиксируются не только органами чувств человека, но и всем его существом, ходом жизненных процессов, сопровождающих и определяющих его бытие. Что практикой подтверждается – истинно, что ею опровергается – ложно. Многократное подтверждение практикой прогнозов, основанных на какой-либо теории, дает основание думать, что эта теория соответствует действительности. [1, с. 57]

Список использованной литературы:

1. Философия и история науки [Текст]: учебник для аспирантов и соискателей всех специальностей / Е. А. Гусева, В. Е. Леонов. - Москва: ИНФРА-М, 2013. - 127 с.
2. Философский словарь [Текст] / Под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. - Москва: Политиздат, 1963. - 544 с.
3. Шалюгина, Т.А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления: автореф. дис.... докт. философских наук: 09.00.11 / Шалюгина Татьяна Александровна. - Ростов-на-Дону, 2012 - 60 с.

САДОВ К.С.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

НЕЙРОПОЛИТИКА: КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ИМИТАЦИИ ИСТИНЫ В ЦЕЛЯХ УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПОВЕДЕНИЕМ

Имитация истины – главный инструмент разного рода политических кампаний, целью которых является присвоение, удержание, распределение и использование власти с помощью в т.ч. влияния на поведение как отдельных акторов политического процесса, так и общества в целом. Примером могут быть информационные войны – явление современного мира, появившееся благодаря развитию виртуального медиaprостранства, киберпространства как его части и технических основ для электронных коммуникаций. Блоги, социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, цифровые игры и иные информационные арены становятся не только средой, но и поводом для дискурса. Заложенные искусственно в эти «фабрики информации» месседжи (те же киберсимулякры) способны создавать новые истины для аудитории. Но что лежит в «черном ящике» этого процесса?

Здесь уместно применить развивающийся сейчас в науке интегральный тип знания – нейрокогнитивные исследования, которые отдельно проводятся и в рамках политической науки, формируя основы нейрополитики (или нейрополитологии). Это определение предполагает изучение нейроструктур мозга в контексте восприятия политической реальности и действий, определяющих политическое поведение [3, с. 2]. Например, уже сейчас проводятся исследования о взаимозависимости между определенной конструкцией нейронных связей и приверженностью человека к идеологиям, конкретным ценностям политики [2].

Для нейронауки работа мозга представляет собой сложную систему алгоритмов, формирующих определенные ответы на изменения внешней среды. Он действует по определенным законам, сформированным эволюцией. В частности, в политической науке при анализе поведения избирателей

наблюдается явление «экономии сознания» – нежелания анализировать большое количество информации из-за стремления мозга к сохранению энергии в целях выживания. Нейронаука дает этому объяснение, указывая на активацию разных мозговых отделов при работе с данными: по теории Либермана, Шрайбера и Очснера [4] в нейроархитектуре мозга существуют две системы восприятия реальности: рефлексивная и рефлексивная, каждая из которых имеет свой тип когнитивности. Так, первая представляет собой комплекс отделов мозга, которые отвечают за бессознательные автоматические реакции. Она ориентируется на уже существующие в памяти «когнитивные ярлыки», которые облегчают мозгу восприятие внешнего мира, позволяя ему ориентироваться на привычные модели политического поведения. Рефлексивная система способна объединять множество источников информации и обрабатывать их параллельно благодаря ассоциативным связям, сформированным в результате жизненного опыта.

С другой стороны, рефлексивная система работает, когда рефлексивная система не способна создать связного концепта происходящих событий, в результате чего происходит когнитивный диссонанс, что приводит к активации отделов памяти, направленного внимания и т.д. Рефлексивная система способна последовательно и концентрированно обрабатывать только определенный поток информации, формируя новые ассоциативные связи. Это требует достаточно энергии, а процесс легко нарушить. Соответственно, человек ориентируется скорее на уже накопленный опыт, определенные «когнитивные ярлыки». Безусловно, благодаря эффекту нейропластичности их можно изменить, но это требует усилий.

Следует обратиться к первым нейрокогнитивным исследованиям. Эксперименты группы Газаннига подтвердили существование нейроструктуры в левом полушарии мозга человека, которая отвечает за интерпретацию происходящих во внешнем мире событий. Её особенность заключается в том, что она в любом случае находит причинно-следственные связи в событиях, независимо от того, существуют они объективно или нет. Мозгу необходимо сформировать представление о реальности. Этот механизм в любом случае формирует объяснительную схему для человека, пусть даже она в корне не верна – потребность в самой когнитивной схеме намного больше, чем в истинности её результата [5]. Следовательно, предоставление уже готовых схем интерпретации реальности удовлетворяет потребность человеческого мозга объяснении настоящего.

Таким образом, с одной стороны мы видим потребность мозга в когнитивных схемах (фреймах), с другой – его ориентацию на уже имеющиеся когнитивные ярлыки при интерпретации данных реального мира. В этом смысле как таковой имитации истины не происходит – напротив, «правда в глазах смотрящего». Вопрос не в содержании информации (которое мы можем оценивать по критерию истинности), но в том, как она воспринимается. Современные средства массовых коммуникаций допускают диверсификацию фреймов благодаря множеству явлений как искусственного, так и

естественного характера, что предопределяет формирование мира VUCA (volatility (нестабильность), uncertainty (неопределенность), complexity (сложность), ambiguity (неоднозначность)), в котором происходит отход от холизма культурных ответов на современные вызовы.

В свою очередь, фрейм – конструкция, объясняющая причинно-следственные связи реальности, формирующая восприятие мира субъектом. Его искусственное создание относится Дж. Наем к третьему лику власти, т.е. к самой незаметной форме оказания влияния на политическое поведение людей: их согласие обеспечивается не благодаря инструменту насилия, который формирует естественное сопротивление со стороны объекта власти, но с помощью создания определенных рамок понимания информационного поля, восприятия данных и их интерпретации [1, с. 91]. Благодаря созданию определенного искусственного контекста, из которого человеческий мозг берет пояснительные схемы, происходит индоктринация сознания – человек интерпретирует только те данные из внешнего мира, которые входят в рамки присвоенных фреймов. Таким образом, он сам становится не только потребителем, но и продуцентом определенной точки зрения. Именно этот механизм лежит в основе информационных войн и инструментария мягкой силы. Секреты сокрыты в нашем восприятии реальности на нейрокогнитивном уровне – и они требуют дальнейшего исследования, новых научных, этических и политических вопросов и ответов.

Список использованной литературы:

1. Nye. J. The Future of Power. NY: Public Affairs, 2011 - 320 p.
2. Jost J. T., Amodio D.M. Political ideology as motivated social cognition: Behavioral and neuroscientific evidence. *Motivation and Emotion*, March 2012, Volume 36, Issue 1, pp. 55-64.
3. Krastev S., McGuire J.T., McNeney D. Do Political and Economic Choices Rely on Common Neural Substrates? A Systematic Review of the Emerging Neuropolitics Literature. *Frontiers in Psychology*, February 2016, Volume 7, pp. 1-10.
4. Lieberman M.D., Schreiber D., Ochsner K. Is Political Cognition Like Riding a Bicycle? How Cognitive Neuroscience Can Inform Research on Political Thinking” in *Political Psychology*, Vol. 24, No 4: 681-704. 2003.
5. Michel S. Gazzaniga, *The Bisected Brain*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1970.

ЧЕРНЯК Д. Л.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
Российская Федерация

**ДИАЛОГ О ПРИРОДЕ РЕАЛЬНОСТИ КАК ДИАЛЕКТИКА
ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ИСТИН**

Автор подражает стилю работы Ф. И. Щербатского “Индоевропейский симпозиум по проблеме реальности внешнего мира” [2, с. 243—249]

Вступительное слово

Аристотель. “Исследовать истину в одном отношении трудно, в другом легко. Это видно из того, что никто не в состоянии достичь ее надлежащим образом, но и не терпит полную неудачу, а каждый говорит что-то о природе и поодиночке, правда, ничего или мало добавляет к истине, но, когда все это складывается, получается заметная величина.” [1, с. 94]

Беседа первая. О субстанции

Демокрит. Есть только материальные атомы и пустота. Все вещи возникают из соединения атомов, которые движутся согласно необходимости. Психические явления – это движение атомов материи.

Локк. “Что размеры, форма и движение одного тела могут вызвать изменения в размерах, форме и движении другого тела, это не выходит за пределы нашего понимания”, но “наш ум не может обнаружить никакой связи между этими первичными качествами тел и ощущениями, которые они в нас вызывают...” [цит. по: 4, с. 188]

Декарт. Есть Бог и два рода созданных им субстанций, одни из них мыслящие, другие протяжённые.

Спиноза. Есть только одна субстанция – Бог; мышление и протяжение – её атрибуты.

Лейбниц. Есть только множество простых духовных субстанций: Бог и созданные им монады.

Э. Гартман. Есть одна духовная субстанция, её атрибуты – разум и воля; индивидуумы суть её проявления. Мировой процесс определяется взаимодействием разума и иррациональной воли.

Комментарий

В повседневной жизни человек воспринимает окружающие предметы. Они имеют пространственную форму. Это вещи, находящиеся в пространстве. Среди них находится и тело человека. Эти вещи изменяются. Всё это можно попытаться объяснить пространственным перемещением частей этих тел. Если найденные части тоже изменяются, то их изменения в свою очередь можно интерпретировать как пространственное перемещение частей этих частей и т. д. В итоге или получится регресс в бесконечность, и тогда объяснения не будет, или надо будет принять существование таких частей тел, которые сами не изменяются, но их движение является причиной изменений тел, которые из них состоят. Так возникает теория атомистического материализма (Демокрит). Но она имеет тот недостаток, что психические явления остаются необъяснёнными (Локк). Чтобы объяснить также и психические явления, предлагается концепция существования двух родов субстанций: духовных и материальных (Декарт). Однако, объясняя физические и психические явления порознь, она не даёт внятного объяснения их взаимоотношениям, ссылаясь на всемогущество Бога. Эту точку зрения можно упростить, допустив существование только

одной субстанции, модусами которой оказываются единичные тела и души (Спиноза). Однако здесь остаётся неясной природа этой единой субстанции. Ведь если дух и материя – её атрибуты, то сама она ни духовна, ни материальна. Но мы не знаем ничего, что не было бы ни тем, ни другим. Поэтому человеческий разум стремится свести всё или к духу, или к материи, чтобы сделать понятным. Попытка всё свести к материи не удалась, и теперь делается попытка всё свести к духовному началу. Например, предлагается считать, что простая духовная субстанция Бог создаёт множество других простых духовных субстанций – индивидуальных душ-монад (Лейбниц). Что касается тел, то они образуются соединением монад. Остаётся неясным, однако, как возможно создавать монады из ничего. Создание объекта можно осмыслить как объективацию воли создателя, но что должно представлять собой создание другого субъекта?.. Чтобы попытаться избежать этой трудности, можно предположить, что есть только одна духовная субстанция, а индивидуумы – это её проявления (Э. Гартман). Материя же и у Лейбница, и у Гартмана имеет только феноменальное существование. По Гартману, она есть проявление воли сверхмирового духовного начала, двумя атрибутами которого являются разум и иррациональная воля, а их взаимодействие определяет мировой процесс.

Беседа вторая. О материи

Демокрит. Материя состоит из движущихся в пустом пространстве маленьких неделимых и неизменных тел (атомов), которые характеризуются только формой, объёмом и положением.

Бошкович. Материя – это система сил.

Э. Гартман. Материя – это система волевых актов.

Комментарий

Первоначальное представление об элементах материи возникает путём мысленного дробления воспринимаемых нами тел и отнятия у них “вторичных качеств”. Такова античная атомистика (Демокрит). Но можно пойти дальше и мысленно разложить вещество на силы притяжения и отталкивания (Бошкович); в этом случае взаимодействие сил отталкивания создаёт непроницаемые объёмы, которые мы воспринимаем как тела. Однако у силы, наверное, должен быть носитель. Но этот носитель уже не может быть веществом, иначе в объяснении возникнет порочный круг. Остаётся допустить, что то, что вовне обнаруживается как сила, изнутри есть воля сверхмирового духовного начала (Э. Гартман) – сверхмирового, поскольку материя, а вместе с ней и мир оказываются производны от него. Это будет гипотетический вывод по аналогии на основании опыта наших собственных волевых актов. При таком подходе нет необходимости полагать отдельное существование пространства, как это было в античной атомистике. С точки зрения Гартмана, пространство производно от материи, будучи его формой, и возникает вместе с материей, которая есть внешнее проявление актов воли; сама же воля, как и всё духовное, непространственна. Также в отличие от атомистики Демокрита при данном подходе оказывается мыслимым конечность реального пространства, поскольку радиус пространства определяется радиусом действия исходящих от мировой воли сил. А конечное пространство в принципе может расширяться и

сжиматься; здесь, похоже, идеи Бошковича и Гартмана перекликаются с некоторыми космологическими гипотезами новейшего времени...

Так в диалектическом процессе познания постепенно углубляется наше понимание реальности.

Список использованной литературы:

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М., 1976
2. Восток – Запад. Исследования, переводы, публикации. Выпуск 4. М., 1989
3. Гартман Э. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного: Метафизика бессознательного. М., 2010
4. Теория познания. В 4 т. Т. 1. Домарксистская теория познания. М., 1991
5. Челпанов Г. Введение в философию. М., Пг., Харьков, 1918

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ***Антаков Сергей Мирославович***

Кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: sergey@antakov.ru

Афанасьева Вера Владимировна

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов, Российская Федерация, E-mail: veraafanasyeva@mail.ru

Баженов Дмитрий Александрович

Кандидат философских наук, ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Российская Федерация, г. Нижний Новгород. E-mail: dmibazhenov@gmail.com

Беляров Валерий Владимирович

Кандидат философских наук, ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет», Российская Федерация, г. Нижний Новгород, E-mail: belyarov-valerii@mail.ru

Булычев Игорь Ильич

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Ивановский государственный политехнический университет, Российская Федерация, г. Иваново. E-mail: igor-algoritm@mail.ru

Владимиров Александр Анатольевич

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Волжский государственный университет водного транспорта», город Нижний Новгород, Российская Федерация, E-mail: Vladimirov-1945@mail.ru

Войтов Александр Георгиевич

Кандидат экономических наук, доцент, Российский университет транспорт (МИИТ) страны и города, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: voitovag@yandex.ru

Волкова Татьяна Ивановна

Кандидат социологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный медицинский университет», г. Челябинск, Российская Федерация. E-mail: VolkovaT-soc@mail.ru

Воробьева Светлана Викторовна

Кандидат философских наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: cherbourg@mail.ru

Волкова Мария Николаевна

Старший преподаватель, Казанский национальный исследовательский технический университет им.А.Н. Туполева-КАИ, Российская Федерация, г. Казань, Российская Федерация, E-mail: gwendolin@inbox.ru

Волченко Валерий Вячеславович

Старший преподаватель, Международный юридический институт Волжский филиал, г. Волжский, Российская Федерация. E-mail: aa-mitrofanov@yandex.ru

Горбунова Мария Вячеславовна

Аспирант, ФГОУ ВО Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация. E-mail: mvgorbun@yandex.ru

Глебов Олег Александрович

Студент магистратуры, Национальный исследовательский университет «высшая школа экономики», г. Москва Российская Федерация. E-mail: matfandor@gmail.com

Данилова Вера Софроновна

Доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО Северо-Восточный Федеральный университет. г. Якутск, Республика Саха (Якутия). E-mail: nikozh@gmail.com

Даутова Алия Асватовна

Студентка, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация. E-mail: aliya.dautova2014@gmail.com

Димитрова Светлана Васильевна

Доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская федерация, E-mail: sve-dimitrova@yandex.ru

Доненко Иван Леонидович

Студент магистратуры, физико-технический институт, ФГАО «Крымский федеральный университет» им. В.И. Вернадского, Республика Крым, г. Симферополь. E-mail: idonenko2012@gmail.com.

Дуплинская Юлия Михайловна

Доктор философских наук, доцент, ФГБОУВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», Российская Федерация, г. Саратов E-mail: duplinskaya@mail.ru

Ермолович Дмитрий Валентинович

Кандидат философских наук, доцент, Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Республика Беларусь, г. Минск. E-mail: ermolovichdv@gmail.com

Зеленко Сергей Викторович

Кандидат филологических наук, доцент, факультет журналистики Белорусского государственного университета, Республика Беларусь, г. Минск. E-mail: siarhejzelianko@gmail.com.

Зеленов Лев Александрович

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, город Нижний Новгород, Российская Федерация

Зеленцова Марина Григорьевна

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный химико-технологический университет», г. Иваново, Российская Федерация. E-mail: marigumm@gmail.com

Ивашкевич Павел Станиславович

Студент, Витебская духовная семинария, Республика Беларусь, г. Витебск. E-mail: рах_1998@mail.ru

Пилипенко Елена Александровна

Доктор философских наук, доцент, ФГБОУВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» Российская Федерация, г. Саратов. E-mail: e.pilipenko@bk.ru

Ерахтин Арнольд Валентинович

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Ивановский государственный политехнический университет. г. Иваново, Российская Федерация, E-mail: erakhtinav@mail.ru

Каримов Артур Равилевич

Кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация, E-mail: Anthropology.ksu@mail.ru

Кирюшин Алексей Николаевич

Кандидат философских наук, преподаватель военно-технических дисциплин, Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, г. Воронеж, Российская Федерация. E-mail: elrisha_@rambler.ru

Кожевников Николай Николаевич

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Северо-Восточный Федеральный университет. г. Якутск, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация. E-mail: nkozhev@mail.ru

Кожуховская Анастасия Анатольевна

Аспирантка кафедры философии, Челябинский государственный университет, Российская Федерация, г. Челябинск. E-mail: VolkovaT-soc@mail.ru

Кудряшев Александр Федорович

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация. E-mail: philozof@mail.ru

Куприянец Анна Владимировна

Магистрант кафедры философии культуры, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь. E-mail: ahorax@yandex.ru

Левко Анатолий Игнатьевич

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра историко-философских и компоративных исследований, Институт философии НАН Беларуси, г. Минск. E-mail: institute@philosophy.by

Лойко Александр Иванович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философских учений, Белорусский национальный технический университет, Республика Беларусь, г. Минск. E-mail: alexander.loiko@tut.by

Лукьянов Геннадий Иванович

Доктор философских наук, профессор, Волжский политехнический институт (филиал) ВолгГТУ, г. Волжский, Российская Федерация. E-mail: aa-mitrofanov@yandex.ru

Ляпанов Артем Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых г. Владимир Российская Федерация. E-mail: Lyapanov@mail.ru

Магомедов Камиль Магомедович

Кандидат философских наук, доцент, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация E-mail: magomedov49@mail.ru

Мисюров Д.А.

Кандидат полит, наук, доцент кафедры философии и социально-экономических наук Московского государственного университета геодезии, и картографии (МИИГАиК).

Митрофанов Андрей Анатольевич

Кафедра философии, этики и религиоведении, Северо-Кавказский социальный институт, г. Ставрополь, Российская Федерация. E-mail: aa-mitrofanov@yandex.ru

Морозов Константин Евгеньевич

Студент, ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Магнитогорск, Российская Федерация. E-mail: david.wolfenstein72@gmail.com

Новиков Владимир Тимофеевич

Кандидат философских наук, доцент, Белорусский государственный университет, Беларусь, г. Минск. E-mail: novikovvt@tut.by

Огнев Александр Николаевич

Кандидат философских наук, доцент, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва, г. Самара, Российская Федерация. E-mail: ognev.ssau@mail.ru, alexandrnikognev@gmail.com

Петров Вадим Петрович

Доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация. E-mail: vadpetrov54@gmail.com

Пономаренко Надежда Владимировна

Старший преподаватель, Оренбургский государственный медицинский университет, г. Оренбург, Российская Федерация. E-mail: verjen@mail.ru

Пилипенко Елена Александровна

Доктор философских наук, доцент ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов, Российская Федерация; E-mail: e.pilipenko@bk.ru

Прохоров Михаил Михайлович

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Нижний Новгород, Российская Федерация. E-mail: mmpro@mail.ru

Ровбо Маргарита Валерьевна

Аспирант кафедры философии культуры, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь. E-mail: ritarovbo@gmail.com

Романычева Лия Анваровна

Аспирантка, Минспорта РФ ФГБОУВО «Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (ГЦОЛИФК)», г. Москва, Российская Федерация. E-mail: liyafaber@ya.ru

Рыбаков Николай Сергеевич

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация, E-mail: niklajj-rybakv@rambler.ru

Садов Константин Сергеевич

Студент 4 курса, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: konstantin-sadov@mail.ru

Сазонов Владимир Николаевич

Кандидат технических наук, член РФО, г. Фрязино Московской области, Российская Федерация. E-mail: vlasazonov@mail.ru

Серостанова (Борисова) Оксана Борисовна

Ассистент кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, город Луганск. E-mail: vip.oksanka.borisova.2015@mail.ru

Спасский Игорь Дмитриевич

Начальник центра онтологических исследований и онтологического конструирования, Украина, г. Одесса. E-mail: ostrov7@gmail.com

Стоян Арсен Александрович

Соискатель, кафедра философии и права, ФГБОУ ВО Мурманский государственный технический университет, Российская Федерация, г. Мурманск. E-mail: stoyan.arsen@mail.ru

Тимошук Алексей Станиславович

Доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир. E-mail: human@vui.vladinfo.ru

Тимошук Елена Андреевна

Кандидат философских наук, ФГБОУ ВО Владимирский филиал Московского финансово-юридического университета, E-mail: e@timos.elcom.ru

Туркулец Алексей Владимирович

Хабаровский государственный университет экономики и права, г. Хабаровск, Российская федерация. E-mail: sve-dimitrova@yandex.ru

Фатенков Алексей Николаевич

Доктор философских наук, профессор, ФГБОУ ВО Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация. E-mail: kfa@fsn.unn.ru

Харитонов Александр Михайлович

Научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, Российская Федерация. E-mail: mavr@tig.dvo.ru

Чернова Яна Сергеевна

Кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: Lisa68.08@mail.ru

Черняк Дмитрий Львович

Преподаватель, 197341, Санкт-Петербург, алл. Котельникова, 5-1-54 e-mail: dmitricherniak@gmail.com

Чеснокова Леся Владимировна

Кандидат философских наук, и.о. доцента, Омский государственный университет путей сообщения, г. Омск, Российская Федерация. E-mail: L.Tchesnokova@mail.ru

Шешенина Анастасия Александровна

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых г. Владимир Российская Федерация. E-mail: Lyapanov@mail.ru

Шрейбер Виктор Константинович

Кандидат философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», г. Челябинск, Российская Федерация, E-mail: shreiber@csu.ru

Научное издание

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ
ПАРАДИГМА В ФИЛОСОФИИ:
ИСТИНА И ЕЕ ИМИТАЦИЯ

Сборник статей
по материалам XIV Международной научной конференции
28 ноября 2018 г.

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет
603950, Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65
<http://www.nngasu.ru>, srec@nngasu.ru